

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ

СЛОНЫ НА АСФАЛЬТЕ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

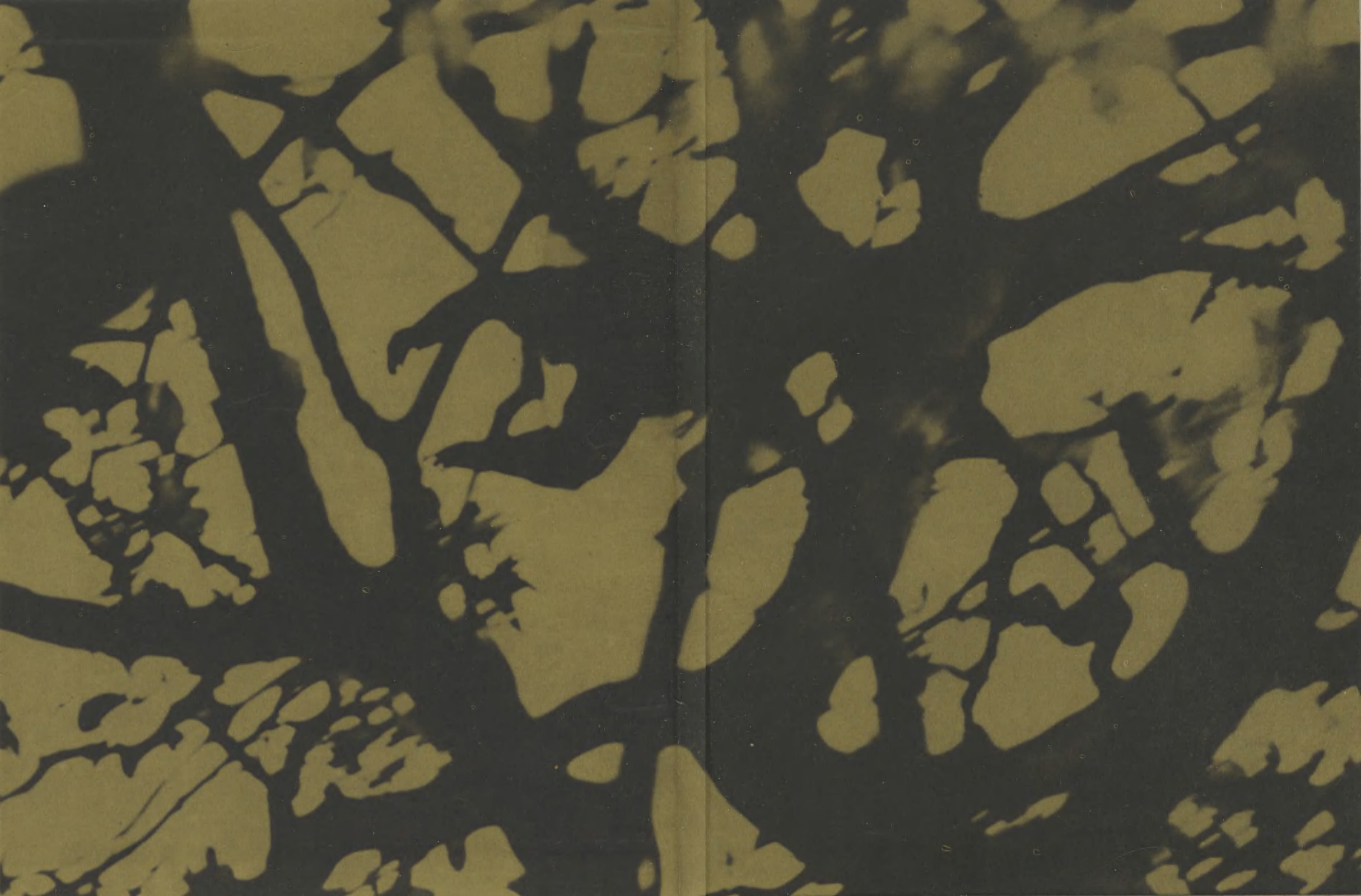
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

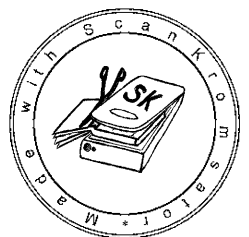
СЛОНЫ НА АСФАЛЬТЕ

СВЯТОСЛАВ
САХАРНОВ

Scan AAW

MIKUMI GAME CAMP
OYSTER BAY HOTEL
DARES SALAM

A black and white photograph of a man wearing a cap and glasses, standing in the back of a small truck. The truck is parked on a dirt road in a desert-like environment with sparse vegetation and trees in the background. The man is looking towards the camera.

СВЯТОСЛАВ САХАРНОВ

СЛОНЫ НА АСФАЛЬТЕ

Рассказы о животных

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1979

P2
C 22

Фотографии автора

Художники

Б. КЫШТЫМОВ И Э. БЕНЬЯМИНСОН

70801—288
С ————— Без объявл.
М101(03)79

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979 г.

В жизни мне довелось много бродить по свету: плавать на кораблях, летать, пробираться по лесам и горам, даже опуститься под воду. И всегда, в какую бы страну я ни попадал, я первым делом искал уголки, где сохранились дикие животные, встречался с людьми, которые посвятили этим животным свою жизнь.

Сейчас на планете потоп. Морем разлился человеческий род. Землю покрыли две сети — железная и каменная. Железная сеть — рельсы, трубопроводы, линии электропередач. Каменная — автомобильные дороги и города. Распахана почти вся пригодная для обработки земля. Сбиваются на уцелевшие зелёные островки звери, слетаются птицы. Это их последние убежища — дальше отступать некуда.

Мне довелось бывать и в африканских заповедниках, и в болотах Кубы, и на далёких, затерянных в океане клочках земли. Там ещё можно встретить стада слонов, антилоп, тысячные скопления моржей — последние царства животных.

Но вот что удивительно: и на этих пятачках звери живут бок о бок с человеком. И там довольно много людей — учёных, рабочих, наконец, просто туристов. Звери привыкли на глазах у людей спать, охотиться, выводить птенцов, кормить детёнышей.

Из поездок я привозил всегда много фотографий. Их я включил в книгу. Эти фотографии — тоже свидетельства очевидца. Свидетельства того, что происходит на Земле.

ЛИМОН ДЛЯ ЧУГУНКОВА

*Мы оказались выброшены на неизвестный и пустынный остров...
Морские коты здесь выходят на берег в таких огромных количе-
ствах, что весь берег бывает покрыт ими.*

Свен Ваксель, участник экспедиции Беринга.
1741 год

ПЛЫВЁМ НА ТЕПЛОХОДЕ

КАК ВЫГРУЖАЛИ ТУРИСТОВ

ВЕЗДЕХОД

ЗНАКОМЛЮСЬ С ЖИТЕЛЯМИ ЛЕЖБИЩА

ЛОВИМ КАМБАЛ

ЧТО МОЖНО УВИДЕТЬ, ЕСЛИ ОДНОМУ
ОТПРАВИТЬСЯ ВДОЛЬ БЕРЕГА

КОТИКИ, СИВУЧИ, КАЛАНЫ

ЗАПИСЫВАЕМ ГОЛОСА

ЧЕЛОВЕК И МОРСКОЙ ЗВЕРЬ

КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА

июль — август, 1975 год

В ЯКУТСКЕ

Лимон я купил в Якутске, когда самолёт делал там остановку. В буфете было много народу. Встал в очередь за бутербродами, а когда очередь подошла, увидел на стойке в надбитой стеклянной вазе лимон.

— Один остался? — спросил я весёлую краснощёкую продавщицу.

— Один.

— Давайте его сюда... Это для Чугункова, — объяснил я и положил лимон в карман.

НА ТЕПЛОХОДЕ

От Камчатки до острова Беринга мы шли на теплоходе. Судно было новенькое: все углы в каюте пахли краской, а пружины койки весело звенели. На теплоходе было много туристов. Они не спали, бродили по коридорам, стучали огромными ботинками или собирались на палубе в кружок и пели под гитару.

Особенно мне запомнился один турист — у него на голове была детская велосипед-

ная шапочка. Он подходил ко всем, спрашивал: «Ну как, на вулкан полезем?» — и сам смеялся. Он первый раз плыл на теплоходе, первый раз был на Камчатке — словом, всё для него было впервые.

Ночью я проснулся оттого, что пружины звенели особенно громко. Постель двигалась. Она наклонялась то назад, то вперёд, я то сползал с подушки, то снова влезал на неё.

Радио повторяло:

«Пассажиры, идущие в Жупаново! Высадки по условиям шторма не будет!»

Я поднялся на палубу.

Вокруг было черным-черно. Сильно качало. Внизу у борта, куда падал свет от иллюминатора, то появлялась горбатая белая пена, то, шурша и пузырясь, исчезала.

По палубе, спотыкаясь, бежали туристы.

— Говорят, всё-таки высадят! — утешали они друг друга.

ВЫГРУЗКА

Когда рассвело, я увидел, что наш теплоход стоит неподвижно посреди залива.

По океану шли горбатые зелёные волны.

От берега к нам уже спешил буксир. Он тянул низкую плоскую баржу. Они подошли и остановились под самым бортом. Волны то и дело с грохотом и скрипом бросали их на теплоход.

«Сходящим на берег собраться на корме!» — вдруг объявило радио.

Неужели туристов будут высаживать?

Я подумал, что в такую погоду самое опасное — перейти на баржу. А ну как прыгнешь — да попадёшь между бортами!

Но прыгать никому не пришлось. На корме, куда сбегались туристы, около мачты лежала сетка с дощатым поддоном. Туристы стали на поддон, заработала лебёдка, и канат, побеговав вверх, поднял борт сетки.

— Прощайте, братцы! — крикнул, дурачась, турист в детской шапочке.

Он не успел помахать нам рукой, как сетка взмыла вверх и матросы вывели её за борт. Теперь туристы висели между небом и водой.

Лебёдка заработала в обратную сторону, сетка стала снижаться. Матрос, который управлял лебёдкой, поймал момент — баржа остановилась —

и ловко посадил сетку на палубу.

Я свесил голову через поручни. Внизу на барже выплывали из сетки и ползали, как раки, маленькие людишки.

«Ну, а если и меня так будут выгружать... Вот так плавание! Скорей бы уж остров!»

ОСТРОВ

Мы доплыли только на второй день. Был туман, и сперва я никакого острова не увидел.

Просто между туманом и водой показалась синяя полоска. Но теплоход подошёл ближе, стали видны белые зубчики — прибой на берегу, потом чёрный квадратик — причал и, наконец, разноцветные пятнышки — дома. С берега пришёл катер, забрал нас — пассажиров, описал вокруг теплохода прощальный круг и побежал к берегу.

Неторопливо стучит мотор, катер дрожит и покачивается. Причал поднимается из воды. На причале — толпа. Теплоход тут редкость, люди вышли как на праздник.

— Чугунков кто? — спросил я, когда катер подошёл близко.

— Нет его! — ответили с причала.

Когда я выбрался вместе с остальными пассажирами на берег, мне объяснили:

— На лежбище ваш Чугунков. Третий месяц там. Вездеход сегодня к нему пойдёт.

Потом я стоял около столовой, откуда, мне сказали, пойдёт машина, и от нечего делать разглядывал посёлок. Он был в две улицы: одна — из старых домов, вторая — из новых. Новые дома были розовые, зелёные, яркие, как цветы. «Видно, на острове редко бывает солнце, и люди решили покрасить свои дома повеселее», — подумал я.

Вспомнив про лимон, сунул руку в карман. Но лимон куда-то исчез. Нашёл я его в рюкзаке.

— Ишь ты, куда спрятался! — сказал я и погладил пальцем пупырчатую маслянистую шкурку.

Палец сразу же сладко запах югом.

Подошёл вездеход, принесли груз — ящики с консервами, муку, — мы сели, и машина тронулась. Она сбежала с пригорка, перешла вброд речку и, погромыхивая гусеницами, покатила по песчаному длинному

пляжу. На нём лежали разбитые суда. Они погибли, видно, давно и далеко от этих мест: корабельные доски были добела отмыты солёной водой, а мачты у судов — сорваны...

Пляж кончился, вездеход стал карабкаться на сопку. Из-под гусениц теперь летел торф, они врезались в землю, и из неё выступала вода. Вездеход шёл, а за ним бежали два ручейка.

На каждом ухабе ящики подпрыгивали, консервные банки стучали. Мешки лежали тихо.

Наконец, потрянуло так, что мы все чуть не вылетели из кузова.

— Ух ты!

Я сунул руку в карман — лимон на месте.

Вездеход остановился, и в кузов заглянул водитель.

— Приехали. Лежбище! — сказал он.

В ДОМИКЕ

Машина стояла у подножия зелёной сопки. Справа и слева — высокая, почти в рост человека, трава. В ней — два домика, похожие на железно-

дорожные вагончики. Над одним — дымок.

Дверь была без замка. Я толкнул её. В домике — две кровати, железная печь. На плите подпрыгивает и плюётся паром чайник.

На кровати сидел мальчишка и спокойно смотрел на меня.

— А где Чугунков? — спросил я.

— Я Чугунков! — ответил мальчишка.

— Значит, я к твоему отцу! — Я сел на краешек кровати. — Папа скоро придёт?

— Он на Северном лежбище. За батарейками пошёл — у нас рация не работает.

— Так ты один?

— Нет. Ещё Володя-инспектор.

За дверью загромыхал, разворачиваясь, вездеход.

Мы вышли на крыльцо. Ящики и мешки уже были сгружены в траву. Водитель высунулся из окошка, крикнул что-то, и вездеход, разбрызгивая грязь, покати по тундре.

— А вы свои вещи вносите, — сказал мне мальчишка. — Пока отца нет, можете на его кровати спать.

Из соседнего домика вышел высоченный парень в огром-

ных, с отворотами, резиновых сапогах.

— Юра, — строго спросил парень, — это кто?

Я понял, что это Володя-инспектор.

— К отцу.

— Разрешение жить на лежбище есть?

— Есть. — Я помахал в воздухе бумажкой. — Давайте я вам ящики помогу таскать, — сказал я, чтобы задобрить строгого инспектора.

Мы перетаскивали ящики под навес.

— Сейчас обедать будем, — сказал Юра. — Хлеба не привезли? А то у меня чёрствый.

Мы сварили из пачки концентрата рисовый суп и открыли банку маслянистой рыбы хек. Потом я лёг на кровать Чугункова, укрылся его одеялом и сразу уснул.

ОТЛИВ

Проснулся я оттого, что кто-то тихонько вытаскивал из-под кровати что-то тяжёлое.

Около меня сидел на корточках Юра и тащил резиновый сапог. Второй уже стоял посреди комнаты.

- Ты куда?
- Рыбу ловить.
- Подожди.

Я умылся до пояса холодной водой, достал из рюкзака сапоги, и мы спустились к морю.

Был отлив. Вода ушла, обнажилось дно — коричневые и зелёные водоросли. Среди них — такие же коричневые и зелёные лужи.

Юра пошарил в траве, достал припрятанный деревянный ящик и зашагал с ним по воде. Я побрёл следом.

В лужах сидели маленькие колючие ежи и красные с тонкими лучами морские звёзды. Ежи шевелили иглами, а звёзды, когда их переворачивали, начинали медленно, как берёста на огне, изгибаться.

Юра вышел на самую середину большой лужи, посмотрел в воду, поднял ногу и быстро наступил на что-то сапогом. Потом сунул под сапог руку и вытащил большую шишковатую камбалу. Сделал шаг и достал вторую.

«Ну и рыбалка! Просто удивительно!»

Набрав целый ящик рыб, мы пошли домой.

Я спросил по пути:

— Юра, ты в каком сейчас классе?

- В девятом.
- Кончишь, кем будешь?
- Охотоведом.
- Как отец...
- Вы поговорите с Володей, чтобы он вас взял на лежбище. Без него не ходите — рассердится...

ЛЕЖБИЩЕ

Тропинка, пробитая в высокой траве, карабкалась вверх на сопку.

Володя шёл молча, нельзя было понять — то ли он недоволен моим приездом, то ли вообще не любит разговоры.

Дул встречный сырой ветер. Он приносил слабый шум — блеяние, будто впереди кричат овцы, — и стойкий запах хлева.

— Ветер. С моря! — сказал Володя, и я опять не понял: хорошо это или плохо?

Последние шаги — и мы на перевале. И сразу же в глаза ударило — открылся, вспыхнул на солнце океан. В уши ворвался рёв.

Вот оно какое — лежбище! Внизу под нами волновались два моря: одно настоящее, серое, стальное — вода, волны; другое живое — звери, тысячи

звериных тел на песчаном пляже.

Котики, котики, котики... Громадины — самцы; хрупкие, тонкие самочки; совсем маленькие, россыпью, как семечки, — котята.

Среди коричневых, чёрных зверей вспыхивали тут и там белые искры — бродили, перелетали с места на место чайки.

Огромный, чужой, непонятный мир!

Целый час я пролежал в траве, с удивлением присматриваясь и прислушиваясь к нему. Наконец Володя показал рукой — надо уходить!

— Ветер меняется! — шёпотом сказал он. — Учуют, как шарахнутся, подавят чёрненьких. Пошли, пошли!

— Каких чёрненьких?

— Малышей.

— А-а...

Мы осторожно, стараясь не шуметь, поползли назад.

ЛАЙДА

Весь следующий день я ждал Чугункова, но он не пришёл. Не вернулся он и ещё через день.

— А вы походите по острову, — сказал Юра. — Котиков

посмотрите. Сейчас у нас тут и сивучей много. По лайде так и идите.

Лайдой он называл пляж, который тянулся от мыса в обе стороны вдоль берега.

— Непропуски поверху перейдёте. Тут далеко-о уйти можно! У вас палатка есть?

— Обойдусь... Верно, пойду: может, отца встречу?

Я положил в рюкзак пачку пресных галет, привязал к нему спальный мешок, взял фотоаппарат. Уходя, сунул руку на полку и нащупал лимон. Он лежал там в самом углу. Понюхал пальцы — они опять пахли терпко, по-южному.

Не дожидаясь обеда, вышел из домика и, перевалив через сопку, побрёл на север.

Я шёл, стараясь не пугать животных, прижимаясь к крутому зелёному боку горы.

Котики лежали семьями. В середине — огромный самец — секач, колечком вокруг него самочки, тут же сбоку — чёрной стайкой — малыши.

На песке, в воде на камнях желтели туши гостей котикового пляжа — сивучей.

Я шёл медленно, то и дело останавливаясь, присматриваясь, стараясь ничего не пропустить.

ДРАКА

Вот два молодых самца стоят друг против друга. Расставили лапы и вертят шеями.

«Хр-р-р! Хр-рр-р!»

Что не поделили? Должно быть, место. Вот один изловчился, цапнул зубами противника за плечо. По золотистой шкуре клюквенными брызгами — кровь.

Раненый — обидчика за лоб. Теперь у них обоих шкуры в крови. Не выдержал тот, что поменьше: повернул — и прочь. Бежит, вскидывает тело, выбрасывает вперёд лапы, подтаскивает зад. Песок — в стороны!

Бежал, бежал — на пути великан-сивуч. Котик с разбегу — под него. Повернулся между лапами-брёвнами и замер: «Куда это меня занесло?»

А сивуч даже не заметил. Спросонок хрюкнул, накрыл ластом беглеца. Торчит теперь из-под сивуча одна котикова голова.

Подбежал и второй. «Стоп! Куда делся обидчик?» Понюхал — где-то здесь! Присмотрелся: «Ах, вот он где!»

Рычит котик, грозит, а подойти боится. Страшно: экая

громадина — сивуч. Клыки что ножи!

Порычал, порычал и побрёл прочь.

Я лежу в траве, перекручиваю плёнку в фотоаппарате. Интересно, чем кончится дело?

Дремал сивуч, дремал, чувствует — поворачиваться неловко стало: возится что-то между ластов. Сонную морду опустил, котика за загривок зубами взял не глядя, башкой мотнул. Полетел вверх тормашками двухметровый кот. Плюх в воду! А сивуч — глаз не открывая — снова голову опустил.

Тепло, хорошо ему на лаиде!

ЧЁРНЕНЬКИЕ

Около кучки чёрненьких я снова залёг в траву. Чем занимаются малыши?

А у этих дела важнее важного: время учиться плавать пришло. Бродят у воды, мордочками вертят. То на океан посмотрят, то на песок. Страшно в воду идти... а что-то внутри так и толкает, так и толкает! Жмутся чёрненькие к воде, отскакивают: волна на песок набегит — того и гляди, окатит!

Один чёрненький зазевался. Выкатила на берег волна, накрыла его, назад с собой поволокла. Очутился малыш в воде. Барахтается, ластами, как птица крыльями, трепещет. Не удержала его вода — скрылся с головой. Вынырнул — воздуха глотнул, задними ластами на манер хвоста шевельнул и... поплыл.

Плывёт к берегу, торопится, головёнкой вертит: успеет ли до следующей волны?

Успел.

Стал я искать глазами котиковых мамаш. Нет их. Отец на песке лежит, а мам нет — в море уплыли. Должно быть, кормятся. Впрочем, вот одна. Из воды вылезла, прямоком — к своему. По голосу нашла. Легла на песок, на бок повернулась. Малыш тут же носом в живот ей уткнулся, задёргал головёнкой — сосёт. Да, вкуснее мамкиного молока ничего нет.

ЧАЙКИ

Между коричневыми телами котиков там и сям — чайки. Бродят среди тюленей, выклёвывают червяков, подбирают гниль, всякую всячину.

Заметила одна чайка: надомной трава шевелится. Взлетела и — ко мне. Крылья растопырила, повисла в воздухе.

Кричит без умолку: «Ив-ив!»

За ней — вторая. Вопят истошными голосами, пикируют на меня, вот-вот клюнут.

Забеспокоились и котики. Кто спал — глаза открыл, а кто бодрствовал — нос кверху поднял. Принюхиваются, озираются. Кое-кто на всякий случай к воде поближе переполз.

Я — рюкзак за спину и через траву, пригибаясь, на сопку — подальше от зверей, от тревоги.

Выходит, чайки здесь не только санитары — они ещё и сторожа!

СИВУЧ

Шёл я поверху и снова увидел внизу, среди огромных, упавших на лайд валунов, жёлтые неподвижные тела сивучей.

«Дай-ка подкрадусь к ним поближе!»

Подумал и начал спускаться.

Склон кончился. Трава уже выше головы. Под ногами песок.

Вдруг прямо перед моим носом из травы — серая круглая громадина — валун. Подобрался я к нему, спрятался, стал потихоньку спину разгибать. Поднял голову и... очутился лицом к лицу с огромным сивучом. Стоим мы с ним по обе стороны камня и смотрим друг на друга.

Сивуч то и дело поводил шей, и от этого у него под шкурой переливался жир. Видел он плохо, но чуял опасность, принюхивался и старался понять: откуда этот незнакомый тревожный запах?

А я стоял не шевелясь. Зверь смотрел на меня мутными глазами, недоумевая: камень я или что-то живое?

Не выдержав, я мигнул. Сивуч заметил это и, издав хриплый рёв, круто повалился на бок. Качнулся и задрожал жёлтый бок, вылетел из-под ластов песок. Раскачиваясь из стороны в сторону, зверь вскачь помчался к воде. По пути врезался в груды других сивучей. Те, как по команде, вскочили и, тревожно трубя, обрушились в воду. Пенная волна выхлестнула на берег!

То ныряя, то показываясь, великаны поплыли прочь.

КАЛАН

Иду дальше. В маленькой бухточке, отгороженной от моря высокой скалой, вода спокойная, гладкая. Со дна поднимаются, плавают коричневыми шишковатыми блинами водоросли — морская капуста. Подул ветерок, листья зашевелились, стали вытягиваться по ветру.

И вдруг я заметил, что один небольшой лист плывёт как-то странно — против ветра! Поднёс руку козырьком к глазам, присмотрелся и вздрогнул: с листа на меня смотрели два блестящих глаза.

Это был не лист. От берега плыл, лёжа на спине, зверёк. Он плыл, сложив передние лапки на груди и прижав задние к животу. Плыл, работая одним хвостом. Зверёк выбрался на середину бухточки, запрокинул круглую усатую мордочку и нырнул. Через некоторое время он вынырнул, снова лёг на спину и зевнул.

«А что это у него за колючки на животе?» — подумал я.

Ветер понёс зверька к берегу, и я разглядел — пловец прижимает лапой к груди морского ежа!

Я понял, что передо мною морская выдра — калан. Зверь, который водится на втором из Командорских островов — на Медном, но изредка заплывает и сюда, к этому берегу.

Калан принялся за еду. Он аккуратно обмял лапами ежа — так дети лепят снежки — и начал есть. Остатки бросил в воду.

И тут со скалы метнулась вниз чёрно-белая стрела: длинноклювая кайра на лету подхватила объедки и с радостным криком унеслась прочь.

Я не заметил, как в бухточку сполз туман. Исчезла скала, вода из чёрной, маслянистой стала серой, покрытой острыми гвоздиками.

Я потерял калана из виду.

НОЧЬ

Стало смеркаться. Надо было искать место для ночлега.

В одном месте над лайдой нависала скала. На плоскую её вершину ветер нанёс земли, на земле выросла трава. К скале то и дело с криками подлетали маленькие чёрные птицы с красными широкими носами — топорики.

Я положил под скалой рюкзаки, достал спальный мешок,

забрался в него с головой и долго лежал согреваясь. Ветер дул не переставая. Острые песчинки, пролетая, царапали мешок.

Потом я заснул и даже не слышал, как ночью шёл дождь.

Проснулся рано, стряхнул с мешка воду, подумал: «В вагончике-то тепло!» Сразу захотелось назад, к Юре, к чайнику, весело поющему на плите.

СТАРЫЙ КОТИК

Теперь я знал дорогу и обратно шёл быстро. Перевалив через скалу-непропуск, снова вышел на лежбище.

В стороне от стада, в неглубокой воронке, лежал котик. Он был стар, шкура на боках облезла. Рой мух кружился над ним. Котик лежал прямо на моём пути, но я устал и решил не сворачивать.

Старик забеспокоился только тогда, когда я оказался совсем рядом. Ветер относил мой запах в сторону, и поэтому котик не понял, кто приближается. Он вытянул навстречу мне узкую, с повисшими усами морду и глухо рывкнул. Потом завозился, пытаясь выбраться

из воронки. Слепые глаза тщетно старались разглядеть: кто перед ним? Мне стало жалко его, и я остановился. Моя неподвижность обманула животное. Котик, шумно вздохнув, улёгся снова.

Прошумели крылья. На песок села чайка. Она покосилась на меня красным нахальным глазом, соскочила в воронку и, сунув клюв под зверя, вырвала из его живота клочок шерсти. Поклевав, птица лениво взмахнула крыльями и полетела прочь.

Я сделал осторожно шаг назад. Котик вздрогнул во сне.

«Это его последнее лето», — подумалось мне.

ЧУГУНКОВ

Подойдя к домику, я увидел около двери ружьё. В комнате весело гудела печь, на кровати сидел большой человек. Сапоги он снял и сидел в толстых шерстяных носках.

— Вы Чугунков? А я к вам приехал из Ленинграда. Помните, мы уславливались? Мне для журнала нужно статью написать.

— Помню, — сказал Чугун-

ков и кивнул. — А я вот на Северное пошёл, да и застрял. Котиков там метили. Ну, как вас мой Юра принял?

— Юра? Он у вас молодец, мы с ним тут камбал ногами ловили. Где он?

— За водой на ручей пошёл... Долго у нас пробудете?

— Как получится. Я ведь, между прочим, магнитофон привёз. А что, если мы запишем котиков?

— Попробуйте.

Чугунков улыбнулся и вдруг заревел секачом. Потом залаял самочкой. Заблеял малышом.

Это получилось очень смешно: сидит на кровати взрослый, большой человек в носках и кричит по-звериному на разные голоса. Но я не смеялся, а, наклонив голову набок, серьёзно слушал. Потом достал из чемодана магнитофон, и мы стали проверять, всё ли в нём работает хорошо.

Пришёл Юра с водой, вскипятили чайник, сели за стол.

Я достал с полки лимон, ножом разрезал его на три части. Стали пить чай. Чугунков пил вприкуску. Он долго дул в чашку, отгоняя лимон, а потом клал на язык белый сахарный кубик и, причмокивая, тянул коричневую сладкую жидкость.

— Завтра чистим пляж, — сказал он, — а уж потом я вами займусь. Потерпите?

— Ничего, — сказал я, — мне не к спеху. Вы давно тут, на лежбище?

— Десятый год. С мая по октябрь. Семья на Камчатке, а я в вагончике. Хорошо, Юрка теперь со мной, — подрост. Вы лимон один привезли?

— Один.

— Жаль. Тёплым морем от него пахнет. Пальмы... Музыка...

КОТИКИ И АВТОМОБИЛЬ

Когда мы с Юрой назавтра пришли на лайду, прилив уже начался, вода закрыла верхушки камней. Сивучи, которые любили сидеть на них, перебрались на берег.

Из-за сопки слышалось урчание мотора.

Над высокой голубой травой показалась кабина тяжёлого автомобиля. Тотчас беспокойно завозились, заворчали самцы. Чайки поднялись в воздух, помчались выяснять — что там? Самки тревожно принюхивались — не беда ли?

Одни только чёрненькие

продолжали дремать. Из-за края сопки на лайду выкатился автомобиль. В кузове сидели трое рабочих-алеутов. Пробуксовывая колёсами, автомобиль подъехал к самой воде. Рабочие соскочили на песок и стали подбирать вилами мусор и падаль, швыряя их в кузов.

Я был поражён. Я думал — начнётся паника. Произойдёт то, о чём говорил Володя: животные, сметая всё на пути, лавиной кинутся к воде, будут раздавлены чёрненькие... Но котики скоро перестали волноваться. Только самочки, гоня перед собой малышей, немного отползли в сторону.

К автомобилю, видно, здесь привыкли. Рабочие, подобрав мусор, перешли на новое место.

Мы сидели с Юрой на сопке. Внизу под нами следом за машиной шёл Чугунков. У него в руке была записная книжка. Он подходил к котикам, считал их и что-то записывал. Он смотрел на них, как врач смотрит на больных. Ему было трудно идти по вязкому песку.

Вот он стоит, широко расставив ноги и сбив на затылок кепку. В резиновых сапогах его отражается серое, затянутое тучами небо.

ГОЛОСА

Мы записывали голоса котиков. Чугунков с магнитофоном остался на сопке, а я полз по пляжу. За мной как змея извивался чёрный резиновый шнур.

Я старался не спугнуть зверей.

Но вот встревожилась ближайшая ко мне самочка.

Она привстала и подняла острую рыжую мордочку, зашевелив усами.

Оторвали от песка головы и её соседки. Завозился огромный самец. И вдруг всё семейство, как по команде, двинулось к воде.

Зашевелились другие звери. Закачались, заныряли усатые чёрные головы. Пляж начал приходить в движение.

Резиновый шнур натянулся и рывком остановил меня. Из травы Чугунков делал свирепые знаки: назад, назад!

Мы ушли и, чтобы дать зверям время успокоиться, вернулись только через час.

Теперь Чугунков решил попробовать сам. Он сходил в домик и принёс оттуда бамбуковое удище. Привязал к нему микрофон. Поплевал на ладонь,

повертел ею в воздухе — поймал ветер. Прикинул, где лучше выходить из травы.

Я остался около магнитофона. Под локтями — трава. Перед носом — петлей, с бобины на бобину, — коричневая лента. Я посмотрел вверх неё — что делает Чугунков?

Он полз не поднимая головы. Когда до ближайшего зверя — это тоже была самочка — осталось шагов шесть, остановился и долго лежал. Котики, встревоженные было приближением непонятного тёмного пятна, понюхали воздух, успокоились. Ветер был от них. Тогда Чугунков, не поднимаясь, подвинул палку с микрофоном к самому зверю. Я нажал клавишу, закрутились бобины...

Потом Чугунков пополз к воде. Там стайкой лежали чёрненькие. Этим он совал микрофон прямо в мордочки. Котята отворачивались, отступали. Одного заинтересовала блестящая белая штука на палке, он подковылял к ней, ткнулся носом, попробовал на зуб...

Последним записывали большого секача. Тот уже покинул свой гарем и лежал в стороне от стада.

Это было далеко от меня. Чу-

гунков подполз к зверю со спины, положил микрофон рядом с ним. Великан не обратил на это внимания. Он, видно, молчал, потому что Чугунков вдруг привстал. Секач уставился на него. Человек и зверь некоторое время смотрели друг другу в глаза, потом кот качнулся и, тяжело перебрасывая с места на место лапы, стал отступать. Короткий рёв — одинокий, низкий, недовольный — пронёсся над берегом...

Вечером в домике мы прослушали записи. Сперва шелестела, перематываясь с бобины на бобину, лента. Потом послышался плеск волн и беспокойное мычание — шумело лежбище. Затем кто-то задышал, захрюкал — сонно, лениво. Самочка! Опять молчание... Жалобно заблеяли малыши. Заскрипело — котёнок ткнулся в микрофон... Наконец, из шелеста волн и шуршания песка возник, перекрывая их, и заполнил весь домик могучий рёв потревоженного самца.

— Ну вот, получилось! — весело сказал Чугунков. — Не зря ползали. Вам это для чего?

— Вдруг радиопередачу сделаю...

Растопили печь. Юра поставил воду.

Я вспомнил, как мы пили вчера чай: за окошком тундра, низкое серое небо, вот-вот пойдёт дождь. А на столе у нас круглый, жёлтый, как маленькое солнце, лимон. Лежит, пахнет югом и далёким ласковым морем.

УТРО

Ночь на Командорах короткая и светлая. Не успеет солнце погрузиться в воду у северного мыса, как снова светлеет, и от далёких Алеутских островов идёт новый день.

Эти час-два голубых сумерек прекрасны. Если нет тумана и воздух прозрачен, то всю ночь дрожит над водой жёлтая цепочка огней села Никольского — единственного поселения на островах. Там кто ещё не успел лечь, кто уже встал. Вот над бухтой вспыхнул зелёный огонёк — это отошёл от причала катер, рабочие-алеуты идут на лежбище. Вот огонёк исчез — катер зашёл за остров Топорков. Вот появился снова, уменьшился и пропал...

Над горизонтом выкатилось

солнце. Стылая стальная вода неподвижна. В Никольском закурчавился один дымок, другой...

ЧЕЛОВЕК И КОТИК

На прощание Чугунков рассказал мне про лежбище — какое оно зимой.

Как-то остался он тут до декабря. Зима была недружная: снег то шёл, то таял. В вагончике сыро. пляж голый. Котики уплыли. Остался только один самец. Здоровенный секач! Лежит на песке отощавший, ни жира, ни мышц. Все котики уже давно в тёплых краях, а этот — словно жалко ему уплывать! — то спустится в воду, то вылезет обратно на берег...

— Прихожу я как-то утром, — говорит Чугунков, — а его нет, уплыл. И снег в этот день такой пошёл! Всё занесло. И мороз ударил...

На следующий год Чугунков приехал на остров очень рано — только лёд сошёл. Стоит на лайде, смотрит в бинокль. Вдруг видит — чёрная голова! Плыёт какой-то зверь, отфыркивается. А это — котик. До-

плыл, шумно вздохнул, вылез на берег и в самой середине пляжа самое лучшее место занял. Застолбил его! Для себя и для своей будущей семьи.

Лежит. Такой красавец, такой здоровяк! Откормился за зиму на южных харчах.

— Тут я и подумал: «Уж не ты ли это, мой друг, первым вернулся? Видно, крепко тебя назад тянуло...»

Так они вдвоём на берегу и просидели до вечера. Сидят и на море смотрят — кто приплывёт вторым?

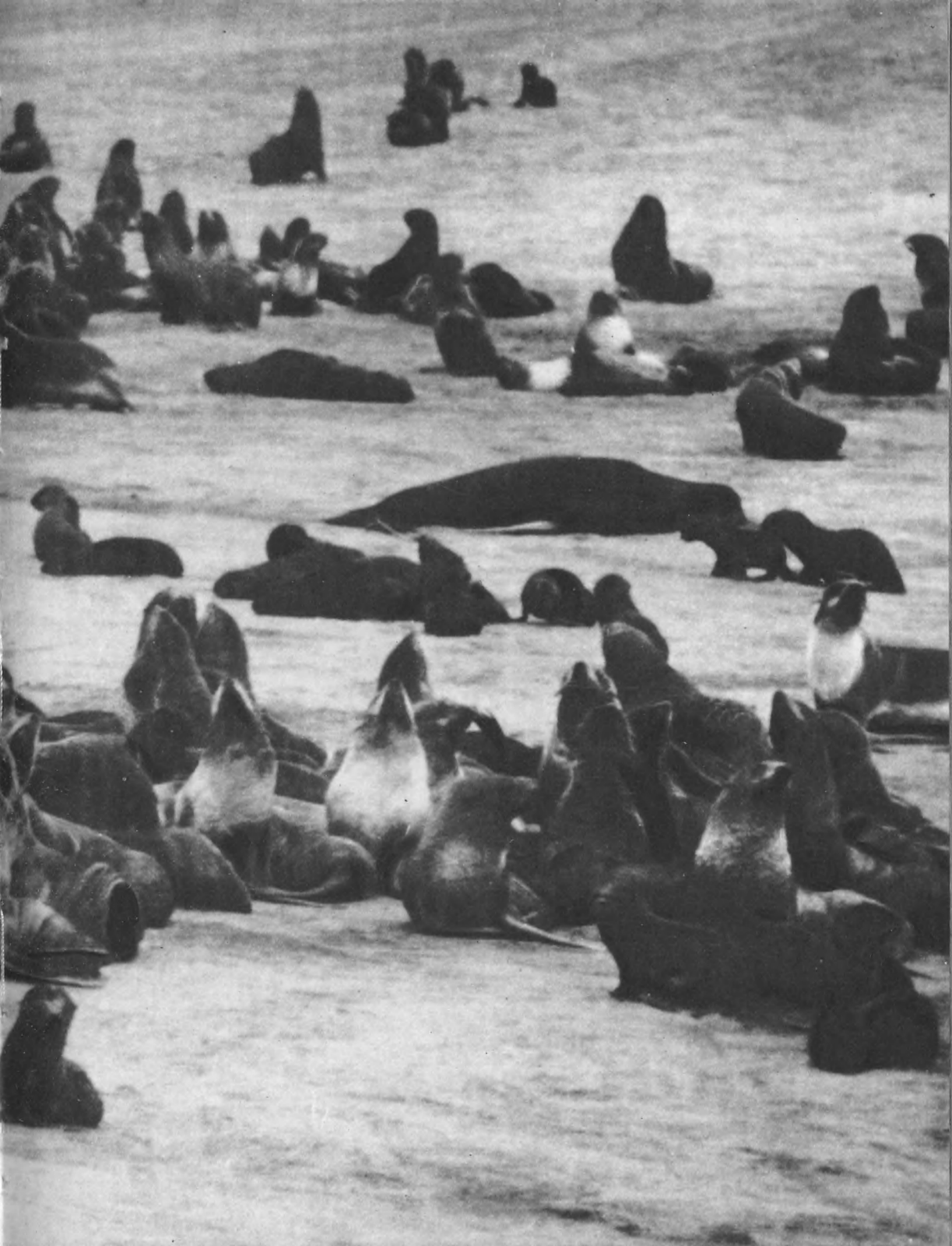
Конец лета,
котиковые семьи уже распадаются:
малыши подросли,
матери всё чаще оставляют их,
всё больше времени проводят в море.
Да и самцы не так уж строго
присматривают за порядком
на лежбище.

Порой они и сами, оставив семью,
пускаются бродить по пляжу
или забираются в воду.

Впереди — первые холода,
далёкий путь, жизнь в тёплых,
богатых рыбой водах.

Богатых, но и таких опасных
из-за хищников — акул, косаток.

Чугунков подбирался к котикам,
сгибаясь в три погибели,
прижимая к груди фотоаппарат.
Я шёл следом.
Он услышал скрип песка,
обернулся, погрозил мне.
Я отстал.
Но я всё-таки успел снять,
как он крадётся.
Многих котиков на лежбище
Чугунков знает в лицо.
Весной, когда стадо возвращается
на остров, он их встречает — один
на громадном пустом берегу.
Секачи один за другим
выходят из воды
и ложатся на
холодный песок,
огрызаясь, скаля зубы:
каждый занял место
для будущей семьи,
каждый
готов за него в бой.

Новорождённые котята
не умеют плавать.
Я уже писал,
что матери
держат их на берегу
в «детских домах».
Но вот чёрненький вырастет
и всё чаще подходит
к таинственной
холодной,
но такой манящей воде...
Чтобы снять этого малыша,
я долго полз за ним следом
по мокрым камням.
Надо было дожждаться,
чтобы белая пена
стеной выросла за ним.
Так и случилось,
но потом волна опрокинулась
и облила нас с чёрненьким
с головы до ног.
Тогда он заплакал:
он боялся и новой волны,
и меня,
а матери поблизости не было.

Возмутители спокойствия
на котиковом пляже —
холостяки.

Каждый уже вырос,
хочет обзавестись семьёй,
но по-настоящему
бороться

за самку и за
место на берегу
у него ещё нет сил.

Вот и бродят они по лежбищу,
ввязываясь в драки,
пугая чёрненьких, вызывая
гнев патриархов-секачей.

Приближается чужак...

Старый секач оскалил зубы,
встопорщил усы,
выкатил глаза.

Сейчас как заревёт:

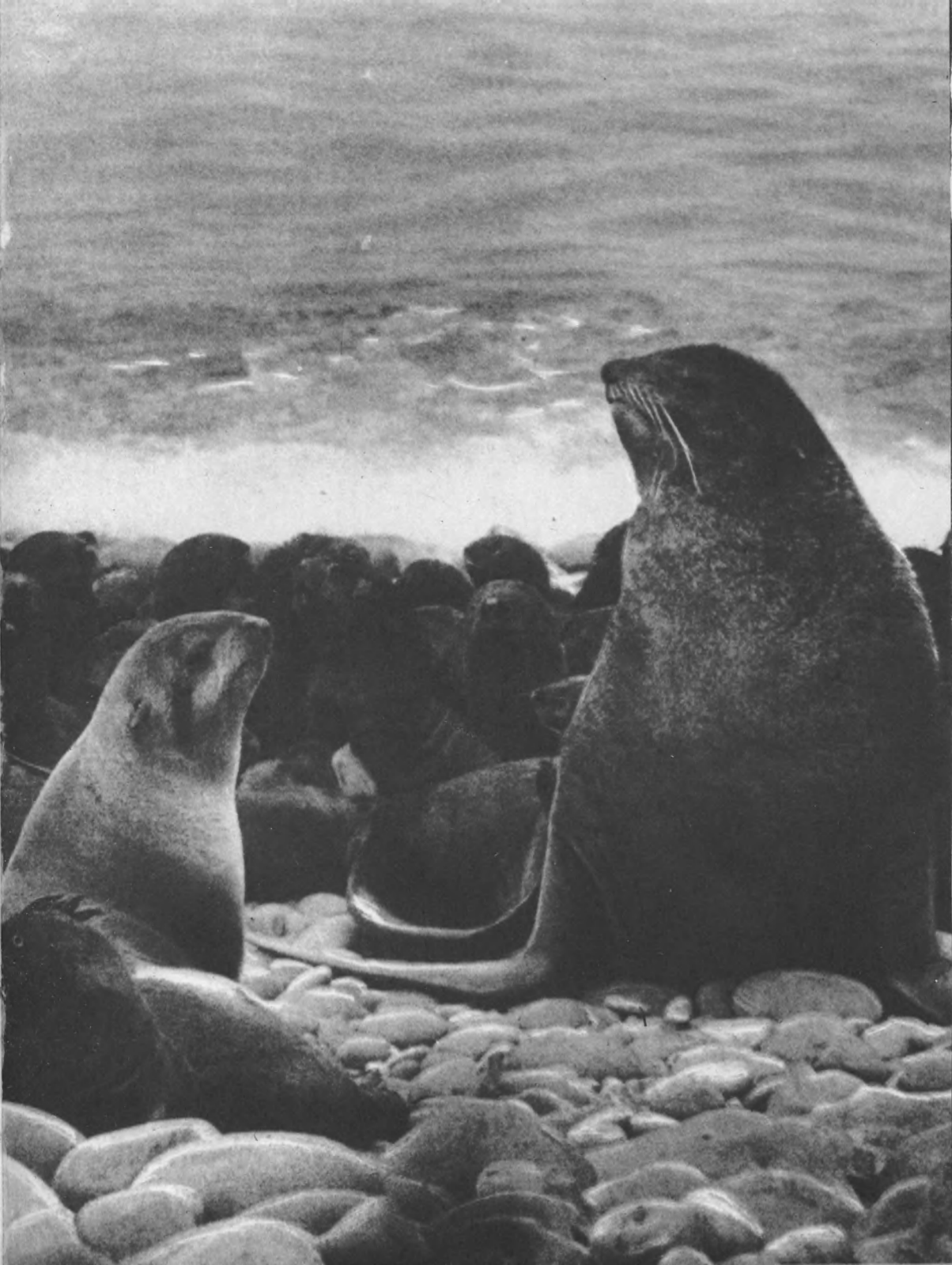
«Отойди! Здесь моя семья, мой дом!»

Но дерутся котики по-настоящему,
до крови, редко.

Чаще — пугают.

Тёплый, тихий день,
Солнце закрыто, как обычно,
серой, облачной
пеленой.
Но камни, песок
на пляже чуть-чуть
нагреты.
Дремлют у самой воды чёрненькие,
прикорнули самочки...
Я лежу в траве.
Притаился,
наблюдаю.
Вдруг дунул ветер,
пошевелил мои волосы,
распахнул куртку,
полетел к котикам.
Те сразу насторожились:
«Чей запах?»
Вертят чуткими носами, моргают
подслеповатыми глазами:
«Кто там?»
Надо уходить.

АРИЙ КАМЕНЬ

В проливе, разделяющем Камчатку от Америки, и по островам, там находящимся, птиц так много, что целые каменные острова занимают сплошь.

Академик Крашенинников, со слов участника
экспедиции Беринга натуралиста Георга
Стеллера.
1755 год

НУЖНО СПАСТИ ЧЕЛОВЕКА

КАМЕННАЯ СТЕНА

ЖЕНЩИНА ОКОЛО ЗЕЛЁНОЙ ПАЛАТКИ

ЭТО МОЖНО УВИДЕТЬ ТОЛЬКО ЗАТАЯСЬ

КАЙРЫ, БАКЛАНЫ, ТОПОРИКИ, ЧАЙКИ

КТО ЖИВЁТ ПОД ВОДОЙ

ЗАЧЕМ БРАТЬ С СОБОЙ НА НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ ПРИМУС

КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА

июль — август, 1975 год

СНИМАТЬ СО СКАЛЫ

Я пришёл на причал узнать про теплоход — настало время возвращаться с острова Беринга на материк.

На причале суетились матросы.

— Идёмте с нами! — крикнул старшина катера.

— Куда?

На катере тархтел движок.

— Человека со скалы снимать.

Я сразу представил себе: кораблекрушение, один пассажир спасся, доплыл до скалы и теперь сидит там...

Раздумывать нечего!

Скоро я стоял, закутанный в плащ, на корме катера и смотрел, как уходит назад засыпанный углем и цементной пылью причал.

Катер описал по бухте полукруг, прибавил оборотов и побежал по свинцовой океанской воде наискосок от берега, туда, где на самом горизонте смутно чернел зубчик — скала Арий камень.

Арами алеуты называют морских птиц — кайр.

Катер шёл ходко, взбираясь

с одной волны на другую. Берег, низкий, с заснеженными сопками, понемногу двигался, голубел, валился за корму.

Появились киты. Они неторопливо выдували вверх прозрачные белые фонтаны, неторопливо погружались и всплывали.

Стук мотора китам не понравился, и они ушли.

КАМЕННАЯ СТЕНА

Чёрный зубчик на горизонте поднимался, желтел и мало-помалу превратился в островок.

Когда мы подошли ближе, от него отделилась струя серого дыма. Она изогнулась, взмыла вверх и рассыпалась на тысячи белых и чёрных искр. Птичий гомон обрушился на катер. То, что я принял за струю дыма, было огромной стаей птиц.

Под их гвалт старшина повёл катер к берегу. Обрыв — метров сто. На узких каменных карнизах рядами — тысячи птиц: белогрудые кайры, чёрные, как смоль, бакланы, серые чайки. Птицы сидели, прижимаясь к отвесной скале. Я сразу подумал: как это не

падают в дождь и ветер с узких карнизов их яйца?

Отгрохотав цепью, ушёл в воду якорь. Новый взрыв беспокойства на скале. Несколько самых отважных чаек бросились к нам, они с криком повисли над катером, загребая изо всех сил крыльями воздуха.

«Людей на палубе мало, ружей нет», — чайки успокоились и унеслись прочь.

Но где же потерпевший кораблекрушение?

Два матроса спустили шлюпку, прыгнули в неё, наладили уключины. Следом за ними прыгнул и я.

ЗЕЛЁНАЯ ПАЛАТКА

Ворочая тяжёлое весло, я посматривал через плечо на каменную стену и думал: как к ней подойти? Отвесная скала, у воды — острые, как собачьи зубы, раковины.

Невозможно!..

Но матросы ловко направили нос шлюпки в расщелину, он ткнулся туда, матрос выскочил на камень и отчаянно завопил:

— Конец!

Его товарищ швырнул свёрнутый в кольцо канат...

Вбив в трещину в скале обломок прихваченной с катера доски и привязав к ней шлюпку, мы отправились в путь по острову.

Сперва ползли на четвереньках, цепляясь руками за камни, потом выбрались на карниз, обогнули скалу. Карниз стал шире, появилась тропинка.

Наконец, я увидел сорванный каблуком мох и отпечаток резинового сапога — след человека!

Мы вышли на другую сторону острова. Тут скала была не такая крутая, на ней — площадки, лужи, густая сочная трава.

И вдруг на одной из площадок я заметил грязное озерцо, а рядом с ним вылинявшую зелёную палатку.

От палатки к нам шла женщина. Она была в синем спортивном костюме и коротких резиновых сапогах. Копна чёрных волос развевалась по ветру.

— Долго же вы добирались! — крикнула она. — А я вас жду, жду.

Матросы кивнули ей, как старой знакомой.

Женщина протянула мне руку.

— Эля Михтарьянц! — назвала она себя.

Никакого кораблекрушения.

«Вот так раз! — подумал я. — Она, как видно, жила тут и работала. Учёная».

ЖЕНЩИНА НА СКАЛЕ

Михтарьянц, и верно, оказалась учёным-орнитологом. На острове она прожила четыре месяца. Теперь настал срок уезжать.

Мы стали помогать ей собирать вещи.

Набежал дождь. Он посыпался из ясного неба мелкой водяной крупой и кончился так же неожиданно, как начался.

Когда постель и одежда были увязаны, Эля принялась складывать приборы и журналы с записями — их она не доверяла никому. А мы с матросами отправились бродить по острову.

С камня на камень, с камня на камень — камни мокрые, загаженные птицами, скользкие.

КАЙРЫ И БАКЛАНЫ

Вот и вершина острова, самая макушка скалы.

Здесь на крошечной, с ладонь шириной, площадке сидела кайра. Увидев меня, она по-змеиному зашипела, нехотя снялась и, распластав крылья, уплыла вниз, где лучилась и сверкала солнечными искрами вода.

На площадке осталось яйцо — зелёное в коричневую крапинку, один конец тупой, другой острый. Я положил его на наклонный камень, яйцо не покатилося, а покачалось, повернулось тупым концом вниз и замерло.

Яйцо-неваляшка, яйцо—ванька-встанька!

Так вот почему не падают вниз с обрыва ни в дождь, ни в ветер арьи яйца!

Постояв на вершине, я начал спуск. С камня на камень, как по лестнице.

Справа и слева из-под камней, поблёскивая белыми грудками, шипят кайры. Тоже сторожат яйца.

Лез, лез, снова попал на край обрыва. Снова под ногами море. Сбоку — на фоне воды — две чёрных змей. Поднялись

на хвосты, вертятся, раскачиваются, пугают.

Никакие это не змеи. Два баклана устроили на выступе скалы себе дом. Сидят бок о бок, оба, как сажа, чёрные, вокруг глаз — оранжевые ободки. Ворчат, успокаивают друг друга: «Не посмеет тронуть, не посмеет, уйдёт!»

И верно — уйду. Можете не волноваться!

Я отполз в сторону, и тотчас один из бакланов метнулся вниз. словно чёрная стрела полетела с обрыва, вонзилась в воздух, прочертила прямую линию.

Развернулись крылья — баклан уже на воде. Качается чёрной лодочкой — сейчас начнёт ловить рыбу.

А подруга его осталась на камне. Косит на меня оранжевым глазом. Если присмотреться, под ней между лапами — яйцо.

«Когда ты уйдёшь?» — будто говорила она всем своим видом.

Ушёл я, ушёл. Дальше пополз. Вниз.

Скатился со скалы, а там — Михтарьянц.

— Идёмте, — говорит, — я вам сейчас топориков покажу.

ТОПОРИКИ

Здесь, внизу, где каменные уступы пошире, травы побольше, и гнездятся топорики.

Сели мы с Элей в траву, стали наблюдать.

Ара — взрослому человеку по колено. Топорик меньше раза в два. Сам бурый, на голове — два лимонных хохолка. Нос красный, лопаточкой. Лапки тоже красные.

Гнёзд топорик не вьёт, на карнизах, как бакланы, не сидит — роет норы. Вот один старается: тюк, тюк! — красной лопаточкой. Носом долбит землю, лапками из-под себя выбрасывает.

Взлетает топорик так: часто-часто замашет короткими крыльями, толкнётся — и пошёл. Пока набирает скорость — лапки опущены, пальцы перепончатые растопырены, точь-в-точь самолёт на взлёте. Но вот набрана скорость — можно убирать шасси, — и топорик лапки подобрал, к пузечку прижал, стрижёт воздух крыльями. Только свист идёт!

И садится топорик, как самолёт. Подлетел, выпустил лапки, затормозил крыльями — фрррр! — и приземлился около своего дома.

Мы с Михтарьянц идём, стараясь не шуметь, мимо россыпи валунов, мимо нор, пробитых в зелёной траве. Смотрят на нас умные птицы, поворачивают вслед пёстрые хохлатые головы.

— Наш северный попугай! — сказала про топорика Эля.

У неё для всякой птицы здесь — прозвище, про всякую — сто историй. Недаром она на острове то одна, то с товарищами уже второе лето.

«ОНИ БЕССТРАШНЫЕ!»

Родилась Эля далеко от Командорских островов — в Армении.

Раскалённые красные камни, синие горы, маленькое селение посреди сухой безводной долины. Воду девочка видела всегда помалу: в ладошках — когда умывалась, в кружке — когда пила, на дне колодца — когда отец открывал крышку, чтобы опустить ведро.

Выросла, окончила институт, попала во Владивосток. А тут — море! Вода до самого горизонта. Поражённая, решила: тут и останусь.

Как все горянки, была она молчалива и не боялась одино-

чества. Поэтому, когда ей предложили поехать на остров изучать птиц, сказала:

— Ладно! — и очутилась на Арьем камне.

При сборах опытные люди советовали:

— Сапоги обязательно возьмите резиновые — в них нога не скользит. И конечно, примус. Деревьев на острове нет, костерок не разведёшь. Одеяло потеплее, свитер — даром что летом, может и снег пойти...

— Это в июне-то?

— В июне.

Самой страшной была первая ночь. Катер, который привёз её, ушёл. Набежали тучи, солнце село — темнота! Ни зги! Висит где-то между чёрной водой и чёрным небом крошечная палатка, в ней — на железной койке — маленькая женщина.

Где-то внизу ворочается океан. Ветерок шевелит траву, а женщине кажется — кто-то подкрадывается. Идёт кто-то по скале, всё ближе, ближе... Камень упал. Крикнула морская птица...

Достала Эля из ящика примус, чиркнула спичку — разожгла. Вспыхнул над примусом голубой огонёк, зажурчал. Набрал силу, стал жёлтым,

красным, по палатке побежало, заструилось тепло. Шумит примус! Будто появился собеседник: торопится что-то рассказать, взхлёб, а Эля сидит, слушает его и кивает...

Потом привыкла. И к темноте, и к ветру. Бывает, задует он, белой пеной покроется океан. Волны — с размаху — о камень. Гудит скала!.. Посыплет дождь, тонкой водяной плёнкой покроет скалы, траву, тропинки.

И только птицы, верные соседи, по-прежнему галдят, хлопчут.

— Я их тогда и полюбила, — говорит Михтарьянц. — Они бесстрашные! Хотите, расскажу, как они ведут себя в ненастье?

На островок обрушивается шторм, а колония не прерывает дел. Во время самых диких ветров можно видеть в воздухе птиц. Только когда сидят, они поворачиваются носами к ветру да потеснее прижимаются к скале...

И ещё рассказала Михтарьянц: когда на Арий камень первый раз упал туман, она тоже оробела.

Было безветрие. Туман напоз с океана плотной стеной. Стало трудно дышать. На ли-

це, на плечах — мелкие водяные капли. Всё — как в молоке, вытянешь руку — не видно пальцев.

— Туман застал меня на берегу озера. До палатки — шагов десять, а не дойти. Вдруг упадёшь со скалы? Или повернёшь ногу... Села я на камень и стала ждать. В тумане, вы знаете, слышен даже самый слабый звук. И вдруг отовсюду понеслись крики, зашуршали крылья. Это взлетали и садились ары, бакланы, ссорились чайки, свистели крыльями топорики. Представляете: в такой туман не выпускают самолёты, бывает, становятся на якорь корабли, а птицы летают!

Молодцы!

Я заметил, как по-особенному научилась здесь Эля ходить. Тихо. Движения плавные, как в замедленном кино. Птицы её не пугаются. Идёт она прямо на чайку, та взмахнёт крылом, отскочит на шаг и продолжает свои дела — рвёт что-то на кусочки, ворчит.

— Будто собака! — сказала Михтарьянц про одну злую чайку.

Мы ходили по острову, и Эля рассказывала про птиц.

ИЗ РАССКАЗОВ МИХТАРЬЯНЦ

На Арий камень птицы прилетают весной. Надо снести яйца, вывести птенцов, поставить их на крыло, спустить на воду. Всё это у каждой птицы по-своему.

У чайки-моёвки птенец появляется на свет слабым, первую неделю лежит в гнезде и только к концу шестой недели крепнет, поднимается на ножки, пробует выходить на край обрыва. Станет здесь, развернёт крылья, с опаской посмотрит вниз — страшно! А справа и слева такие же, как он, — серые, голенастые, бедовые. Кричат, подбадривают. Вьются над ними с криками отцы, мамы. Но вот настает час — словно что-то толкнуло его, кувыркнулся птенец с обрыва, отчаянно замахал крыльями. Принял его воздух, поддержал. Описал смельчак петлю и снова вернулся к гнезду. А за ним — как купальщики холодной осенью, зажмурив глаза, в ледяную воду — братья, сестры, соседи по скале — прыг, прыг!

Эти первые полёты продолжают примерно месяц. Держится теперь молодёжь вывод-

ком. Постепенно смелееет — всё позднее возвращаются молодые на скалу. Всё дальше и дальше их полёты. Значит, скоро на юг!..

У маленького топорика детство совсем не такое. Первые дни проводит малыш не под открытым небом, как чайка, а в глубине норы, на подстилке из сухой травы и перьев. Подрастёт, всё чаще начнёт выбираться на свет, расхаживать у входа в нору. И вот, подбадриваемый родителями, устремляется пешком через гальку, через обломки камней — к воде! Добежал до неё, упал, заработал лапками — поплыл. Прочь от берега! Больше не вернётся сюда в этом году маленькая красноносая птица. Уплывёт в открытое море. Будет там расти, откармливаться, взрослеть среди кочующих рыбьих стай и холодных свинцовых волн.

Такое же детство и у птенца кайры. Этот, правда, растёт на свету, на ветру, быстро оперивается, набирается сил. Но тоже приходит день — станет малыш на краю обрыва. А под ногами-то пропасть! Еле видны мелкие, как чешуйки, волны. И вдруг — замерло сердце, отчаянно затрепетали крылья.

Вытянул вперёд шею, растопырил ноги и — полетел! Вниз, вниз. По пути задел скалу, отскочил от неё как мячик. Всё ниже и ниже. Держат крылышки, как парашюты работают перепончатые лапки. Вот и вода. Уф! Заработал ножками — поплыл! Как и топорик, прочь от берега. А неподалёку уже отец и мать. Радуются, торопятся плыть следом. Им всем троим долго теперь жить в море...

И уж совсем удивительно прощаются с берегом птенцы кайры на острове Тюленьем — ещё на одном острове, где бывала Михтарьянц.

Тюлений — небольшая плоская скала. У подножия её — котиковый пляж, на ровной, как стол, вершине — тысячи птиц. Отсюда совершают они полёты в море, чтобы накормить горластых большеротых птенцов.

Но вот птенцы подросли. В жизни колонии наступает великий день. Небывалое волнение охватывает и без того шумный птичий базар. Тысячные толпы кайр совершают не осмысленные на первый взгляд перемещения: они то сбиваются в стаи, то рассыпаются вновь. Но постепен-

но вся эта чёрно-белая масса сдвигается в сторону моря. И тогда происходит самое важное: какой-то сигнал, общее по наитию решение, случайный шаг вперёд одной птицы — и птичья толпа упорядочивается. Взрослые птицы спускаются со скалы и выстраиваются шеренгами, образуя проходы между котиками. И никогда не выдавшие воды птенцы ручейками устремляются к морю. Они скатываются с обрыва и бегут по этим коридорам, между коричневых рыкающих зверей, пока не достигнут камней, покрытых пеной. Бегут, бросаются в волны, а огромные звери, шумно дыша и вытягивая шеи, удивлённо смотрят им вслед.

КРАБЫ

На острове были ещё жильцы — кроме птиц, его населяли крабы. Мелкие, плоские, с паучьими ножками и острыми клешонками, они сновали у самой воды или сидели на камнях и аккуратно состригали с них жёлтые нитевидные водоросли.

Я спустился к самой воде,

примостился на обломке скалы.

Сидит краб, перебирает клешонками, отправляет в рот ниточку за ниточкой. Клешнями ест, а глаза-бусинки смотрят вверх. Мелькнула над скалой светлая тень, зашелетели крылья — краб боком к самому краю камня. Повисел на краю, посмотрел ещё раз вверх и в воду — шлёп!

Я не уйду, продолжаю наблюдать. Справа и слева от меня на облитых водой, солёных, поросших водорослями скалах — тысячи крабов. Расселось, расположилось тонконогое, закованное в панцири воинство. Блестят тёмными спинками, размахивают клешнями. Вдруг, как по команде, бросили еду, двинулись к воде. Я уже знаю, в чём дело. В небе — чайки.

Но вот чайки улетели, и крабы полезли из воды. Выскокит крабишка, встряхнётся, замрёт.

«Почему они так проворно из моря выскакивают?» — подумал я.

Осторожно (как бы не сорваться!) сполз к самой воде. Видно хорошо, до самого дна. Впрочем, какое тут дно — уступ скалы. На уступе — глаза. Смотрят на меня квадрат-

ные зрачки — не мигают. Вокруг глаз голубоватое облачко колыхнется, снуют белые колечки-присоски.

«Да это, никак, сам осьминожек к нам в гости пожаловал!» — догадался я.

В стороне от него из раселины ещё пара глаз смотрит.

Краб для осьминога — главная добыча. Вот отчего так странно ведут себя крабы. Не сладкая у них жизнь: только от чайки в воду спрятался, надо на берег от осьминожка бежать!

ЕЩЁ ИЗ РАССКАЗОВ МИХТАРЬЯНЦ

Над скалой всегда дикий гвалт: кричат во всё горло птенцы, торопят родителей маленькие кайры, бакланы, топорики, напоминают о себе, зовут, упрашивают. Все хотят есть.

Мечется взад-вперёд от скалы и к скале легион чёрных, белых, коричневых птиц. Каждая пара кормит детей.

Но охотятся птицы каждая по-своему.

Чайка ловит добычу на лету. Нырять она не любит. Высмотрит у самой поверхности ры-

бёшку, пронесётся над ней, клювом, как крючком, подхватила — цоп! — и готово.

Кайра — та может нырнуть. Но долго под водой не сидит. Догоняя рыбу, гребёт чаще одними лапами. Схватила добычу — и тоже наверх.

Совсем другое дело — топорик. Этот под волной чувствует себя как дома. Плоский нос вперёд вытянул, лапами и крыльями как заработал... Мчится стрелой, никакой рыбине не уйти!

У огромной олуши и у маленькой вилохвостой крачки — своя манера охотиться. Эти пикируют, входят в воду, падая, как камни. Поднимется олуша метров на тридцать, крылья сложит и — вниз. Берегись! Бывали случаи, находили в воде: олуша сама мертва и на шее — пробитый клювом баклан или топорик. Это она его невзначай, как копьём, пронзила...

— Но самый ловкий подводный пловец, — утверждает Эля, — баклан. Этот, когда плывёт, и лапами гребёт, и всем телом, как бобр или выдра, извивается. Баклану нырнуть на десять метров ничего не стоит. Несколько минут пробыть под водой — для него пустяк...

— И ещё о чайках, — говорит Михтарьянц. — Не удивляйтесь — самые странные и самые ленивые птицы. Недаром их морскими воронами да побирuşками называют. Никакой падалью не брезгают. Видели, что делается у рыбоконсервных заводов? Их там туча! Крик, гвалт, из-за каждого кусочка — драка. Чайкам что чешуя, что кусочек кожи, что кишки — всё равно. Недаром теперь многие чайки переселились в города. Я их называю помоечными чайками.

— Ну, за что вы их так! — говорю я. — Чайка — птица красивая, не глупая.

— Умная, — соглашается Эля. — Не видели, как она с морскими ежами расправляется? Ёж колючий, в известковой броне. Чайка заприметит одного — скажем, в море отлив и он в луже, обсох, — на лету клювом за колючку подцепит — и вверх. Поднимется, пролетая над берегом, разожмёт клюв! Ёж с высоты об камень — бряк! Иглы вдребезги. А чайка уже тут как тут. Села рядом, лапой перевернула — и давай клевать.

Умная птица, но злая и хищная!

ЧАЙКА

Надо мной с диким криком парила серая чайка. Она то взмывала вверх, то пикировала, едва не ударяя крыльями. С ней то и дело случалась медвежья болезнь — все плечи и спина у меня были забрызганы белой зловонной жидкостью. От такого крика мог переполошиться весь птичий базар. Но птицы не обращали на неё никакого внимания.

В чём дело?

Я сделал шаг, и из-под ноги с хриплым писком вывалился огромный, с курицу, птенец. Он был серый, покрыт пухом, не умел летать, скользил по камням, проваливался и истошно орал.

Так вот отчего беспокоилась чайка — это была его мать! И вот почему не обращали на нас внимания остальные птицы — разберётесь, мол, сами!

ПРИМУС

Вещи Михтарьянц мы перенесли к шлюпке. Только не сумели снять палатку — она была намертво прикреплена к стальным штырям, вбитым в ка-

мень. Такую не сорвёт даже зимний шторм!

Мы волокли, переставляли с камня на камень ящики, пустые баки из-под воды, спустили тюк, перебросали из рук в руки разную мелочь. И вдруг со звоном упал и покатился примус. Эля за ним — да куда там! С камня на камень — и в океан. Бульк!

Мы уложили всё в шлюпку, отвязали конец и, торопливо гребя, отошли от берега.

— Жаль мне его, — сказала вдруг Михтарьянц. Я понял, что это она про примус. — В городах мы отвыкли от него. Газ да электричество. А ведь он был у меня как товарищ. Разговорчивый такой!

Я представил себе: май, по океану носит сахарные ломкие льдины. То и дело находит туман. А в крошечной палатке около тёплого подрагивающего примуса — женщина. Одна на скале посредине океана. Сидит и слушает, как шум огня мешается с криком улетающих в туман ар.

Этот топорик был очень важный.
Он сидел один,
в сторонке от остальных птиц,
и смотрел, как они суеются,
носят корм своим птенцам,
чистят норы.
Я понял, что птенец у этого топорика накормлен,
нора чиста.
Теперь ему можно и подумать.
Ведь впереди зима,
путешествие на юг —
долгий, опасный путь!
У топориков, кроме
Арьега камня, есть неподалёку
ещё один остров —
плоский и низкий.
На нём — десятки тысяч птиц.
Но когда остров
наносили на карту,
одну букву забыли.
Он называется теперь
Остров топорков.

Мы носили вещи
от палатки вниз к шлюпке,
а кайры кричали,
повернув в нашу
сторону острые
клювы:
«Когда уйдёте?»
Птицы встревожились:
не унесём ли мы светло-зелёную,
выцветшую под солнцем,
промытую дождями
палатку Михтарьянц.
Ведь целое лето,
подлетая к скале,
они видели это светлое пятнышко.
И палатку, и фанерную будочку,
из которой Эля вела наблюдения,
мы оставили —
пригодятся тому, кто будет жить
и работать здесь.

Про этого чаячьего птенца
я уже рассказал.
Вот так он и стоял —
толстый,
откормленный.
Стоял, смотрел на меня
через плечо круглым
жёлтым глазом и стонал.
Трава, которая
видна на снимке, —
человеку по пояс.
Вот какой
большой этот
птичий ребёнок!
С курицу.
Он уже не сидел на
месте, а бродил
в траве и
в камнях.
Должно быть, у него
с матерью был уговор —
условленное место,
от которого
далеко уходить нельзя.

Я делал этот снимок,
а сзади стояла Михтарьянц
и предупреждала:
— Смотрите, чёрные топорики
на фоне чёрных нор.
Может ничего не получиться! —
Она была права,
к тому же норы — в траве,
а трава ещё больше маскирует птиц.
И всё-таки в снимке есть главное:
беспокойная суета,
напряжение,
в котором всё время живёт колония.
Вот, например,
белая чайка, она —
зловещий гость этого
общежития.
Может украсть яйцо,
расклевать
птенца...
Недобрая птица,
хотя и умная.

Рано начинается день
птичьего городка.
Солнце ещё
низко —
над горизонтом.
Ещё не нагреты камни,
а суетливый
крылатый
народец
уже на ногах.
Кричат птенцы,
хлопают крылья;
как чёрно-белые стрелы носятся
взад-вперёд,
от скалы к скале кайры.
Беспокойный птичий базар!
И только осенью он затихнет.
Опустеет скала.
Холодный зимний дождь
смоет с каменных карнизов пух и
осколки яиц.
До следующего лета!

(Фотография Ю. Муравина)

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ

На одном островке, что лежит недалеко от бухты, именуемой Монте Кристи, где мы пробыли много дней, мы однажды увидели огромную ящерицу толщиной с телёнка. Её пытались пронзить копьём, но благодаря плотной и толстой коже она спаслась и нырнула в воду.

Из письма лекаря второй экспедиции Колумба
доктора Чанки властям города Севилья.
1493 год

ПРЫЖОК С ВЕРТОЛЁТА

КРОКОДИЛЫ ЖИВУТ В ГУАМЕ

ЕСЛИ ВНИМАТЕЛЬНО СМОТРЕТЬ В ВОДУ

ЛОШАДЬ У ЗАГОРОДКИ

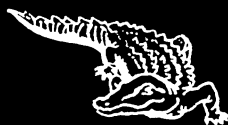
ЯЩЕРИЦА, КОТОРАЯ УМЕЕТ БЕГАТЬ ПО ВОДЕ

ЗАЧЕМ ОХОТНИКУ ЗА КРОКОДИЛАМИ НОЖ

ВОЛЬЕРЫ

ПРОЩАЙ, ЭРНАНДО!

ОСТРОВ КУБА
сентябрь, 1970 год

ОХОТНИКИ ЗА КРОКОДИЛАМИ

В детстве я много читал про охотников за крокодилами.

В Бразилии крокодилов — жакарé ловят сетью.

Охотники окружают животное в воде, захватывают его неводом и волокут на сушу.

В Африке на крокодилов ставят петли. Находят тропу, по которой они ходят через болото, вбивают колышки, привязывают к ним ловушку из верёвок. Стоит крокодилу попасть в петлю хотя бы одной ногой — песня его спета.

На островах Индонезии ещё недавно на поимку крокодила выходили всей деревней. Строили в воде из кольев загородку и туда загоняли животное.

А во Флориде жил и такой охотник (фотографии его были напечатаны во всех журналах мира): он ловил крокодилов с вертолёта. Заметит в болотной жиже зверя, прикажет пилоту снизиться и, когда до воды остаётся метра три, — прыг крокодилу на спину! Дальше — кто проворнее, кто раньше успеет: или человек сжать

крокодилу челюсти, или крокодил цапнуть человека...

Я даже придумал вопрос, который задам охотнику, если когда-нибудь в жизни встречу такого:

«Правда ли, что ваша работа — самая опасная в мире?»

ОНИ — В ГУАМЕ

И вот я на Кубе, в маленьком городке Тринидаде, где на каждом углу стоят врытые в землю дулами вниз пушки с захваченных много веков назад пиратских кораблей.

Я шёл по узенькой кривой улочке, а навстречу мне шагал с длинным, только что срубленным стволом пальмы на плече молодой весёлый негр.

— Скажите, — обратился я к нему через переводчика (негр мне сразу понравился), — здесь водятся крокодилы?

— Кокодрилось? — переспросил негр по-испански и заулыбался ещё шире.

Переводчик повторил вопрос.

Негр, не опуская бревна, начал ему что-то втолковывать.

— Он говорит, — сказал, наконец, переводчик, — что кро-

кодилов здесь нет, но они есть в болотах Гуамы. Туда надо ехать несколько часов на машине, а потом плыть на лодке. Там есть деревня на сваях — Гуама. Там крокодилов много.

Поблагодарив весёлого негра, мы отправились в путь.

Свежий ветер с моря свистел над островом, врывается в открытые окна автомобиля и напевал: «Гуама!»

ГУАМА

Пересев из машины в лодку, мы к концу дня попали на место.

Гуама оказалась удивительной деревней. Она не стояла на месте, а плыла по озеру: дома — на маленьких зелёных островках. Между ними — синие озёрные протоки.

Был вечер, оранжевое солнце беззвучно садилось в воду.

По изогнутым, сплетённым из жердей мостикам нас отвели в одну из хижин.

Когда стемнело, я вышел на крыльцо. У самых ступенек журчала, плескала вода. Мимо проплыла, тараща на меня светящиеся зелёные глаза, огромная лягушка. Где-то вдале-

ке прокричало животное. Оно заревело, как бык,— натужно, низко.

Я вернулся в комнату, забрался под марлевый полог и уснул.

Ночь я спал беспокойно. Гудели над пологом москиты, под полом кто-то с уханьем плескался, неумолчно звенел лягушачий хор.

Рассвело, и я с удивлением обнаружил, что живу в хижине не один. Прямо против моей кровати прилепилась к стене, собранной из бамбуковых стволов, нежно-зелёная лягушка-квакша. Она сидела неподвижно и не моргая смотрела на меня. Потом покосилась наверх. Там, уцепившись тоненькими коготками за потолок, висела спиной вниз изумрудная ящерица. Она вертела головой и с любопытством смотрела на меня и на лягушку. Мы с лягушкой не шевелились.

Ящерица не выдержала. Она пробежала по потолку, юркнула под крышу и, прошуршав сухими пальмовыми листьями, исчезла.

Вторым ушёл я — надо было торопиться к крокодилам.

Квакша осталась дома.

В БОЛОТНЫХ ПРОТОКАХ

Мыплыли в крокодилий заповедник.

Наша лодка скользила вдоль ровной стены тростников. Бурые кустистые водоросли проходили под днищем. Ломкая вода, уступая движению вёсел, дробилась.

В протоках огромного озера можно было заблудиться. Зелёное море тростника со всех сторон. Лишь кое-где на редких островках одинокие верхушки деревьев да шапки кустарников.

Болотные птицы, заунывно крича, предупреждали о нашем приближении птенцов. Голубые панцирные щуки, завидя лодку, стремглав исчезали в путанице коричневых тростниковых корней.

ЗАПОВЕДНИК

Лодка ударилась о причал. На берегу какие-то домики, у воды проволочные загородки. Кое-где, от протоки к протоке, от озерца к озерцу, — мостки.

Я подошёл к одной загородке, перегнулся через неё и остолбенел... На берегу неболь-

шого озера лежали, как брёвна, сотни крокодилов! Их было так много, что, если бы кто вздумал пройти между ними, некуда было бы поставить ногу.

Загородка вокруг озера была низкая, мне по пояс. К ограде приставлены две лесенки. Одна с нашей стороны, другая со стороны крокодилов. Перебраться по ней сообразительному животному — легче лёгкого.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Не успели мы подойти, как один крокодил поднялся, посмотрел на нас и трусцой побежал к загородке. В полуметре от изгороди он остановился и щёлкнул челюстями. По спине у меня побежали мурашки.

Ужасная тварь стояла за металлической сеткой и, выкатив стеклянные коричневые глаза, поскрипывала зубами.

— Как вы думаете... — осторожно спросил переводчик, — а может... такой... напасть на человека?

— Наверное, может.

Клыки у крокодила были жёлтые, каждый длиной с гвоздь.

НЕ ТЕ КРОКОДИЛЫ

Мы прожили в заповеднике трое суток. Бродили от загородки к загородке, от озера к озеру, часами просиживали у воды, пытаюсь понять, как живут эти необычные существа.

Мы привыкли видеть в наших зоопарках крокодилов, которые похожи на причудливые немые камни. Они сутками лежат без движения, прикрыв глаза и расставив лапы. Электрические лампочки льют на них скудные струйки тепла.

Эти крокодилы в заповеднике были прогреты тропическим солнцем, подвижны и предприимчивы. Полежав на берегу, вскакивали и отправлялись на поиски добычи. Или плавали. Или гонялись друг за дружкой.

Если за маленьким крокодилом гнался большой, малыш то и дело оборачивался и огрызался.

И ещё они оказались очень шумным народом. Крокодилы поменьше кричали, побольше — лаiali. Однажды огромный, похожий на плывущее бревно крокодил причалил к

берегу, вылез до половины, осмотрелся — что-то на берегу ему не понравилось — и, подняв высоко морду, заревел.

Я вспомнил ночь в Гуаме. Вот какой звук, возникнув в болоте, тогда долетел до нашей хижины: это ревел матёрый крокодил!

ХРАБРЕЦЫ, ТРУСЫ И ЛЕЖЕБОКИ...

Ищё — у них оказались совершенно разные характеры.

Были крокодилы-лежебоки. Эти проводили время, греясь на низком, покрытом болотной грязью берегу. Они ленились сползти в воду, даже когда становилось очень жарко, — лишь открывали, как собаки, огромные пасти и шумно дышали.

Были шустрые. Они носились взад-вперёд среди лежащих как колоды собратьев, разыскивая обглоданные кости. Стоило на другом конце озера плеснуть рыбе или проквакать лягушке — такой неуёмный крокодил тотчас бросался в воду и устремлялся за добычей.

Были храбрецы, и были тру-

сы. Однажды у меня упал за ограду фотоаппарат. Крокодилы это заметили. Штук шесть тотчас подбежало к нему. Мы принесли шест и стали их отгонять. Огрызаясь, они отступили. Но два крокодила оказались храбрыми. Эти дружно вцепились в палку. Крак! — крепкий, в руку толщиной, шест переломился, как спичка...

Аппарат надо было спасать. Обломками шеста мы стали отталкивать крокодилов. Они ворчали, скалили зубы, но не отступали. Тогда переводчик сбегал на кухню и принёс оттуда ящик рыбьих хвостов. Мы бросили его за ограду. Хрипя и толкая друг друга, крокодилы бросились за рыбой. Я, как пушинка, перемахнул через забор, схватил аппарат и снова взлетел на ограду.

Занятые рыбьими хвостами, два храбреца не обратили на мои манёвры никакого внимания. Зато под самой лестницей, уставясь на меня, уже сидел другой — один из тех, кого мы прогнали палкой.

Я замахнулся на него аппаратом. Крокодил испуганно втянул голову и пополз назад.

ДРАЧУНЫ

Были среди них настоящие забияки.

Лежит по грудь в воде большое, сильное животное. В пасти здоровенная кость с обрывками коричневого мяса. Крокодил её грызёт. Погрызёт, подбросит вверх — хоп! — поймал на лету и снова грызёт.

Вдруг, откуда ни возьмись, — второй, поменьше. Он долго лежал в стороне и наблюдал, как уплетает добычу здоровяк. Наблюдал, наблюдал — и решился. Осторожно подкрался, высунул из воды голову, установился на кость. Лежат крокодилы морда к морде, смотрят друг на друга.

Большой, вероятно, думает: «Ну, куда ты, пигалица, лезешь? Захочу, хвостом, как плетью, перешибу!»

А маленький уставился на кость и прикидывает — как бы её стянуть половчее.

Выбрал момент, рванулся вперёд. И полетели во все стороны грязь, вода, куски тины! Хрипят крокодилы, ворчат, тянут кость каждый к себе. Большому бы отпустить её да тяпнуть обидчика зубами — кость жалко! Меньшему бы то-

же отпустить да убраться во-
свояси, пока не попало — ха-
рактер не позволяет.

Пока дрались, сползли с
мелководья на глубокое место.
Поплыли, кость то у одно-
го, то у другого. Рвут её каж-
дый к себе, торопятся. До бе-
рега доплыли, вылезли, улег-
лись в грязи. Опять морда к
морде, один за один конец
кость держит, второй — за дру-
гой.

Уж до того устали — лежат
бок о бок, похрюкивают, гры-
зут кость. Тот, что поболь-
ше, видно, смирился: кость
большая, хватит на двоих.
А забияка доволен: не уступил
силачу!

МАНХУАРИ

днажды, когда я си-
дел на перевёрнутом
ящике около хижины,
мимо меня к озеру
пробежала ящерица. Сперва я
принял её за кролика — корич-
невое проворное существо бе-
жало на задних лапах. Не
останавливаясь, ящерица вле-
тела в озеро и помчалась, изо
всех сил работая хвостом и
колотя по воде задними лапа-
ми. Она добежала до малень-

кого, поросшего тростником
островка и скрылась.

Это была ящерица-василиск.
Я сел в лодку и отправился
за ней следом. Мне очень хо-
телось рассмотреть эту уди-
вительную ящерицу. Однако
сколько я ни искал — на ост-
ровке её уже не оказалось.
Тогда я вернулся в лодку, по-
ручил её слабому течению и
стал всматриваться в воду.

Терпение обычно вознаграж-
дается. Я увидел панцирных
щук-манхуари. Голубая, оде-
тая в кольчугу из костяной
брони, рыбина стояла около за-
топленного коричневого дере-
ва. Когда тень от лодки упала
на неё, она шевельнула
хвостом и нехотя поплыла
прочь. Она двигалась, как
облако, — доисторическая ры-
ба, чудом сохранившаяся до
наших дней.

Не успела она скрыться, как
я заметил вторую, третью.
Щуки плавали у самой по-
верхности, прямые лучи солн-
ца освещали их, костяная го-
лубоватая броня с жёлтыми
желобками светилась.

Щуки плыли, вытянув узкие
плоские морды, слегка изги-
бая хвосты.

Встороне от болотных проток, где жили крокодилы, был небольшой прудик, почти яма. Я бы ни за что не подумал, что в таком маленьком водоёме может кто-нибудь прятаться. Но однажды проходя мимо, я заметил на берегу кучу гнилых корней и тины.

«Видно, понадобилась зачем-то яма,—подумал я.—Сторожа чистят, хотят пустить туда рыб или черепах».

И вдруг куча шевельнулась. Она двигалась, словно кто-то невидимый пытался убрать её подальше от воды.

Я осторожно обошёл яму кругом. Упираясь кривыми ногами в грязь, около кучи возился крокодил. Видно, это он выбросил мусор и теперь хотел оттащить его подальше.

Получалось это у него плохо. Раздосадованный, он ударил по куче хвостом. Куски корней и лепёшки грязи полетели во все стороны.

«Он приводит в порядок свой дом,—решил я.—Яма — не озеро, за ней следить надо».

Крокодил так меня и не увидел. Он был занят делом.

Около лесенки, которая вела внутрь загородки, всё время лежал согнутый, как буква «С», крокодил. У него, как видно, болела спина и ему трудно было двигаться. В воду он сходил редко и плавал там, тоже не разгибаясь. Мы долго не могли понять, откуда у этого крокодила такая привязанность к месту у лесенки?

Однажды, когда крокодил был в воде, привезли еду. Её привезли на лошади, запряжённой в телегу. У телеги были дутые резиновые шины, и она смогла подъехать по грязи к самой загородке.

Еда — тухлое мясо с костями — была упакована в кое-как сбитые ящики. Возница брал ящик, отдирав крышку и, поднявшись на лесенку, вываливал мясо через забор.

Едва на дороге появилась лошадь, среди крокодилов произошло движение. Все повернулись мордами к забору и стали прислушиваться. Даже самые сонные и вялые насторожились. Шины зашуршали по траве — поток крокодилов хлынул к забору. Когда первые куски мяса полетели

через ограду, внизу всё смешалось. Крокодилы урчали, кричали, вырывали друг у друга куски. Самые проворные, схватив кость, выбирались из кучи, отбегали в сторону и там начинали глотать добычу.

Возница открывал ящик за ящиком и швырял мясо в разные стороны так, чтобы досталось всем.

В это время я заметил скрюченного крокодила. Он выбрался из воды и, волоча своё неуклюжее тело, спешил к месту свалки. Увидев его, возница швырнул кость. Она упала, не долетев шага два. Быстрый молодой крокодил схватил кость и рысью побежал прочь.

Опустошив положенное число ящиков, возница взобрался на телегу, дёрнул вожжи, и повозка бесшумно покатилась. Лошадь шла вдоль самой ограды, не обращая внимания на дерущихся животных, осторожно ставя ноги в лужи и прядая ушами.

В этот день, наблюдая жестокую схватку возле лесенки, я понял, почему так упорно держался около неё больной крокодил — в борьбе за кусок он должен быть первым.

И ещё я подумал: может

быть, тот крокодил, что бросился ко мне в первый день, был вовсе не самым хищным и вовсе не собирался нападать на меня? Может, он был просто голоден и решил, что я пришёл его покормить?

И вообще, подумал я, может быть, крокодилы не так уж и страшны?

КАК ЛОВЯТ КРОКОДИЛОВ

Я сидел около ограды и размышлял над этим, когда увидел, что ко мне бежит переводчик.

— Идите скорее! — кричал он. — Я такого человека встретил, такого!.. Да бросьте вы своих крокодилов, идёте, пока он не ушёл!

Мы побежали к причалу.

Там стоял смуглый молодой парень в сапогах, в огромной соломенной шляпе. За голенищем у него торчал здоровенный нож.

— Знакомьтесь, — сказал переводчик. — Эрнандо — охотник за крокодилами.

«Вот так раз!»

— Спросите, — выпалил я, — правда, что его профессия самая опасная в мире?

Переводчик спросил. Эрнан-

до так и вытаращил на меня глаза.

Он стоял, широко расставив ноги, и вертел в пальцах шнурок от ножа.

— Он не понимает вашего вопроса, — объяснил переводчик. — Он говорит, что самая опасная в мире профессия — это врач. Его брат работает в заразных бараках.

Я вздохнул.

— Ну, пускай тогда он расскажет, как ловят крокодилов.

Эрнандо быстро заговорил. Переводчик едва за ним поспевал.

— Их в заповеднике несколько человек. Он говорит, что они по очереди отправляются в болота и ищут места, где самки крокодилов кладут яйца. Прежде чем отложить яйца, крокодилиха роет ямку, а потом забрасывает её прелыми листьями и ветвями. От того, что листья гниют, в ямке всегда тепло. Найдя такую кучу, Эрнандо разрывает её, собирает яйца в сумку и приносит сюда, в заповедник. Здесь крокодилы яйца помещают в инкубатор, и из них вылупляются крокодилята. Крокодилят выращивают и выпускают в загоны к большим животным. У крокодилов очень до-

рогая кожа. Ради неё их и разводят.

— А как же ловля сетями? Как же петли? Как вертолёт? — растерянно спросил я.

— Не нужны. Проще всего крокодилов ловить именно так.

— А нож? Зачем ему нож?

— Нож ему нужен, чтобы прорубать дорожку в тростнике. Эрнандо спрашивает, не хотим ли мы посмотреть, как живут маленькие крокодилята?

КРОКОДИЛЯТА

Длинные, закрытые частой сеткой вольеры. Эрнандо подвёл нас к одному, снял замок и распахнул дверь. Внутри узкого, с проточной водой посередине вольера произошло какое-то движение. Сперва я даже не понял, что случилось. Просто шевельнулся и подвинулся в сторону воды чёрный волнистый пол.

Затем я присмотрелся и даже присвистнул от удивления. Пол был покрыт сплошной шевелящейся массой маленьких крокодилчиков. Каждый был длиной чуть больше авторучки. При виде нас они дружно кинулись к воде. Самые провор-

ные успели прыгнуть и при-
таиться на дне.

Один крокодилёнок отстал. Он замер, прижавшись пузечком к песку, подняв вверх острую мордочку и насторожённо глядя на нас. Губы бантиком... Выпуклые бисерные глазки... Крокодилёнок с минуту смотрел на Эрнандо, который во-
зил с дверью, потом перевёл взгляд на мои ботинки. Должно быть, он принял их за живые существа (я переминался с ноги на ногу). Крокодилёнок вздрогнул и стремглав бросился догонять товарищей. Не рассчитав, он промчался по их спинам и — шлёп! — плюхнулся в воду.

Мы вышли из вольера, Эрнандо запер его.

В соседних сидели крокодилята побольше.

— Здесь — двухмесячные... Здесь — четырёхмесячные... — объяснял он. — Больших нельзя держать вместе с маленькими — маленькие останутся голодными. И в озеро пускать нельзя — съедят.

Я вспомнил, как зубастые папаши этих крокодилят рвут на куски жилистое мясо.

Конечно, пускай подрастут, пускай сперва сами станут зубастыми.

ПРОЩАЙ, ЭРНАНДО!

В день отъезда мы в последний раз отправились побродить по заповеднику.

Около озера стояла знакомая повозка. Лошадь, опустив морду, щипала хрусткую траву. Возница перетаскивал к загородке ящики. В стороне над забором качалась шляпа Эрнандо.

Охотник сидел внутри загородки на стволе упавшего дерева. Это было когда-то большое, могучее дерево. Теперь оно лежало, подняв кверху короткие чёрные корни. Ствол был измазан болотной грязью.

Я подошёл к Эрнандо. Он пел. В руке у него была палка, распевая, он то и дело ударял ею по стволу.

— А-ра-ра-раа!.. — пел Эрнандо.

Стук! Стук! Стук! — стучала палка.

И тут болотная жижа у ног Эрнандо шевельнулась, большой скрюченный крокодил неуклюже, боком вылез на берег и уставился на человека.

Эрнандо слез с дерева, подошёл к загородке, вытащил из травы припрятанную бычью кость. Он бросил её крокоди-

лу, и тот стал жадно кусать, как собака, приподнимаясь на передних лапах и ударяя костью о землю.

— Эрнандо, не уходи, подожди минутку! — попросил я и бросился за переводчиком.

Вот какую историю рассказывал нам охотник.

Это был самый быстрый и самый ловкий из всех крокодилов Гуамы. Ему ничего не стоило переплыть четыре раза в день лагуну, если на другом берегу кричали цапли или плескалась рыба. Когда привозили кости, он успевал захватить самый большой кусок. В драке ему не было равных.

Но однажды крокодил заболел. Надо сказать, что крокодилы болеют так же, как люди. У них бывает воспаление лёгких, резь в желудке и даже большое сердце. У этого крокодила болезнь поразила позвоночник. Она изогнула его кости. Животное не могло теперь быстро плавать и драться. Маленькие крокодилы стали вырывать у него изо рта мясо. Он превратился в пожирателя слизняков и дохлых рыб.

И вот тогда-то Эрнандо впервые принёс ему еду. Чтобы другие крокодилы не могли

отнять её, он приучил больного приплывать на стук.

— Бедный кокодрило! Порой ему кажется, что он по-прежнему ловок и силен, он вступает в драку и каждый раз получает затрещины. Если ему ещё и сломают челюсть, он погибнет, — закончил Эрнандо свой рассказ.

С дороги уже доносились гудки автомобиля.

— Прощай, Эрнандо! — сказал я.

Мы протянули друг другу руки. Эрнандо стоял по ту сторону загородки, я по эту. Около его ног замер, опустив морду и полузакрыв глаза, больной крокодил.

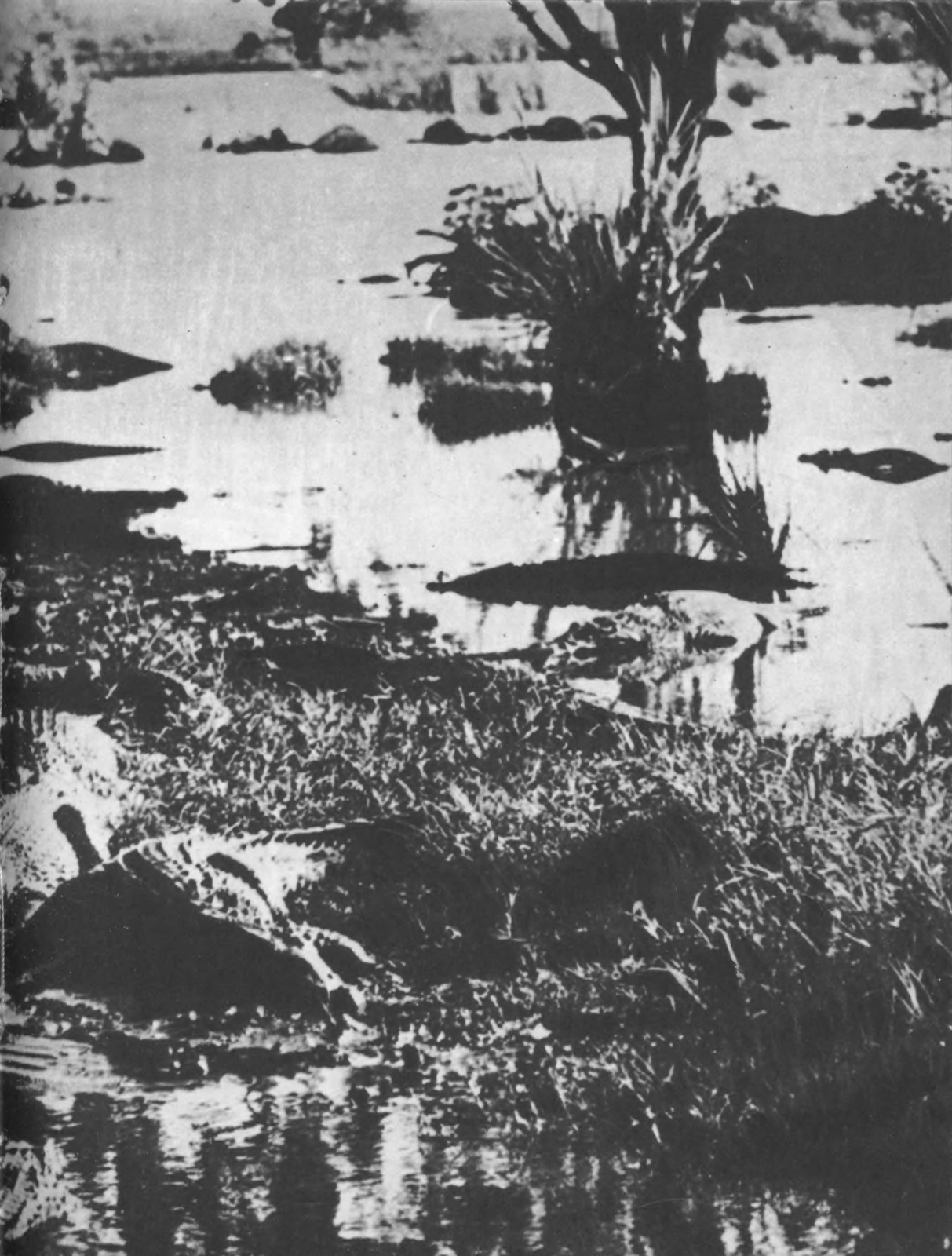
Рука охотника была жёсткая, с узловатыми пальцами.

— Про-чай-те! — сказал он и засмеялся. Он первый раз в жизни говорил не по-испански. У него были весёлые, добрые глаза — у этого охотника за крокодилами.

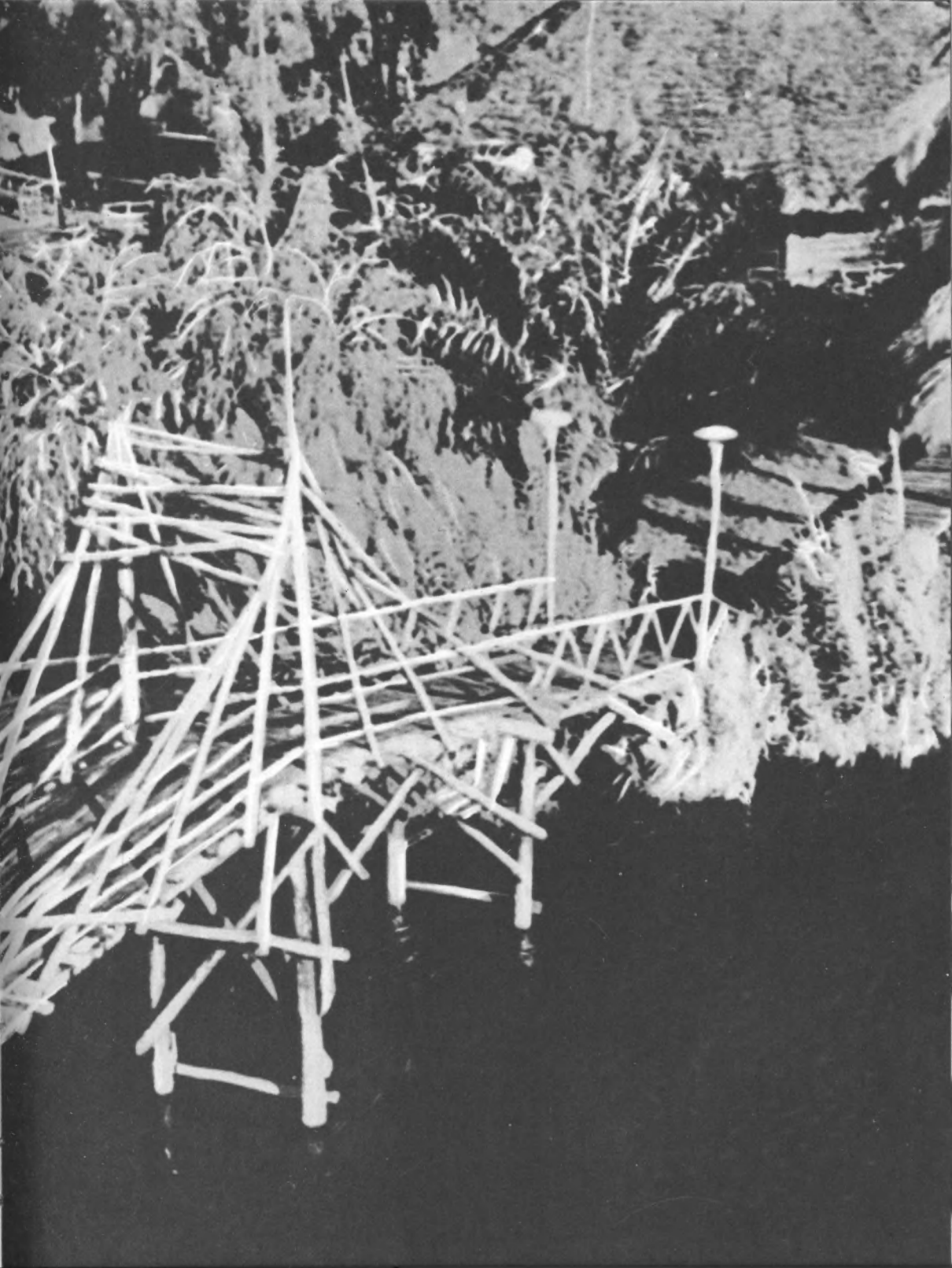

Полуостров Сапата,
где расположен заповедник, —
это цепи озёр,
болота,
а ближе к морю —
мангровые, стоящие по колено
в воде, леса.
Когда-то здесь было
настоящее царство
змей,
крокодилов,
птиц.
И сейчас,
как огромные брёвна,
покрытые зелёной плесенью
и лепёшками коричневой грязи,
лежат на берегу крокодилы.
В полдень, когда станет жарко,
они откроют рты
и начнут шумно дышать.
Но стоит только
заскрипеть за оградой телеге —
везут еду! —
и зелёный, коричневый поток
хлынет к ограде.

В Гуаме мосты построены так,
как их строили индейцы в
далёкие времена — из одних жердей.
Мосты висят над каналами
и соединяют острова с хижинами.
Когда идёшь по такому мосту,
он раскачивается.
Когда-то в эти болотистые,
труднодоступные места
отступили под натиском испанцев
местные племена.
Уничтожив их,
испанцы дали озеру название
Лагуна Тесоро — лагуна сокровищ.
Завоевателям всюду мерещилось
золото.
Они думали, что
индейцы
спрятали его на дне озера.

Этот снимок я сделал в последний момент.

Мы стояли на мосту,
автомобильный гудок торопил,
а мы всё толковали
о повадках необычных жителей
Гуамы.

Таким он мне и запомнился —
Эрнандо, охотник за крокодилами.

— Си, сеньор! — отвечал он
на любую просьбу. — Да, хорошо! —
Он был готов в любое время
раскапывать набитые
прелыми листьями ямы с яйцами,
ставить петли на особенно больших «кокодрилос».
вытаскивать увязнувшую в грязи телегу,
ждать часами лодку или катер.

— Си, сеньор! — говорил он.

Это самый конец драки
между двумя крокодилами,
описанной выше.
Не выпуская добычу из зубов,
они подплыли к берегу
и улеглись в болотной жиже.
Они миролюбиво грызли кость,
каждый — со своего конца.
Будто никакой драки и не было.
Между прочим,
крупные кости крокодилы дробят
очень интересно:
подбросят — и челюстями на лету,
с размаха — щёлк!
Звук такой,
будто
захлопнулся
стальной сейф.
Впрочем,
имея каменные
челюсти и железные зубы,
крокодилы
не брезгают и лягушками,
и рыбой...

Над узким входом в бухту
Сантьяго-де-Куба —
каменные стены крепости.
Бронзовые стволы пушек
уже триста лет смотрят
на синее Карибское море.
После душной
влажной Гуамы
очень хотелось искупаться.
Внизу, под пушечным стволом,
под стеной,
среди волн
мелькали какие-то синие зубчики.
— Акулы! — предупредил провожатый.
Но я уже знал:
у берегов Кубы
за последние десятки лет
не отмечено ни одного нападения
акул на человека.
«Пожалуй, все
животные
уже повсюду
боятся людей!» —
подумал я.

ЗВЕРИ МИКУМИ

Сотни буйволов и зебр паслись на открытом пространстве, и там же гордо стояли слоны, шевеля хоботами. Количество животных было изумительно — мы должны были несколько раз кричать слонам, чтобы они дали нам дорогу.

Английский путешественник Ливингстон.
1840—1855 годы

ГОСТИНИЦА ПОСРЕДИ САВАННЫ

ЗВЕРИ — ТАМ, МЫ, ЛЮДИ, — ЗДЕСЬ

СТРАННАЯ МАШИНА

В БЕЛОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ — ЧЁРНЫЙ СЛОН

КАК НАЙТИ В САВАННЕ ЛЬВОВ

НОЧНОЙ ГОСТЬ

РАЗЛИНОВАННЫЙ ОСЛИК

ОХОТА ГИЕНОВЫХ СОБАК

БЕГЕМОТОВЫ ЛУЖИ

ОСТОРОЖНО — ДИКИЕ ЗВЕРИ!

ТАНЗАНИЯ. ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

март — апрель, 1974 год

ГОСТИНИЦА

И зогнутое в виде подковы здание гостиницы на вершине холма. Внизу, прямо под окнами, небольшое озеро.

Здание обнесено оградой. Столбы, проволока. На проволоке — металлические пластинки. Ветер шевелит их, пластинки ударяются о проволоку и звенят.

Я подошёл и тронул пальцем пластинку. Сторож, подметавший асфальт, крикнул:

— Осторожно, бвана!

Я отдёрнул руку.

— Нельзя! — сказал сторож и обвёл рукой пространство вокруг дома. — Звери — там, мы, люди, — здесь!

Он был стар, этот служащий африканского заповедника, и весь блестел. Блестела узкая бритая голова. Сверкали чистые крепкие зубы. Мигали медные пуговицы на форменной куртке. Морщинистое чёрное лицо светилось весельем. Он стоял, опираясь на метлу, у его ног тихонько наигрывал перевязанный верёвочкой транзисторный приёмник, который он то и дело переносил на но-

вое место. Он шёл, размахивая метлой. Музыка брела следом.

Перед гостиницей на бетонной площадке стоял укреплённый на тумбе большой бинокль. Рядом табличка: «Три минуты — шиллинг». В тумбе щель. Я бросил туда монету. В тумбе что-то щёлкнуло, открылись стёкла бинокля. Строгий часовой механизм начал отстукивать секунды.

Я припал к окулярам. На поверхности жёлтого озера чернели две точки. Коряги? Берег был пуст. Я повернул бинокль — ни в лесу, ни на равнине никого не было. Никого.

НОЧЬ

Н аступил вечер, мой первый вечер в Микуми. Солнце упало за горизонт. Небо как-то вмиг потемнело, в нём вспыхнули звёзды, огромные, как фонари. Они залили землю голубым светом. Снова стала видна белая, словно облитая молоком, дорога, чёрные холмы с редкими, похожими на зонтики деревьями, стеклянное блестящее озеро.

С озера грянул лягушечий хор. В ответ ему в кустах за-

скрипели цикады, пронзительно вскрикнула птица.

Звёзды светили вниз и скользили к закату — небо, неторопливо поворачиваясь, сваливало их за горизонт.

На востоке разгоралось жёлтое зарево — всходила луна.

Я стоял на дороге.

Кто-то невидимый, маленький прошлёпал по асфальту. Должно быть, лягушка. А вот ещё одна...

И вдруг я услышал, что неподалёку от меня кто-то дышит. Громко и неторопливо: «Пф-фф-фф! Пф-фф-фф!»

Дышало какое-то крупное животное. Может быть, корова или бык?

Мне даже показалось, что дышат не за оградой, а в ограде.

На всякий случай — кто их знает, этих африканских животных? — я ушёл в гостиницу, в номер. Мало ли что...

ДЖОН ПАНТАЛЕОН

Когда я поднялся, раннее утро уже гасило в лиловатом небе последние звёзды. У небольшого, открытого, выложенного кафелем бассейна перед гостиницей стоял сторож.

В руках у него вместо метлы теперь был сачок.

Сторож опускал сачок в воду и доставал оттуда лягушек.

— Доброе утро, — сказал я. — Как работа?

Сторож кивнул. Оранжевые лягушки шлёпались на асфальт и расползались в стороны.

Из травы грянула музыка — приёмник стоял теперь там.

Я присел на борт бассейна.

— Джон Панталеон, — сказал старик и постучал себя пальцем по груди. — Меня зовут Джон Панталеон. Я работаю здесь уже семь лет.

— Долго. А из каких вы мест?

— С севера.

Старик улыбнулся.

Ещё одна лягушка сорвалась с сачка, ударилась об асфальт и заковыляла прочь. Я понял: когда проснутся люди и придут купаться — бассейн должен быть чист.

У дороги росло дерево, на нём висел зелёный, похожий на зелёную дыню плод.

— Папайя! — сказал Джон Панталеон. — Осталась всего одна папайя. Её показывают приезжим. Будет большой скандал, если дыню сорвут. Джон не допустит этого!

Кончив ловить лягушек, сторож перенёс приёмник под дынное дерево и, примостившись под ним, задремал. Он сидел, привалясь к тонкому стволу, а из маленькой пластмассовой коробочки у его ног неслись барабанная дробь и выкрики певца.

Приехала машина — она привезла на кухню мешки с мороженым мясом. Джон Панталеон приоткрыл один глаз.

— Будет большой скандал, если дыню сорвут, — повторил он и снова заснул.

«Не проспй её, Джон!»

СТРАННАЯ МАШИНА

Вдверь постучали.

— Начинается посадка!

Около дома стояла машина странного вида, она была похожа на большую серую коробку, в крыше — люки. Тихо, с перебоями работал мотор. Шофёр — полный африканец, приподняв капот, с недовольным видом слушал, как захлёбывается двигатель.

Рядом стоял Джон Панталеон.

— Ну, как, — спросил я старика, — дыню ещё не украли? Он засмеялся.

— Нет, бвана, нет. Джона не проведёшь!

Я вспомнил, что кто-то дышал у ограды, и вдруг увидел в канаве, рядом с дорогой, большой, круглый, похожий на отпечаток кастрюли, след.

— Что это?

Джон Панталеон смутился. Он побледнел. Лицо его из чёрного сделалось серым. Он быстро-быстро проговорил:

— Ничего, ничего!

Около машины уже собрались пассажиры.

Садясь в неё, я заметил, что сторож, сойдя в канаву, торопливо заметает след.

«Подозрительно!»

Мы уселись. Толстый шофёр запер нас снаружи (наверное, чтобы мы не вздумали выскакивать и попадать в когти диким зверям), со скрипом включилась передача, машина затряслась, загрохотала люками и двинулась в путь.

СТАДА

Огромная равнина. На ней — стада. Мы катим среди них по мягкой грунтовой дороге. В густой высокой траве разгуливают светло-коричневые антилопы-импала.

Вместе с импала пасутся иссиня-чёрные горбатые гну.

В канавах у дороги лежат голубые буйволы. Завидя нас, они нехотя поднимаются и, уставясь на машину выпуклыми, налитыми кровью глазами, ждут. Огромные тяжёлые рога оттягивают головы. Буйволы смотрят исподлобья. Дождавшись, когда мы проедем, они снова валятся в грязь.

Тысячи диких животных.

Так вот какой он — заповедник. Заповедник в центре Африки!

СЛОНЫ

У дороги знак: в белом треугольнике чёрный ушастый слон.

— Тембо! — сказал наш шофёр и зевнул. Ему, видно, надоели все дикие звери на свете. Он вёл машину и прислушивался: когда остановится мотор.

«Тембо — это, должно быть, слон!»

Только я так подумал — шофёр затормозил.

Дорогу переходил слон. Он был очень большой, неторопливо ступал по асфальту и помахивал мягкими, как одеяло, ушами.

Поодаль, в густой зелёной траве, справа и слева бродили его товарищи.

Слон сошёл с асфальта, а мы тихо-тихо поползли вперёд.

Слоны обрывали с кустов ветки и щипали траву. Нащиплет, подвернёт хобот — и в рот!

В стаде были малыши. Около одной слонихи вертелся чёрный слонёнок. Он всё норовил залезть маме под брюхо, а та тихонько отталкивала его. Когда мы подъехали совсем близко, слониха помотала хоботом, хрюкнула и пошла прочь. Она шла через густую высокую траву и толкала впереди себя слонёнка.

САВАННА

Машина то неторопливо катит по дороге, таща за собой хвост жёлтой пыли, то карабкается с бугра на бугор, пересекая саванну, то стоит, спрятанная в кустах. Люки откинута, мы наблюдаем.

Вот недалеко, касаясь головой верхушки зонтичной акации, стоит жираф. Он неторопливо обкусывает листья. Рот приоткрыт, виден тонкий вёрткий язык. Жираф трогает

языком ветку, делает трубочкой губы, втягивает веточку в рот. Обглодал все ветки, перешёл к другому дереву.

Поодаль парочка — два жирафа прижались друг к другу, шеи перекрестились, получилась буква «Х».

Автомобиль заурчал, колёса дёрнули, вверх полетели комья земли. Парочка повернула головы в нашу сторону. Жираф, что стоял под акацией, вышел из тени, сделал шаг, второй. Затрусил прочь.

Бежит жираф, выбрасывает попеременно то правые, то левые ноги. Раскачивается, как мачта корабля, длинная пятнистая шея.

Мы катим следом. А справа и слева уже пришли в движение стада. Как стрекозы, запорхали над травой антилопы-импала: бегут, потряхивая короткими рожками самки, несётся, высоко подняв длинные тонкие рога, самец.

Следом мчится тройка гну. Горбатые лошадки, с уродливыми большими головами, скачут, ударяя себя тонкими, с коровьими кисточками на концах, хвостами.

Отбежав, все начинают оглядываться. Автомобиль — здесь дело привычное. И останавли-

ваются гну, шагом направляются к новой акации жираф. Импала сбиваются в кучку и начинают щипать траву. Самец взбирается на бугор и замирает там, гордо подняв маленькую головку с длинными рогами. Он вожак стада, и он — сторож.

Мы ныряем в канаву, выбираемся из неё и по дороге — следом жёлтый шлейф пыли — катим дальше.

Дорогу переходит стая собак-головых бабуинов. Обезьяны идут походным строем: впереди — огромный самец с львиной гривой, за ним самки с детёнышами. По сторонам — охрана — молодые самцы.

Детёныши постарше едут верхом. Самые маленькие висят на груди у мам.

Шерсть у бабуинов зеленовато-бурого цвета. Сошло стадо с дороги и исчезло, словно растворилось в зелёном, жёлтом, буром разливе трав.

СИМБА

Мы долго искали львов. Наконец наш шофёр, попетляв по мягким пыльным дорогам, решил: перевалил через канаву и повёл машину напри-

мик степью к группе деревьев, едва видных далеко на горизонте.

Лендровер шёл, поскрипывая, раскачиваясь, бросая нас из стороны в сторону. Деревья поднимались, росли.

Мало-помалу я начал различать под ними какие-то точки.

Подъехали ближе — и точки превратились в больших бурых кошек.

Львы! Шесть львиц и трое львят лежали в тени. При нашем приближении львицы подняли головы и стали рассматривать машину. Львята, не обращая на нас внимания, играли. Они кусали и норовили опрокинуть один другого.

Машина остановилась шагах в двадцати. Мы стали фотографировать.

Одна из львиц, увидев направленные на неё блестящие трубы, зевнула.

— Ближе! Пожалуйста, поближе! — умоляли мы шофёра.

— Нет!..

Когда мы вернулись в гостиницу, я спросил его:

— Скажите, были случаи: львы нападали на людей?

— Никогда.

— А вы давно работаете?

— Восемь лет. Симба ум-

ный, — добавил шофёр, — зачем ему нападать на человека? Человек сильнее.

— Почему же вы, когда мы просили, не подъехали ближе?

И он рассказал такую историю.

Это было два года назад. В машине, из которой туристы смотрели на львов, сидел корреспондент одной богатой газеты. А шофёр был молодой парень, который только начал работать в заповеднике.

Корреспондент стал уговаривать шофёра подъехать поближе. Уговорил. Потом ещё поближе... Потом ещё.

Лев удивлённо понюхал воздух, не уловил в запахе автомобиля ничего нового, встал, сделал несколько шагов и очутился рядом с машиной. Корреспондент захлопнул люк.

В машине стояла мёртвая тишина.

Лев обнюхал замки, тронул лапой дверь и вдруг вскочил на капот. Передние рессоры сели.

Пассажиры с ужасом видели через переднее стекло, как перед самым их носом переминаются огромные жёлтые лапы.

Льва заинтересовали люки.

Он лизнул один, поскрёб когтями другой. Старый брезент с хрустом лопнул.

И тогда — изучать так изучать! — лев вспрыгнул на люк. Старая деревянная крыша рухнула. Люди завопили, лев, как оранжевый метеор, метнулся в сторону, автомобильный мотор включился сам собой. Полуразрушенный ленд-ровер, прыгая по кочкам, понёсся прочь...

— Нет, нет, подъезжать ближе нельзя! — закончил свой рассказ шофёр.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Шли дни. Как-то утром я увидел на дороге Джона с ведром. Сторож тщательно замывал чьи-то следы. «Вот так раз! Снова?»

Увидев меня, он смутился.

И я решил подсмотреть, чьи следы убирает Джон.

Я лёг пораньше, проснулся чуть забрезжило и вышел из гостиницы.

Около кухни что-то постукивало и позвякивало.

Я обогнул угол дома и ахнул: за проволокой около кухни стоял огромный коричне-

вый слон. Он стоял пригнув голову и катал хоботом пустые консервные банки.

Напротив слона, по эту сторону ограды, сидел на камне Джон Панталеон и, размахивая руками, что-то говорил слону.

Я подошёл к ним.

Площадка у кухни была вся в свежих слоновьих следах. Значит, недавно слон был по ЭТУ СТОРОНУ ограды!

Увидев меня, Джон вскочил и быстро-быстро заговорил. Он говорил и всё время вскидывал руки вверх, словно призывал небо в свидетели.

— Друг тембо, уходи! Прошу тебя! — повторял он и махал рукой, чтобы слон потораливался прочь.

ТАК ВОТ В ЧЁМ ДЕЛО...

Мало-помалу я понял всё.

В гостиницу повадился ходить слон. Сперва он просто подходил к ограде и шарил среди кухонных отбросов: доедал очистки бананов, хлеб, капустные листья. Потом однажды, открыв хоботом ворота, слон проник внутрь. Около кухни, как на-

зло, в ту ночь поставили бочонок с остатками сладкого. И торты, и компот слону очень понравились.

Тембо стал приходить каждую ночь.

Тогда Джон решил поговорить с ним. Он подстерёг слона и целый час толковывал ему, что дикие звери не должны ходить в гостиницу, где живут люди.

Тембо кивнул головой и на следующий день пришёл снова...

— В гостинице много приезжих. Если они узнают, что по ночам сюда ходит слон, они могут испугаться и уехать! А меня тогда уволят, — сказал сторож и тяжело вздохнул. — Разве мне поверят, что он добрый?.. Тембо, я не виноват, что ты любишь вкусные вещи... Уже солнце встало, поди прочь! Кыш, кыш!

— Кыш!

Мы с Джоном замахали руками. Тембо перестал греметь банками, зевнул и, помахивая из стороны в сторону хоботом, двинулся в лес.

Он уходил, и жёлтые пятна света вспыхивали на его боках.

Джон умоляюще посмотрел на меня.

— Не бойся! — сказал я старику. — Я никому не расскажу про слона... Пусть тембо приходит сюда. В гостинице встают поздно. Никто не увидит его...

ЕЩЁ О СЛОНАХ

Теперь Джон часто рассказывал мне о слонах. Я приходил, садился на траву, старик ставил рядом свой приёмник и неторопливо, мешая английские слова с непонятными мне гортанными и резкими суахили, начинал рассказывать.

Он совершенно серьёзно утверждал, что всё живое в саванне и в миомбо (редком или, как говорят охотники, «светлом» лесу) обязано своим существованием тембо.

Тембо протаптывают дороги, и люди начинают пользоваться ими.

В засуху, когда всё живое в мёртвой пыльной саванне в ужасе сбивается около последних луж, только слоны сохраняют спокойствие. Они ждут своего часа и, когда этот час настёт — дно последней лужи превращается в каменную чашу, — отправляются на поиски. Они идут к руслам

пересохших рек, и стада антилоп, гиеновые собаки и даже носороги молча следуют за ними.

Первыми спускаются в русло реки старые, опытные слоны. Они вытягивают хоботы и, жадно принюхиваясь, шарят ими по сухому песку. Они втягивают в себя воздух, и все звери, стоя поодаль, терпеливо ждут. Но вот слон вместе с запахом пыли и раскалённой на солнце гальки чувствует ещё что-то — прохладное и сладкое. Он дышит всё чаще и, наконец поверив, начинает хоботом вычерпывать песок. Горсть за горстью. Выдувает осыпавшуюся в яму пыль, черпает до тех пор, пока песок не становится прохладным, а затем влажным. Добравшись до слоя, где он уже перемешан с водой, слон медленно втягивает в хобот воду и осторожно, порциями отправляет её в рот. Он пьёт, и все звери стоят неподвижно, чтобы не мешать великану.

Гну стоят рядом с гиенами, а собаки и шакалы бок о бок с маленькими импала.

И только тогда, когда каждый слон выроет себе ямку, напьётся и уйдёт, с высокого берега спускаются в пересохшее русло остальные звери.

Жадно высасывая из мокрого песка капли воды, пьют носороги, затем собаки и, наконец, антилопы.

А слоны, отойдя в сторону, дремлют в тени потерявших листья деревьев.

Они дремлют, подёргивая толстой кожей и почёсываясь о стволы и друг о друга, потому что в засуху страдают не только от жажды, но и от болезни кожи.

Вот почему, ещё рассказывал Джон, когда слону удаётся найти лужу, он ложится в неё и катается, как собака, а после купания посыпает влажную кожу пылью, чтобы она не высыхала так скоро...

— Джон, значит, слоны копают землю хоботом, а не бивнями?

— Они всё делают хоботом. Хобот очень нужен слону.

Однажды Джон видел, как тембо дерутся. Прежде чем напасть на противника, слон свернул хобот и спрятал его под бивни...

Из разбитого приёмника доносились звуки непонятной речи. Пёстрые, как осколки цветного стекла, бабочки лежали в траве. Мы молчали. Джон Панталеон задумался и, покачивая головой, начал беззвучно

но шевелить губами. Он продолжал разговор, но говорил уже сам с собой.

РАЗЛИНОВАННЫЙ ОСЛИК

Наш автомобиль въехал в заросли колючего кустарника. Заскрипели, царапая кузов, ветки. Машина остановилась.

Послеполуденная жара заставила саванну замереть. Под густой кроной орехового дерева застыла пара слонов. У зонтичных акаций, пряча головы в листьях, притаились неподвижные, как свечи, жирафы. Расставив ноги, задремал чёрный рогатый гну. Цепочкой коричневых точек замерли у холма в тени застигнутые на переходе импала.

Не видно только зебр. Пёстрые, яркие, они всегда первыми бросались в глаза, и я каждый раз думал: как смогла выжить на открытых пространствах Африки эта нарядная лошадка? Ведь ружья и луки прежде всего обращаются в сторону самых ярких. Красивые перья чаще были причиной гибели птиц, чем неосторожность, а великолепный мех губил леопардов быстрее болезней.

Я достал бинокль и обшарил взглядом саванну. Невдалеке была роща. Тонкие изогнутые стволы — как частокол. Жидкие кроны. Свет и тень причудливо играли в них.

Мы простояли с час. Люки были распахнуты, сухой, пахнущий сеном ветер шелестел в кустах. День клонился к вечеру. Тени деревьев мало-помалу выползали из-под стволов.

И вот спала жара. Шевельнулись и, подняв, как флаги, хоботы, стали обрывать с дерева ветки слоны. Жирафы двинулись с места и, вытягивая шеи, закружили вокруг акаций. Гну вскинул кисточку хвоста, потрянул гривой и побрёл прочь, щипля траву.

И вдруг... стволы акаций тоже задвигались! Кусочек рощи откололся и двинулся в нашу сторону. Он выкатился на рыжую дорогу и оказался зеброй. Чёрно-белая лошадка направилась было к нам, но, заметив машину, метнулась в сторону и помчалась, выметывая из-под копыт оранжевую пыль.

Значит, она всё время стояла среди деревьев, а я её не замечал!

Да и как заметить? Свет и

тень, белые стволы и чёрные тени, среди них такая же полосатая — чёрная и белая — зебра. Пока лошадка не шевельнулась, не то что мой, даже острый глаз хищника не смог бы разглядеть её.

Выходит, в саванне самый пёстрый — не всегда самый заметный...

Шофёр, видя, что я наблюдаю за удирающей зеброй, что-то сказал.

— Он говорит, что они, африканцы, называют зебру разлинованным осликом, — перевели мне. — Они считают, что в далёкие времена зебра была просто белой. И ей приходилось очень худо. Но боги разлиновали её, и она стала незаметной. А ещё он говорит, что, когда бежит стадо зебр — полосы, полосы, полосы, — даже льву трудно разобрать, сколько их, на кого нападать...

ОХОТА

На горизонте в жёлтой траве мельтешили чёрные точки. Они приблизились. Это стая гиеновых собак трусцой преследовала горстку антилоп. Импала, как оранжевые стре-

козы, порхали над саванной. То и дело они останавливались, выжидая, когда собаки приблизятся, и снова пускались наутёк. Собаки бежали с какой-то угрюмой ленцой, размеренно, то скрываясь в высокой траве, то показываясь вновь.

И вдруг стая распалась — от неё отделились загонщики. Они ускорили бег и оказались справа и слева от антилоп. Импала тревожно сбились в кучу. Длиннорогий козёл одним махом взлетел на пригорок, понял опасность и огромными прыжками понёсся прочь. Стадо бросилось за ним.

Одна антилопа отстала. Её наперерез вышли загонщики. Собакам удалось повернуть одинокое животное — теперь оно бежало, то и дело меняя направление. От этого расстояние между ними быстро сокращалось. Бело-рыжий комочек закатился за бугор, туда же бросились собаки.

Больше никто оттуда не показался...

Мы сидим в машине. От бугра нас отделяет довольно большое расстояние. Но нам не по себе.

— Надо ехать! — говорит шофёр.

Мы только теперь замечаем,
что машина стоит.

Надо ехать...

СНОВА ПАПАЙЯ

Это был несчастливый
для Джона день.

Выйдя в полдень из
гостиницы, я заметил
в кустах за оградой какое-то
движение. Кусты шевелились.
Вот качнулась ветка, вот дви-
нулось с места и понеслось
вприпрыжку чёрное пятно. За
ним — второе.

Обезьяны! Зелёные мар-
тышки.

Чёрные пятна были их фи-
зиономиями, а самих обезьян
на фоне листвы и веток не бы-
ло видно.

Я стал наблюдать. Обезьяны
были чем-то увлечены. Они то
и дело подбегали к ограде, про-
совывали лапы между проволо-
ками. Хотели что-то достать.

Они увидели папайю! По-
следнюю дыню!

Я не успел сообразить —
отгонять мне животных или
звать сторожа? — а обезьяны
уже решили.

Одна из них взобралась на
дерево — ветки его нависали
над дорогой — и побежала по

суку. Под тяжестью обезьяны
он прогнулся. К ней присоеди-
нилась вторая. Третья. Сук сги-
бался всё ниже. Тогда край-
няя обезьяна свесилась с вет-
ки и протянула лапу...

Плод сорван! Повизгивая от
восторга, мартышка кинулась
назад. Но тут на неё наброси-
лись подружки. Визг — и новый
владелец папайи уже стреми-
тельно удирает через кусты.

Послышались испуганные
звуки музыки. Размахивая
транзистором, ко мне бежал
Джон. Он причитал. На по-
кривившихся серых губах за-
стыл ужас.

Сторож — он прозевал свою
папайю.

ПОЧЕМУ ПОДНИМАЕТСЯ ВОДА В УКЕРЕВЕ

Мы сидели у кухни на
камнях, около груды
разноцветных банок.

Джон Панталеон сто-
нал. Он раскачивался и призы-
вал на голову обезьян тысячу
бед. Чтоб их съели блохи!
Чтоб высохли деревья, с кото-
рых они крадут плоды! Чтоб
их всех переловил леопард!..

— Так, значит, ты приехал
сюда с севера, Джон? — спро-

сил я, чтобы отвлечь мысли старика от пропажи.

— Из Мусома... Проклятые зелёные воры!

Он ещё покачался, постонал и, немного успокоившись, начал рассказывать:

— Наш дом — на берегу озера. Виктория — так называете его вы, приезжие. А мы, люди с севера, говорим: «Мы с Укерева». Укерева, так говорит мой отец. Он старый человек. Я не видел его уже тридцать лет.

— Сколько же лет тебе, Джон?

— Сорок пять.

Я даже присвистнул. Он вовсе не был стариком, этот худой, горбящийся, африканец, с лицом, изборозждённым морщинами.

Мы помолчали.

Птичья тень проползла у моих ног. Медлительный марабу сделал круг над домом и опустился на верхушку акации. Ветки затрещали. Втянув шею, марабу застыл. Лысая голова его блестела, как чайник.

— Его кто-то испугал, — сказал Джон. — Гиппо. Наверное, гиппо зашевелился в озере. Когда гиппо шевелятся в озере, вода выходит из берегов.

Я улыбнулся.

Сторож заметил моё недоверие.

— У нас на Укерева всегда бывает так. Дождя нет, ветра нет, а вода поднимается. Она поднимается и затапливает острова. Против нашего дома есть остров Лукуба. Он скрывается под водой. Это значит — в озеро вошло много гиппо.

— А может быть, просто где-то шли дожди?

— Нет, нет, это делают гиппо.

Марабу грузно слетел с дерева и стал у самых наших ног с грохотом клевать банки.

— Это не бегемот испугал марабу, — сказал я. — Марабу просто захотел есть. А вот и он — твой гиппо!

На дальнем берегу озера в высокой траве передвигалось что-то большое, коричневое и неуклюжее.

ГИППО

 то был гиппопотам, который изменил своей привычке и вылез из озера до темноты.

Он бродил по траве, низко опустив голову и прядая ушами.

Он старался всё время держаться головой к воде. Кончив щипать траву, засеменял назад, с неожиданной для такого толстяка ловкостью прошмыгнул между кустами, вошёл в воду и незаметно исчез, оставив после себя лёгкую рябь. Потом на середине озера показались две чёрные точки, это были ноздри, затем гиппо высунул огромную, как чемодан, голову и стал зевать. Когда он распахивал рот, его челюсти расходились, будто дверцы шкафа, а кривые клыки торчали, словно крючья весалки.

Назевавшись, он начал трести головой и ударять ею о воду: выколачивал из зубов остатки пищи и стряхивал присосавшихся к губам пиявок.

Затем гиппо снова погрузился в воду. На поверхности озера замерли две точки.

БЕГЕМОТОВЫ ЛУЖИ

В Микуми бегемоты живут в маленьких озерах.

Как-то мы решили объехать их все.

Мы подъезжали к луже и останавливались около самой воды.

В каждой луже сидела семья: папа-бегемот, мама-бегемотиха и их малыш.

При нашем приближении папа-бегемот в первой луже зевнул и отвернулся. Мама-бегемотиха, тронув детёныша ртом, опустила голову в воду и подхватила сына лбом, как лопатой. Он сидел у мамы на голове, подвернув под себя ноги и полуприкрыв глаза, а мама медленно плыла от нас прочь.

В следующем озерце тоже плавали розовые папа, мама и сын. Но этот сын сидел у мамы не на лбу, а на загривке.

Пассажиры в машине откровенно скучали. Лендровер проехал мимо третьей лужи. Здесь юный бегемот сидел у мамы на спине.

В машине со мной были три шведа и итальянка. Шведы демонстративно спрятали фотоаппараты, итальянка что-то недовольно пробурчала. И тут я захохотал. На меня смотрели как на сумасшедшего, а я смеялся радостным смехом человека, сделавшего открытие. Я понял, чем отличались семьи. Маленькие бегемотики были все разного возраста!

И как это я не догадался сразу? Конечно! В первой лу-

же живёт самый маленький. Он лёгкий, и матери ничего не стоит носить его на голове. Во второй — постарше. Этот, чтобы маме было легче, перебрался ей на загривок. И наконец, в третьей луже — самый взрослый и тяжёлый. Мать позволяет ему сидеть только на спине.

Жаль, что нельзя построить на берегу каждой лужи по засидке. Жаль, что нельзя посидеть там, понаблюдать. Все семьи в мире разные, жизнь каждой бегемотовой семьи течёт по-своему.

ОПЯТЬ СЛОНЫ

И всё-таки самое интересное в Микуми — это слоны.

Все последние дни, когда попадались покладистые спутники, я просил шофёра:

— Давайте поедem к тембо!

Мы находили стадо, съезжали с дороги и, остановив машину, начинали наблюдать. Очень скоро слоны переставали обращать на нас внимание, и мы — кто в бинокль, кто через сильный объектив фотоаппарата — смотрели на них.

Незатейливые истории из

слоновьей жизни день за днём проходили перед нашими глазами.

СЛОНЫ И БАБУИНЫ

Маленькое стадо — три слонихи и два слонёнка — пряталось от солнца под баобабом.

Листва баобаба даёт немного тени, и слоны всегда стараются стать так, чтобы от солнечных лучей их защищал толстый, во много обхватов, похожий на бутылку ствол дерева.

Слонихи стояли, положив хоботы друг на друга, и пытались дремать, слонята, которых ещё не свалила жара, носились вокруг. Время от времени то одна, то другая мамаша давала сыну тумака или, обхватив его хоботом, затакивала под себя.

Слонёнок стоял там некоторое время спокойно, но потом снова удирал. Продолжалась беготня.

Слонята кого-то преследовали.

Но кого?

Наконец я увидел: в траве шныряли серо-зелёные, с собачьими мордами павианы-бабуины. Они копались в земле,

переворачивали камни, что-то собирали...

Заметив обезьяну, слонёнок подкрадывался и, вытянув шпагой тоненький хоботок, угрожающе хрипя, кидался вперёд. Обезьяна с воплем бросалась к дереву. За ней — подруги.

Усевшись на толстом суку, павианы поднимали крик и начинали швырять в слонят ветками.

Наконец, одной из слоних эта возня и крики надоели. Она упёрлась в ствол бивнем. Дерево хрустнуло. Слониха поднажала. Павианы на дереве притихли. Треск — и целая доска отвалилась от ствола. Обезьяны в панике взлетели на самую макушку баобаба.

Отвалив ещё несколько здоровенных щеп, слониха расковыряла бивнем светлую мякоть ствола и принялась хоботом извлекать её, засовывая кусками в рот и неторопливо жуя.

Павианы, склонив головы, внимательно наблюдали за ней. Насытившись, слониха вернулась к подругам, втиснулась между ними и замерла.

Дерево стояло одиноко посреди саванны, и его хорошо было видно из машины.

Время шло. Угомонились

слонята. Они сперва спрятались к мамам под животы, а потом и вовсе улеглись, вытянув короткие ножки и вздрагивая во сне.

На верхушке дерева задремали обезьяны.

О БИВНЯХ

Про хобот известно всем: это и рука, и водопроводный шланг, и пылесос, и лопата. Но то же самое можно сказать и о бивнях: они пригодны для всего.

Разъярённый слон пускает их в ход, как последнее и самое страшное оружие.

Желая полакомиться мягкой сердцевинкой баобаба, откалывает ими от ствола жёсткие наружные слои.

Бивнями мать подталкивает непослушного детёныша.

Но самое интересное: именно по бивням легче всего различать слонов. Нет двух животных, у которых они были бы одинакового размера и формы.

Бивни бывают белые, жёлтые, почти коричневые, бывают чистые, бывают с отметинами и щербинками.

Есть бивни очень короткие,

а есть до двух метров длиной.

Бывают слоны без бивней. Попадаются такие, что потеряли один клык или откололи большую его часть.

А самое главное: два одинаковых по длине и одинакового цвета бивня никогда не растут на один лад. Они идут или врозь, или параллельно, или перекрещиваясь. Есть слоны, у которых один бивень смотрит вперёд, а другой вбок или даже вниз.

Есть бивни прямые и есть загнутые.

Африканцы, которые имеют дело со слонами, так и говорят: «беззубый», «с расколотым клыком», «тот, кто волочит клыки по земле».

Бивни слона для них всё равно, что масть коня для нашего коневода.

КАКОГО ЦВЕТА СЛОНЫ?

Здесь, в Микуми, я неожиданно получил ответ на такой, казалось бы, нелепый вопрос: все ли слоны серы?

Оказалось — не все.

Встречались серые, но редко.

Слоны — разноцветные.

Большинство слонов в заповеднике были коричневые. Я долго не мог понять, почему это так, пока не увидел, как после купания слон набирает полный хобот песку и пыли и посыпает себя с головы до ног.

Поэтому я не ахнул, когда навстречу нашей машине однажды из рощицы вышли два красных слона. Они важно шли по дороге. Мы проехали метров двести и увидели поляну, посреди которой краснело огромное пятно. Старый термитник из красной глины был растоптан, размазан по земле. Посреди пятна виднелись отпечатки слоновьих ног, а из глины торчали рыжие волоски. Вот где ухитрились измазаться красной краской наши тембо!

И ещё: когда слон выкупается, он чёрный, как школьная доска. Чёрный и блестящий, словно облитый маслом.

А однажды мне довелось увидеть зелёного слона.

Это случилось солнечным полднем у самой гостиницы. Я бродил в тени, между деревьями, посаженными вдоль ограды, и вдруг столкнулся нос к носу с большим слоном. Он прятался от жары в кустах,

но при моём приближении пошевелился и этим выдал себя. Два столба и три тонкие проводочки разделяли нас. Я посмотрел на слона и ахнул: он был зелёный, как копна свежего сена. Я оторопел, не сразу понял, в чём дело, а поняв, рассмеялся. Слон стоял среди яркой, залитой солнцем листвы, и та светила на него отражённым зелёным светом.

ДОЖДИ

Наступил сезон дождей. Каждый день после обеда с востока наплзали сиреневые облака. Они шли со стороны океана, цепляясь за вершины холмов. Дождь проливался над Микуми, и облака, посветлев, уходили на запад.

К концу недели бегемотовы лужи разлились и превратились в озёра.

Наша машина, поскрипывая и переваливаясь с боку на бок, объезжала их. Я ловил в объектив громоздкие морды животных. Бегемоты вздыхали. Они ждали вечера и нетерпеливо посматривали в сторону лугов, в сторону голубой, в человеческий рост травы.

«ОСТОРОЖНО — ДИКИЕ ЗВЕРИ!»

Лет сорок назад в Ленинграде показывали кинокартину «Чанг». Это был фильм о слоне.

Рассердившись за что-то на людей, слоны в этой картине разрушают деревню. Под напором серых туш качаются и падают дома, тонкие стены валятся, как игральные карты, летят соломенные крыши.

«Осторожно — дикие звери!» — говорит в конце фильма белому человеку смуглый охотник, показывая на лес, окружающий деревню...

Мы покидали Микуми.

К гостинице подъехала машина. Совсем новенький блестящий автомобиль. За рулём сидел толстый шофёр и улыбался. Мотор работал тихо-тихо.

— Поздравляю! — сказал я шофёру. — Дали новую? У старой испортился мотор?

— Нет, — ответил шофёр. — Я сказал начальнику, что пассажиров чуть не съел лев. Что он долго бежал за нами, а машина еле ехала. Начальник очень испугался.

Мы покидали Микуми.

Наша машина промчалась между холмов, миновала поросшую редкими деревьями

саванну и затормозила около щита с надписью: «Осторожно! Пятьдесят километров — дикие звери!»

Это надо было понимать так: «Водители машин, соблюдайте осторожность — пятьдесят километров шоссе проходит по заповеднику. Не убейте случайно дикое животное!»

Не надо бояться диких зверей, их надо оберегать.

Я обернулся. Позади нас шоссе переходили слоны. Они шли гуськом, бесшумно ступая по асфальту.

Огромные, величественные животные не торопились.

На дороге показался грузовик. Заметив слонов, водитель сбавил скорость, а потом остановился.

Слоны шли по асфальту. Они шли, опустив хоботы, пофыркивая и подталкивая малышей.

Когда последний слон сошёл с дороги, грузовик включил скорость и с урчанием прополз мимо нас.

Дорогу перелетела стая чёрных сорок. Птицы торопились — они догоняли слонов. Настигнув животных, они расселись у них на спинах. Слоны вошли в траву. Чёрные гирлянды птиц качались на сло-

новых боках. Сороки то и дело взлетали: они охотились. Тучи насекомых, вспугнутых слонами, поднялись в воздух.

Дальше от дороги — трава выше, слоны утонули в ней. Они исчезли из вида, и только чёрное облачко — стая сорок — отмечало их путь.

Это дерево львы облюбовали давно,
а машины
пробили к нему по саванне
в траве колею.

Но уже много лет
здесь действует безмолвный уговор:
близко не подъезжать!

Меняются поколения львов,
а невидимый,
точно очерченный
у дерева круг
остаётся.

Рождаются новые законы,
но этому старому
по-прежнему
подчиняются
и люди, и звери.

Невидимый барьер...

Он появился,
когда людям
и зверям
на планете
стало тесно.

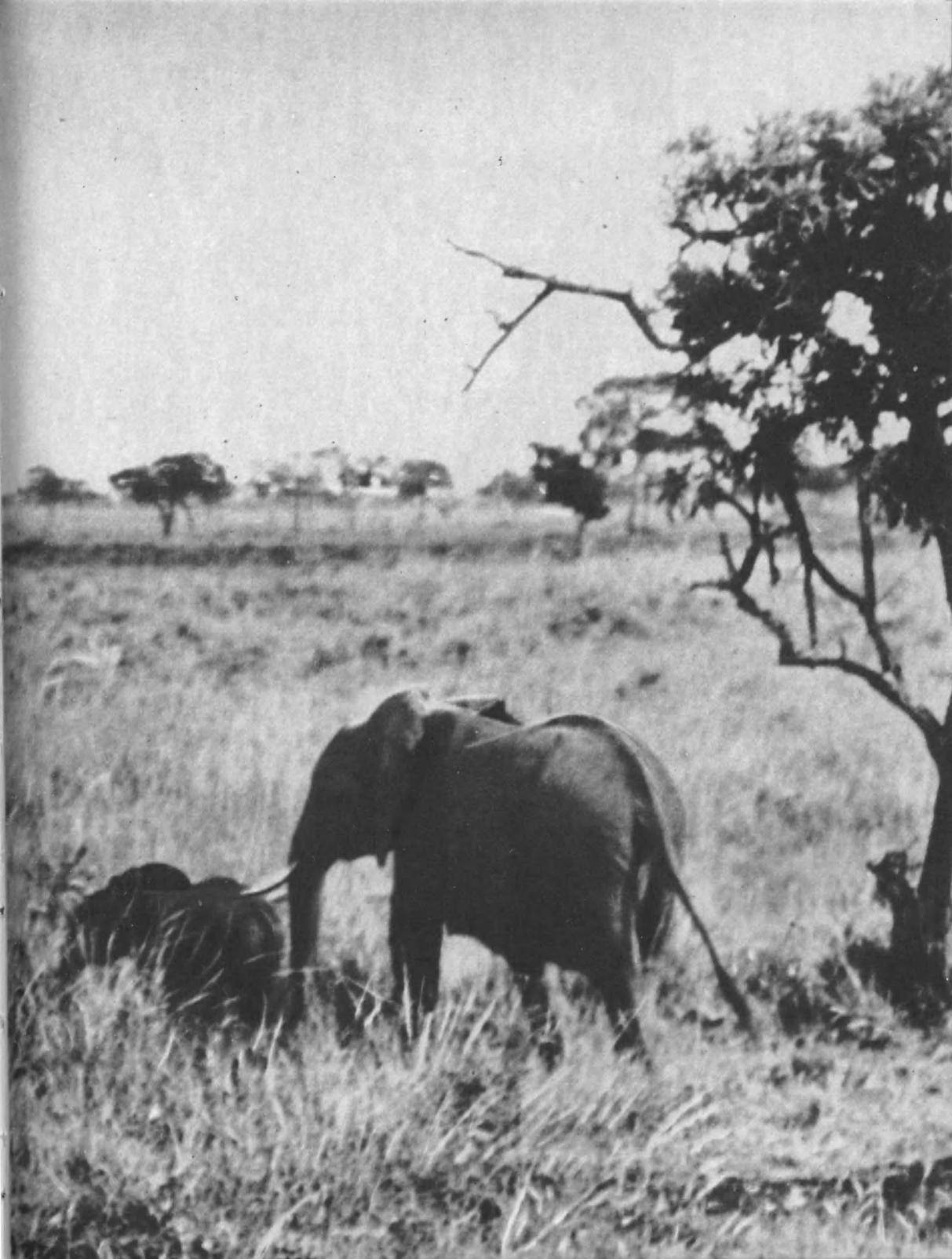

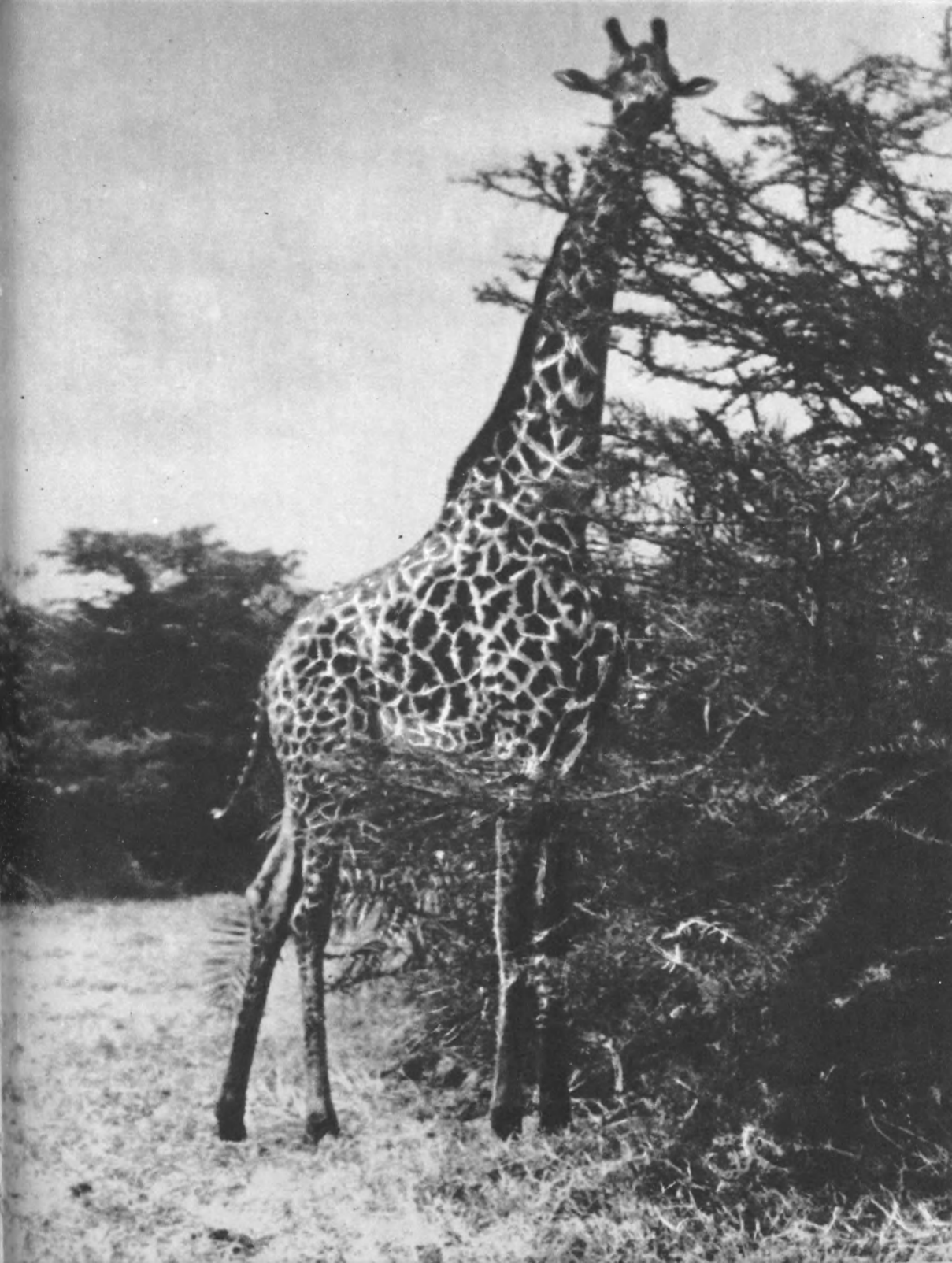
Днём лев прячется под деревом
или в густой траве.
У каждой семьи свой охотничий участок.
Впрочем,
на севере Танзании
в Серенгети каждый год
наступает время, когда львы
покидают свои участки
и отправляются
в многодневное путешествие.
Это период засухи.
Пересыхают реки,
и миллионы антилоп
начинают движение
к озеру Укереве.
С отвисшими от обильной еды животами
львы идут следом
за стадами
и подбирают упавших
или слабых
гну, водяных козлов
импала,
зебр.

Первой заметила нас слониха.
Она подняла уши,
беспокойно потопталась,
опустила хобот в траву
и нашла там слонёнка.
Они пошли прочь от дороги.
Слонёнок всё время останавливался
и, вытягивая в нашу сторону
тонкий хоботок,
пытался понять:
что мы делаем?
Он, наверное, думал,
что мы с ним играем —
пускаем стёклами наших камер
солнечные зайчики.
Мать шлёпнула его,
и они ушли,
рассекая траву,
как лодки
рассекают зелёную воду.

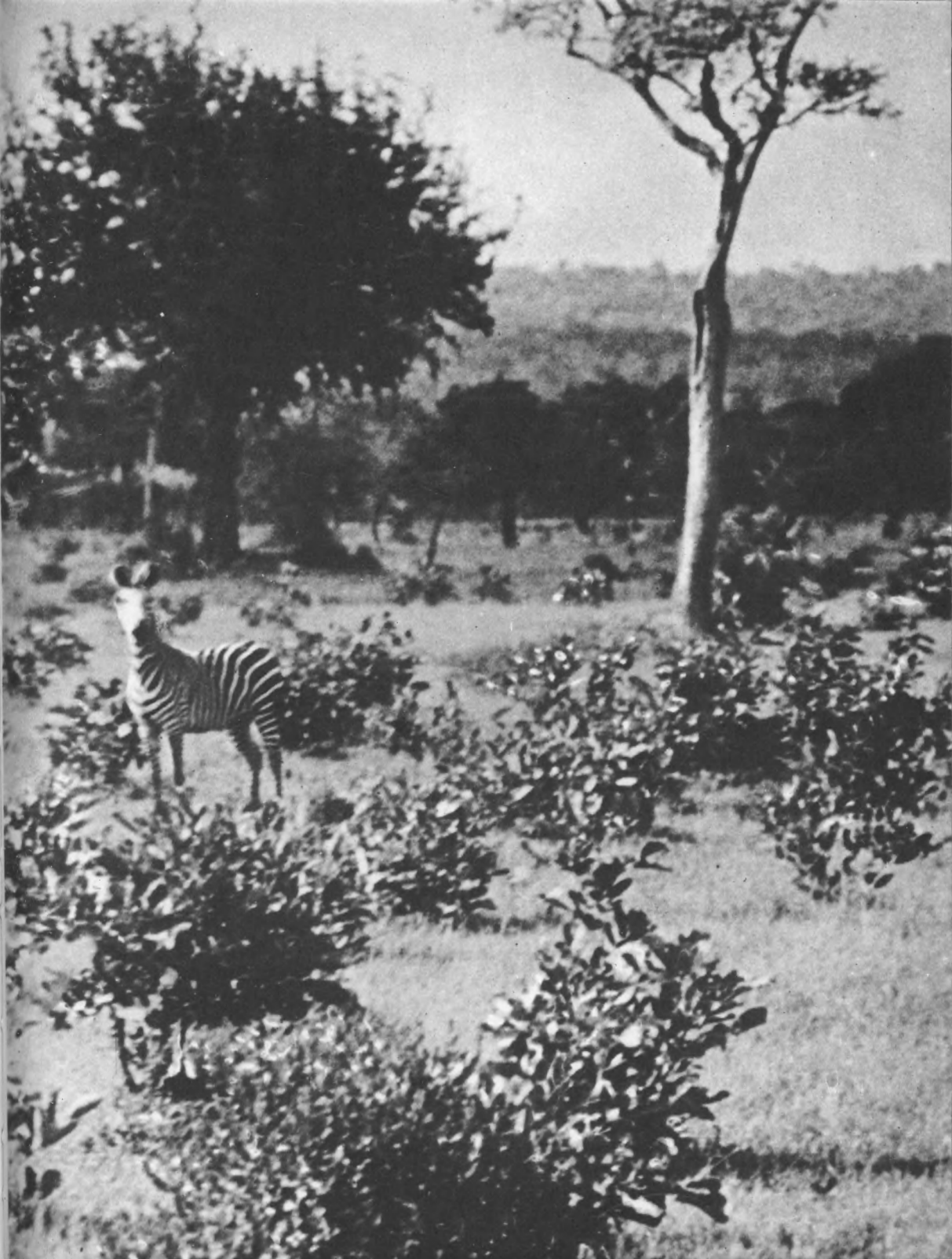
Мы подкрались незаметно —
жираф был занят тем,
что объедал молодые побеги
с вершины дерева.
Увидев нас,
жираф вздрогнул
и пустился наутёк.
Его шея раскачивалась,
как корабельная мачта,
а ноги шли иноходью.
Среди животных Африки
жираф испокон веков
занимал особое место.
Даже люди
щадили жирафов
и не охотились на них так яростно,
как, скажем, на антилоп.

Вот тот асфальт,
по которому ходят слоны Микуми.
Долину Мкага пересекает шоссе.
По нему с рёвом
и свистом днём и ночью
проносятся грузовики.
Это очень важное шоссе:
дорога ведёт из глубины страны
к океану.
Танзания строит города,
в глубине страны
вырастают заводы.
Как совместить слона
и автомобиль?
В Микуми повсюду
на обочинах
дорог
стоят знаки:
«Осторожно — звери!»

В заповеднике
хищники и их жертвы
обитают рядом.
Саванна
легко просматривается,
и звери постоянно видят друг друга.
Эта зебра паслась одна
неподалёку от дерева,
под которым лежали львы.
Но полосатая лошадка
чувствовала себя в безопасности:
львы были сыты.
Был полдень,
долина Мката казалась местом мира
и отдыха.

Как и во всём мире,
придорожные дома в Танзании —
это
или
лавочки,
где можно купить любую мелочь,
или
трактирчики,
или
кафе.
Этот дом построен,
как испокон веков
привыкли строить
в Восточной Африке:
стены — из переплетённых веток
и глины,
крыша —
из пальмовых листьев.
Однако изменилось обращение
к приезжему:
раньше говорили
«бвана» (господин),
теперь — «ндугу»
(друг).

ОЗЕРО ПЕРИАР

И тут есть Индейская страна... Обезьяны здесь живут в лесу, и есть у них князь обезьянский.

Тверской купец и путешественник Афанасий
Никитин.

1466—1472 годы

КОБРА НА УЛИЦАХ БОМБЕЯ

МЫ ЕДЕМ В ПЕРИАР

НЕМНОГО О РЕДИАРДЕ КИПЛИНГЕ

ПОЧЕМУ В ПЕРИАРЕ НЕ СРАЗУ УВИДИШЬ СЛОНОВ

ЗА НАМИ ПРИХОДИТ ЛЕСНИК

КАК ТРУДНО ОТЛИЧИТЬ ОБЕЗЬЯНУ ОТ БЕЛКИ

ПОСЛЕДНИЙ ТИГР ПЕРИАРА

КАКИМ ОСТАЛОСЬ У МЕНЯ В ПАМЯТИ ЭТО ОЗЕРО

ИНДИЯ

апрель — май, 1977 год

МАНГУСТА И КОБРЫ

Над низкими грязноватыми домами плавал бензиновый дым. Над этим сиреневым облаком, как вершины ледяных гор, вздымались стеклянные башни небоскрёбов. Пёстрые рекламы кричали о товарах, которые необходимо продать. Вдоль тротуаров рядами сидели нищие.

Бомбей гремел и стучал, визжал автомобильными тормозами, стонал сиренами электропоездов.

По улице нёсся поток автомобилей, текла разноязычная пёстрая толпа.

И неожиданно для нас воцарилась тишина: спасаясь от жары, мы зашли в маленький скверик.

Под развесистым, многоствольным баньяном стояла толпа. Люди стояли молча, кольцом, и чего-то ждали. В центре сидел поджав ноги смуглый человек в серой чалме. В руке он держал длинную дудку с медным наконечником. Перед музыкантом стояли две плоские, плетёные, закрытые круглыми крышками корзины.

Рядом смуглый мальчишка держал на поводке зверька величиной с кошку, с острой хищной мордочкой и подвижными жёлтыми глазами.

Это была мангуста.

Мы попали на представление укротителя змей!

Не отпуская мангусту с поводка, мальчик обошёл толпу. В руке он держал деревянную чашечку. Застучали монеты. Я бросил синюю хрустящую бумажку. Мальчишка радостно заулыбался.

Право снимать было куплено — я вытащил из сумки фотоаппарат. Сейчас произойдёт то, о чём я мечтал с самого детства, — я увижу сражение мангусты с коброй.

Мужчина резким движением сбросил крышку с одной из корзин. Оттуда, как пружина, взвилась и закачалась на хвосте большая коричневая змея. Она качалась, ослеплённая светом, поблёскивая кожей.

Мужчина направил дудку прямо на змею, та отпрянула, на шее у неё раздулась плоская, украшенная тёмным иероглифом кожная складка — капюшон. Ещё секунда — и очковая змея выскользнула из корзинки.

Она очутилась на заранее расстеленном грязном коврике, свернулась ещё для одного броска, но в этот момент мужчина заиграл.

Он свистел, наклоняясь к самой змее. Жёлтый наконечник раскачивался над головой у кобры, и огромная гадина, глядя в упор на сверкающую медь, тоже стала раскачиваться. Кобра поднималась, когда поднималась дудка, и сворачивалась, опускалась, когда дудка шла вниз. Мужчина описал дудкой круг, и змея послушно повторила его движение.

У меня вспотели руки. Что же я делаю? Почему стою неподвижно? Немедленно снимать! Я пробился в первый ряд — люди вежливо уступили место, — поднёс аппарат к глазам, поймал в окошечко видеискателя извивающееся тело змеи и нажал спуск. Снимок... ещё... ещё...

Внезапно факир опустил дудку. Быстрым движением он схватил змею поперёк тела, швырнул её в корзинку и захлопнул крышку.

Теперь вперёд вышел мальчик с мангустой. Мужчина снял крышку со второй корзинки. Оттуда ещё более стремительно вылетела вторая коб-

ра. Извиваясь, она ползла к толпе. Но к ней уже спешил мальчик. Мангуста тянула его, едва не обрывая поводок. Она налетела на кобру, сбила её в пыль, перевернула и мёртвой хваткой вцепилась в горло.

Всё было кончено. Мальчик пошёл по кругу, таща за собой упирающегося зверька. Возбуждённая мангуста скалила зубы и смотрела на нас безумными глазами.

Толпа радостно гудела, в чашечку снова посыпались монеты.

В той же руке, которой мальчишка держал поводок, он нёс и змею (голова её была в крови, через разорванную кожу белело мясо).

Он показывал её всем — убедитесь, как чисто сделано дело!

Ошеломлённый, я выбрался из толпы.

Тишина лопнула с тихим звоном. Шум большого города снова обрушился на нас.

Из потока автомобилей вынырнула машина. Скрипнув тормозами, она остановилась рядом с нами. В этот день мы выезжали на самый юг Индии, в штат Керала, в заповедник на озеро Периар.

Индия приходит в нашу жизнь «Книгой джунглей». На первой её странице — портрет автора. Небольшого роста, сумрачный, с коротко подстриженными усами офицер английской колониальной армии Редиард Киплинг. Он первый рассказал мне о громадной, покрытой непроходимыми лесами стране у экватора. Населил эту страну животными, которые, как люди, умели разговаривать, любить и ненавидеть. Поведал о мальчике, которого вскормили волки.

Маугли...

Машина мчит по равнине, по красноватой земле, нарезанной на одинаковые крошечные дольки. Никаких лесов вокруг — их давно уже нет. Полуголые крестьяне понукают белых быков с тонкими рогами, выкрашенными в красный и голубой цвет. Быки волочат крошечные плуги.

Ослепительное солнце плавит асфальт шоссе. Курится красным дымком борозда под лемехом. Жаром несёт от крыши и дверей автомобиля. Встречный ветер, врываясь в кабину, обжигает лицо.

Красная пыль ложится на газетные листы. Я перебираю вырезки. Их я сделал ещё в Ленинграде. Это — свидетельства очевидцев: встречи с новыми Маугли. Звери до сих пор воспитывают человеческих детей. Журналист видел в индийской деревне двух девочек 8 и 12 лет. Их нашли в джунглях. Обе не умели говорить и ходили на четвереньках. Младшая умерла, осталась старшая. С фотографии смотрит детское испуганное лицо. Всклобоченные, никогда не знавшие гребня волосы. Снимок сделан сверху — девочка стоит на полу по-звериному, на четвереньках.

Автомобиль летит мимо бесконечных полей и селений. Одна деревня, не кончаясь, переходит в другую.

Проезжаем небольшой городок. Густая толпа медленно течёт по улице. Она течёт мимо лавок, набитых дешёвыми тканями, овощами, медной и глиняной посудой. Мимо лотков с жареными зёрнами риса и кукурузы. Гремит музыка, над жаровнями вьётся дым. Кончается какой-то религиозный праздник, а на смену ему уже идут выборы. На стенах развешаны плакаты с эмблемами

партий — корова, серп... На дорогу выкатывают пустые металлические бочки. Они ярко раскрашены — белые, зелёные, красные полосы. На полосах причудливые надписи — призывы голосовать. Бочки, смеясь, катят молодые ребята — работа им нравится.

Улица, запруженная народом, клокочет, ручеёк огромной реки, по имени Индия, течёт мимо нас.

ПЕРИАР

На второй день нашего путешествия распаханые жёлтые поля сменились зеленью рощ. Штат Керала встретил нас пальмами, рисовыми болотами и тенистыми плантациями резинового дерева гевеи. Шоссе полезло вверх, змеей запетляло по склонам голубых прохладных гор. Мелькнула отметка: «Высота 1050 метров». Пальмы и рис сменились плантациями кудрявого чая. Дышать стало легко, даже автомобильный мотор заработал тихо-тихо.

Наконец снова возникла вереница домов, они оборвались, сложенные из камней ограды

кончились, шоссе преградил шлагбаум. На обочине щит с надписью: «Заповедник Перитар». Густой лес. Из-за деревьев вынырнуло здание с надписью: «Штаб заповедника», за ним блеснуло озеро. Узкое, длинное, голубое.

Мы сели в лодку. Стуча мотором, она повезла нас в гостиницу.

На высоком красном мысу высветился домик. Нас высадили.

— Приду за вами завтра на рассвете, — сказал на прощание моторист.

Мы полезли по склону вверх.

Вокруг домика тянулся глубокий, в два человеческих роста, ров. Через него узкий, в полторы доски, мост.

«Для чего этот ров?»

И вдруг я вспомнил Микуми: да ведь он защищает дом от зверей! В Африке была проволочная сетка, тут — ров.

Стремительно закатилось солнце. И сразу же с гор на озеро опустился туман. Всё утонуло в белом молоке. Наступила странная тишина — ни ночных птиц, ни лягушек, ни цикад.

СЛОНЫ ПОД ОБЛАКАМИ

Утром, когда мы встали, туман ещё белыми волнами гулял над озером, выкатывался на острова, цеплялся белыми косами за верхушки деревьев. Потом на востоке порозовело, оттуда прорвался солнечный луч, тёмная луговина вспыхнула зелёным огнём. Оседая, терясь в деревьях, туман исчез.

Внизу у воды затарахтел лодочный мотор. Моторист был точен.

Мы сели, и катер отошёл от берега. Покачиваясь, он бежал, огибая мыс, стараясь поскорее выбраться на плёс. Мы вышли на него, и я ахнул: в воде стояли мёртвые деревья. Они стояли рядами от берега до берега.

Неподвижная прозрачная вода. Причудливый, заколдованный лес... Видно, тут текла когда-то река, её перегородили, река разлилась — деревья скрылись под водой.

Мы плыли, тихо постукивал мотор. Я напряжённо всматривался в берег: за каждым кустом, за каждым поворотом нас могло ждать что-то диковинное.

Увы! Зверей было очень мало. Вот несколько кабанов вы-

бежали к воде. Вот вышел на водопой дикий бык. Он посмотрел на лодку, тряхнул рогами и скрылся в кустах.

Я вспомнил, что Периар заменит своими слонами.

— А где же слоны? — спросил я.

Моторист вылез из рубки, прикрыл ладонью глаза и ткнул пальцем куда-то вперёд и вверх.

— Да вот они... И вот... И вот!

Где? Впереди никого не было видно. Выше на холмах, в редколесье — тоже. Дальше поднимались горы. Их вершины тонули в тумане. Не там же искать лесных великанов!

Но что это? Там, где в зелёной альпийской траве плавали дымные клочья облаков, медленно двигались какие-то красные пятна. Это были слоны! Огромные животные бродили по крутому горному склону. Они, видно, не очень-то нуждались в озере и не собирались спускаться: там сочные альпийские травы, роса, влажный, прохладный воздух...

Облачная линия задрожала и опустилась. Склон горы, покрытый зелёным травяным ковром, исчез. Остались видны только туши животных. Я под-

нёс к глазам бинокль — красные слоны плавали в небе, то скрываясь в облаках, то появляясь вновь.

В бинокле возникла большая птица. Коричневый орёл слетел к воде, прыжками, словно кенгуру, пробежал по берегу, жадно раскрыл крючковатый клюв, зачерпнул воды. Подбросил воду, поймал на лету, проглотил. Увидав наш катер, неуклюже, едва не задев землю, взмахнул крыльями. Долго летел у самой травы, потом круто взмыл вверх и потерялся на фоне гор.

Мы возвращались домой.

После африканских заповедников Периар — это почти пустыня.

Заметив, что я огорчён, моторист спросил:

— Вам не понравилось у нас?

— Честно говоря, я ничего не понял: мы на воде, слоны — где-то в облаках. Наверно, нужно идти по берегу, тогда что-то увидишь.

— Если наш лесник Джекоб здесь, я попрошу его. Он ответит вас в лес. Это считается опасным, но если его попросить...

«Не пойдёт лесник, раз опасно», — подумал я.

ЛЕСНИК ДЖЕКОБ

На рассвете в дверь осторожно постучались. Около дома стоял сухонький маленький человек в белой рубашке навыпуск и босиком.

— Я Джекоб. Я пришёл, — сказал он.

Я засуетился, собирая катушки с плёнками, аппарат, а лесник исчез и появился снова минут через десять. Теперь на нём была форменная рубаха цвета хаки с погончиками, такие же шорты. На ногах — сандалии, в руке изогнутый тяжёлый нож с крючком на конце.

Мы перебрались через ров. Стайка кабанов, возившаяся в нём, с визгом пустилась наутёк.

Джекоб шёл впереди. Спустились с холма, прошли вдоль озера и оказались около вышки. Стальные, широко расставленные ноги, наверху домик, в его стенах — окошки для наблюдателей.

Однако ступеньки, которые вели наверх, все были целы, даже краска не стёрта. Домиком никто не пользовался...

«Такую прекрасную засидку построили, — подумал я, — чтобы показывать из неё сло-

нов на водопое, тигров. Как видно, слоны не пришли, а тигры...»

— Скажите, есть в заповеднике тигры, Джекоб?

Лесник пожал плечами.

— Я покажу след тигра, — подумав, пообещал он.

Мы углубились в лес. Под тенью огромных деревьев пластами лежала сухая листва, под ней чавкала вода.

Вышли на тропу. Она была протоптана какими-то большими животными. Джекоб шёл впереди и отводил ножом колючие ветки. Вдруг над нашими головами кто-то стремительным прыжком перенёсся с дерева на дерево.

— Обезьяна, Джекоб?

Лесник отрицательно покачал головой.

— Белка, — сказал он.

В ветвях мелькнула чёрная спина. Большое животное пробежало по стволу. Ну какая же это белка! Я бросился следом за ним с тропы и влетел в колючий куст. Животное скрылось...

Мы долго бродили по лесу. Молчаливый, тихий, с редкими выкриками птиц, с безмолвными пустыми тропами, он не порадовал нас. Только однажды вдалеке, на противополож-

ном берегу — мы вышли к глухой озёрной старице, — взлетела большая птица. Она летела, с трудом неся тяжесть своего тела. На голове горел жёлтым огнём гребень.

— Булхорн, носорог, — сказал Джекоб.

На обратном пути я снова заметил в ветвях что-то чёрное.

— И это белка?

Джекоб ответил шёпотом:

— Чёрный лангур.

Большая обезьяна карабкалась на макушку дерева. Одной лапой она прижимала что-то к груди. Из-под лапы блеснули крошечные любопытные глазки.

Мать, продолжая держать детёныша, раскачала ветку, вытянула вперёд свободную лапу, одним махом перелетела на соседнее дерево и скрылась.

Когда мы вернулись домой, я тотчас сел листать справочник, который нашёл в доме. Мне хотелось убедиться, что лесник ошибся, что животное, которое мы встретили, было тоже обезьяной, а не белкой. Но вот и рисунок — большой чёрный зверь с длинным пушистым хвостом — «Гигантская Малабарская белка».

Удивительно!

В дверь постучали. На поро-

ге снова стоял Джекоб. В руке он держал лист бумаги.

— Вот, — сказал он и положил лист на стол. — Я обещал показать его вам. Это след тигра.

ПОСЛЕДНИЙ ТИГР

Вот что он рассказал. Пять лет назад в Индии проходила перепись тигров. Всем лесникам были розданы куски стекла и специальные карандаши. Нужно было регулярно посещать места водопоев и, заметив тигриный след, тотчас срисовывать его.

Потом рисунок со стекла переводили на бумагу. Дело в том, что на свете нет двух тигров с одинаковыми отпечатками лап! Один экземпляр посылали в Дели, в Управление охраны дикой природы, второй оставляли в заповеднике. Каждому тигру давали имя: «Тигр Эй», «Тигр Би», «Тигр Си»... У тигров свои охотничьи участки, и только у водопоев они могут встречаться по нескольку сразу.

Я бросился снова смотреть справочник. В статье «Тигр» было написано: «По данным

1972 года, в Индии осталось 1872 тигра».

— Это был последний тигр, — сказал Джекоб. — Он ушёл от нас в горы. Больше в Периаре нет тигров.

ДЕРЕВО

Наш дом прятался под кроной мангового дерева. Оно возвышалось над домом, как великан. Какой бы ни дул ветер, твёрдые кожистые листья его лишь беззвучно дрожали.

Днём дерево молчало. Вечером оно начинало шуметь, стрекотать, гортанно браниться. Кто-то беспокойный и непоседливый устраивался там на ночлег. К закату оно звучало, как оркестр.

Как-то я не выдержал и вышел на веранду. Над моей головой звенел птичий хор.

«Будет ли этому конец?» — подумал я.

И вдруг хор затих. Солнце село. Последняя птица прочертила небо крыльями и с размаху врезалась в жёсткую листву. Ещё один вскрик — и дерево затихло.

Густые, широко разбросанные ветви надёжно скрывали

от нас своих обитателей. Так я и не узнал, кто заставлял звучать по вечерам огромное доброе дерево. Скорее всего, это были майны — чёрные индийские скворцы, говорливые и беспокойные, заселившие все леса и парки Индии.

МАЛАБАРСКАЯ БЕЛКА

Мы покидали Периар. Моторная лодка пробралась среди мёртвых стволов, и мы высадились около штаба заповедника.

Пришёл Джекоб. Он опять был в форме, словно мы сейчас снова отправимся с ним в лес.

— Много вас тут, лесников, Джекоб? — спросил я.

— Осталось трое. Люди уходят. Стали мало платить. Мало туристов.

— Пустеет лес?

Он кивнул.

— Ну, а ты не уйдёшь?

— Нет.

Он сказал это печально, но твёрдо, и я понял, что, пока на туманных берегах Периара бродит хотя бы один слон, Джекоб будет здесь.

Пришла наша машина. Шофёр включил мотор. Мы уже тронулись с места, как вдруг

услышали крик, и я увидел Джекоба, который бежал к нам.

— Там белка! Белка! — кричал он.

Я помчался за ним.

За домом росло огромное дерево с серой корой и узкими тёмно-зелёными листьями. Ветки его нависали над самой крышей. По одной неторопливо двигалось, перебирая лапами, странное существо. Чёрный зверь с жёлтой маской на морде и таким же жёлтым пятном на животе. У него был длинный хвост. Зверь уселся около ствола и без любопытства посмотрел вниз. Он, видно, привык к людям.

Машина унесла нас за слагбаум, за границу этого необычного, бедного зверями заповедника.

Он так и остался у меня в памяти: красные слоны в облаках и огромная причудливая, чёрная с жёлтым, белка, неподвижно сидящая на дереве у самой крыши.

Катер плыл
по неподвижной стеклянной воде.
Мёртвые деревья поднимались
со дна озера.
Когда-то на берегу Белого моря
я видел место,
где песчаной дюной
был засыпан рыбацкий посёлок.
Над горбатым жёлтым холмом
возвышались одни телеграфные столбы
да печные трубы.
«Мёртвый город!» —
вот что я подумал,
когда наш катер
вышел на середину Периара.
Было раннее утро.
Ночной туман
ещё не ушёл,
он только приподнялся
и белыми клочьями
висел в воздухе
над чёрными стволами деревьев.

Когда-то в Индии
было много обезьян.
Это заметил ещё Афанасий Никитин.
Сейчас
остатки обезьяньих полчищ
держатся в предгорьях
и у храмов —
здесь всегда найдётся еда.
На этом дереве,
близ пещерных храмов Элоры,
обезьяны висели как яблоки.
Увидев человека,
обезьяна протягивала лапу —
просила есть.
Если ей ничего
не давали,
она сердилась.
Эта дикая обезьяна
равнодушно смотрела
в объектив
и не испугалась щелчка:
она прекрасно знала,
что такое фотоаппарат.

На деревьях вдоль дорог —
повсюду грифы.
Про них рассказывают,
что они могут
с высоты видеть даже сквозь землю.
Это, конечно, легенда.
Старики индийцы уверяют,
что если ночью
закопать павшую лошадь,
утром к ней начнут планировать
из-под облаков птицы.
И это действительно так:
у грифа такое острое зрение,
что он способен с огромной высоты
различить рой мух,
слетевшихся на свежий
земляной холм:

Слон смотрел на меня
усталым добрым взглядом.
Маленький карий глаз
его то и дело мигал.
Слон устал идти,
устал нести цепь,
устал останавливаться
на перекрёстках
и пропускать автомашины.
До Периара ему было ещё
с добрую сотню миль.
Погонщик-махут,
увидев меня около
слоновьего бока,
сделал знак: «Отойди!»
Я перешёл на другую
сторону
шоссе.
Об этой встрече
со слоном
я расскажу в конце книги, —
в Периаре с него должны были
снять цепь.

Эту сцену я снимал через кусты,
чтобы не спугнуть птиц.

На поляне
лежал мёртвый осёл,
а около него суетились грифы
и орлы-стервятники.

Тяжёлые птицы
неуклюже прыгали с места
на место,
отталкивали друг друга,
хрипло, с клёкотом
перебранивались.

В жаркой стране
птицы-трупоеды обычны.
А вообще в Индии птиц
стало меньше.

Попугаи покинули города.
Сократилась площадь
болот — меньше стало
водоплавающих.

Асфальт и пашня
наступают
на те места,
где ещё недавно
в изобилии
водились фазаны
и сорные куры.

ПТИЧИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МАДРАСА

В этом царстве и во всей Индии звери и птицы на наших не похожи. И плоды их не похожи на наши, и звери, и птицы от большой здешней жары.

Венецианский купец и путешественник Марко Поло.

1298 год

ВЕЧЕР НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

«СЛАВА МОРЯ» И ДРУГИЕ РАКОВИНЫ

ИХ НАДО ИСКАТЬ НЕ ТАМ

ПОЧТОВЫЙ ЧИНОВНИК, ЗНАЮЩИЙ ВСЕХ ПТИЦ

ЗМЕИ В БЕТОННЫХ ЧАШАХ

КАК СРАЖАЛИСЬ ДИНОЗАВРЫ

СЛОМАННАЯ ПАЛЬМА

ГОРЬКО ТЕРЯТЬ ВЕРУ В МИФЫ

МАХАЛИБАПУРАМ — ХРАМЫ НА БЕРЕГУ

СНОВА ЗМЕИ

ИНДИЯ

апрель — май, 1977 год

ТЕКСТИЛЬНЫЙ КОНУС

От порта Мадрас на север и на юг — пляжи золотого песка. Ровный зюйд-ост гонит на них рядами океанские молочно-голубые волны. Вода тут неимоверной солёности, она обжигает рот и глаза.

Несколько дней я пытался, плавая и ныряя, найти здесь на дне раковины — я собираю их — и отчаялся. Вода была непрозрачной: прибой перемешал её с песком.

Так я пришёл к самой простой мысли: раковины купить — и отправился вечером на пляж.

Длинная цепочка торговцев тянулась от городских домов до самой воды. Заходило солнце. Оно опускалось на плоские крыши домов. Жёлтые несильные его лучи вяло светились на деревянных статуэтках, резных роговых гребнях, медных бусах, стеклянных браслетках. Тут же в жаровнях разогревали приправленный красным перцем рис, жарили кусочки бананов, кипятили чай.

Красные блики огня играли на выпуклых боках раковин.

Раковины были уложены рядами. Белые ногастые «пауки», вывороченные алые «бычьи губы», пятнистые чёрные и коричневые каури.

Я уже начал было копаться в них, когда увидел в сторонке, на самом краю подстилки, несколько конусов.

Конус — скромная раковина. Она никогда не бывает большой, похожа на фунтик, который сворачивают из газет продавцы семечек. Окраска её тоже не бросающаяся: на белом фарфоровом бочке коричневые или жёлтые пятнышки. Но эта скромность кажущаяся. Именно к конусам принадлежит играющая всеми цветами радуги самая редкая на земле раковина — «Слава моря». (Рассказывают, что когда таких раковин было известно всего пять, безумец, в коллекции которого оказалось две, разбил одну, чтобы сделать оставшуюся ещё более редкой.)

Раковины, которые я заметил, были матерчатыми, или, как их ещё называют, текстильными, конусами. Пёстрая их поверхность покрыта тонкой сеткой, мелкие, словно нанесённые гравёром, желобки, пересекаясь, создают впечатление, что раковина одета

в матерчатый чехол. Они шершавы на ощупь, просты на вид, но рисунки на них никогда не повторяются.

— Сколько просишь? — обратился я к темнолицему продавцу.

Тот назвал цену.

Я полез было в карман, как вдруг от толпы отделился человек в европейском костюме, в тёмных очках и, подойдя, сказал:

— Вы, очевидно, давно собираете раковины.

— Да. Но... Как вы это узнали?

— Вы не обратили внимания на самые пёстрые и дорогие.

Действительно, в центре подстилки лежали два великолепных, с человеческую голову величиной, перламутровых, зеленовато-голубых «тюрдана».

— И ещё — вы приехали с севера?

— Да.

— Этот продавец спекулянт. Утром с моря возвращаются рыбаки. Они ловят у Тутикорина, на юге. У них вы купите действительно хорошие раковины. Приходите к семи тридцати. В восемь начнётся отлив.

Я был удивлён и, пытаясь поддержать разговор, спросил

(далеко не каждый знает время начала прилива):

— Вы моряк?

— Почтовый чиновник. Всего хорошего!

Он церемонно поклонился. На нём, повторяю, были чёрные очки (они удивили меня — ведь темно, вечер!), белый европейский костюм и, несмотря на жару, галстук.

ИХ НАДО ИСКАТЬ НЕ ТАМ

Через несколько дней мы должны были ехать в заповедник Ведантангал, где, если верить книгам, на озёрах и болотах живут тысячи птиц. Но ехать одному, без сопровождающего, не хотелось. Дело даже не в том, что легко заблудиться; можно пройти в двух километрах от гнездовья розовых фламинго, не найти мест, где охотятся пеликаны, — словом, ничего не увидеть.

— Короче говоря, вам нужен птичий человек, — сказали мои собеседники-индийцы.

Они сказали так, чтобы не составлять по-английски длинное выражение: «Человек, который хорошо знает повадки и места обитания здешних птиц».

— Именно, птичий.

— Постараемся найти.

Вечером радостный голос сообщил по телефону, что птичий человек найден.

Однако в ответ на просьбу поехать со мной в Ведантангал этот человек рассмеялся и сказал, что там нет сейчас никаких пеликанов и фламинго, нет вообще никаких птиц, потому что сейчас лето и все местные птицы давно уже улетели на север, в страну, откуда я приехал, в Сибирь и Казахстан, строить гнёзда и выводить птенцов. Он сказал, что лучшее, что он может предложить, — это сопровождать меня в маленький заповедник под городом, где по крайней мере есть попугаи.

Я мысленно выругал себя:

«Ведь надо же: плавал на Каспии, видел летом, как тянут на север через море тысячные стаи прилетевших из Индии и Африки птиц, видел их гнездовья в бухтах, на островах и не сообразил...»

— Мистер Буч просил заехать за ним в шесть часов.

Птичий человек стал реальностью — у него уже появилось имя.

МИСТЕР БУЧ

Пустыми, не проснувшись ещё улицами автомобиля выехал на набережную, свернул к посёлку на самом берегу океана и остановился около маленького двухэтажного домика. На звук мотора открылась одна из дверей, оттуда вышел человек. Он был в белом костюме, при галстукe, в чёрных очках.

Это был мой знакомый человек с пляжа.

— Входите! — сказал он, не подав вида, что удивлён. — Мне нужно переодеться.

В низенькой пустоватой комнате меня встретили насторожённым молчанием двое курчавых, шоколадного цвета детей. На стене висело рулевое колесо.

Вошёл хозяин. На нём теперь были резиновые, обтрёпанные, но хорошо защищающие ногу туфли, залатанные, из плотной материи брюки, такая же куртка. На голове — выцветшая от дождей и солнца панамa. В руках фотоаппарат и бинокль.

— Я готов, — сказал почтовый чиновник мистер Буч.

«И всё-таки он был когда-то моряком», — подумал я.

ПАРК ЗМЕЙ

Заповедник был расположен на окраине города, окружён домами, и его, вероятно, не надо было ни огораживать, ни охранять: зверям и птицам бежать было некуда.

— Ну, положим, охранять-то приходится, — сказал мой спутник, когда я поделился с ним этой мыслью. — От людей... Знаете что, давайте сначала посмотрим Парк змей.

Среди деревьев стояли врытые в землю большие бетонные кольца. Некоторые из них были накрыты сверху металлической сеткой.

Мы подошли к большому кольцу. Внутри него стояло сухое сучковатое дерево, на земле пёстрой, скользкой и липкой (как показалось мне), грудой лежали змеи. Их было несколько сот. Эта живая гора медленно шевелилась, растекалась. Змеи неторопливо, как в замедленном кино, переползали с места на место, поднимались на дерево, стекали с него.

Я жадно рассматривал их.

Здесь была великолепная королевская кобра. Она была вдвое больше любой другой

змеи и лежала отдельно, сложив капюшон, прижав голову к прохладному полу.

Были древесные змеи, зелёные, тонкие.

Было с десяток простых кобр.

— Эта не ядовита? — спросил я, показывая на древесную змею.

— У нас в Индии всего четыре вида ядовитых змей, — ответил Буч. — Кобра, маленькая змейка крайт (помните, именно её душил храбрый Рикки-Тикки?), гадюка Рассела и гюрза. Однако наши люди в деревнях ходят босиком, случаи укусов и даже гибели часты. Индию надо обути, тогда мы забудем о змеях.

Он сказал это невесело.

— Хотите подержать змею в руках?

Рабочий в толстых резиновых сапогах залез внутрь бетонной чаши, крючком растащил в стороны кобр, снял с дерева зелёную змею и протянул её мне.

Медленно, словно нехотя, она обвилась вокруг руки и начала движение вверх по плечу, к шее. Она была такой длинной, что касалась хвостом пола.

Угрюмая тишина стояла в

Парке. Медлительные, немые змеи в бетонных холодных чашах, и люди, молча разглядывающие их.

— Не правда ли, — сказал я, — наш страх перед змеями совершенно особый. Человек боится и тигров, и львов, и даже собак, но как-то совсем по-другому, как слабый сильного. А тут...

Буч кивнул.

— Здесь наша беспомощность. Страх перед змеями самый древний. И самый глубокий. Индийский крестьянин, например, всегда воспринимал змеинный укус не как беду, а как наказание.

— И потом, вся планета когда-то принадлежала им, — сказал я. — Змеям и ящерам. Человек пришёл потом. Пришёл и всё отнял. Может быть, поэтому?

ХАМЕЛЕОНЫ

Среди змей бродили два хамелеона, светло-зелёные, с едва заметными тёмными полосками, с большими гребнями на головах и закрученными кверху, как у собак, хвостами.

Когда хамелеон решал сделать шаг, он протягивал трёхпалую ручку, обхватывал ветку и неторопливо подтягивал всё тело.

Оба хамелеона двигались, как в замедленном кино, и, должно быть, поэтому змеи не обращали на них внимания.

На сухое, безлистое дерево, по которому ползали хамелеоны и змеи, села муха. Великолепная синяя муха с огромными зелёными глазами и блестящими белыми крыльями.

Хамелеоны заметили муху одновременно. Оба повернулись к ней и стали подкрадываться. Они приближались к ней с разных сторон, таращили на неё глаза и не замечали один другого.

Не доходя до мухи, животные остановились. Они стояли совершенно неподвижно, в упор разглядывали пёструю муху и, казалось, прицеливались, чтобы совершить последний бросок. Его не последовало: оба медленно раскрыли безгубые рты, и у обоих изо рта стремительно вылетели клейкие розовые язычки. Они прострелили ими воздух, муха испуганно взвилась, язычки соприкоснулись и так же стремительно, словно они были на

пружинках, исчезли в пасти животных. Рты захлопнулись.

Но хамелеоны, раздосадованные неудачей, стали сближаться. Видно, каждый считал это дерево своим охотничьим участком и не собирался уступать сопернику.

Они сближались так же медленно, как и подкрадывались к мухе. Сойдясь, они приподняли головы, увенчанные шлемами средневековых рыцарей, и уставились в глаза друг другу.

Только глаза выдавали их волнение и гнев. Прикрытые кожистыми кольцевыми складками, они вращались, подёргивались, замирали. Казалось, животные вот-вот вцепятся друг в друга.

Но и этого не случилось. Постояв, хамелеоны так же медленно начали отступать.

Я подумал: «Может быть, именно такими были схватки доисторических ящеров? Медлительные и могучие, они так же стояли часами друг против друга, тупо раздумывая — кто сильнее и кому следует уйти?»

Муха, покружив над бетонной чашей, села на стенку. Её спугнула большая кофейного цвета кобра. Змея была чем-то раздражена, сделала стреми-

тельный круг по чаше и замерла, стоя на хвосте и недобро разглядывая нас крохотными красными глазками.

В ЛЕСУ

Казуарины с длинной, тусклой, словно пыльной хвоей, высоко поднятые к небу метёлки пальм, дикие низкорослые тамаринды, колючий непроходимый кустарник, редкая жёсткая низкая трава — таким оказался заповедный мадрасский лес.

Мы углубились в его заросли.

Странное зрелище: лес, зажатый между городом и океаном, на узкой полосе прибрежных песков, ограждённый проволокой и шлагбаумами. С дикими животными, которые с трёх сторон видят крыши городских домов.

Что-то хрустнуло впереди, за кустами мелькнула коричневая спина. Кто-то, сбивая на бегу сухие ветки, метнулся прочь. Что-то прошуршало в траве...

Ноги увязали в песке. Тонко запела и испуганно замолчала птица.

Что-то снова прошелестело в кустах. Метровая ящерица выскочила на открытое место, оглянулась и, вместо того чтобы скрыться, бросилась к дереву.

Вскарабкавшись на него, ящерица замерла. Она позволила подойти почти вплотную и с трёх шагов сделать снимок. У неё была великолепная, украшенная зубчатым гребнем голова и могучие с острыми когтями лапы. Она была похожа на сказочного дракона.

Когда щёлкнул аппарат, ящерица сделала ещё несколько шагов вверх по стволу и вдруг осторожно, волоча по ветке хвост, стала к кому-то подкрадываться.

Из листьев, пискнув, выпала пёстрая, с красным надхвостьем пичужка. Падая, она расправила крылья и улетела, испуганно крича.

Утомлённый жарой (солнце всходило стремительно, и так же стремительно накапливался в воздухе зной), я присел под деревом, притаился и стал ждать.

А что, если даже в этом полупустом, легко доступном для людей лесу, мне повезёт?

СЛОМАННАЯ ПАЛЬМА

Прямо передо мной торчал как столб мёртвый ствол. Тропический ураган сломал пальму, и ствол её теперь заканчивался обрубком. Кора на стволе была серого, бетонного, цвета, ровная, без единой морщинки. По ней, вероятно, не сможет взобраться на верхушку дерева ни одно животное.

Я сидел, нет-нет да поглядывая на ствол, как вдруг на самой вершине что-то шевельнулось. Мелькнуло зелёное перо. Показался кончик хвоста. Какая-то птица возилась на сломанной пальме. Наконец, вспыхнуло яркое зелёное пятно, развернулись два крыла, завертелась крутолобая, с толстым крючковатым клювом голова — на вершине сидел зелёный красавец попугай.

Он посмотрел вниз, прикинул, что блестящая штука со стеклянным глазом в руках у меня — не опасна, потом посмотрел так же внимательно направо и налево, расправил крылья и не торопясь перелетел на соседнее дерево.

Над моей головой слышался шорох. Сверху спуска-

лась ящерица. Она задела хвостом моё плечо — я сидел совершенно неподвижно, — прошла по песку, прошуршала в траве и исчезла.

Попугай уже летел обратно. В клюве он нёс тонкую, гибкую веточку.

Птица мастерила гнездо! Верхушка сломанной пальмы была её квартирой.

Зелёный красавец приладил ветку, снова посмотрел на меня, затем направо, налево. Он смотрел так пристально, что я понял — я тут не один.

Я осторожно привстал. Слева от меня в кустах стоял коричневый, с россыпью белых пятнышек на спине олень. Наши глаза встретились, олень подпрыгнул, повернулся в воздухе и умчался, с треском ломая кусты.

Лёгкий стук копыт погас.

И тогда справа от меня из кустов поднялась выцветшая панама. Блеснул выпуклый стеклянный глаз бинокля. Мистер Буч сделал знак рукой: «Идёмте!»

— На этом дереве попугаи гнездятся уже шестой год подряд, — сказал он. — Я каждую неделю прихожу сюда и наблюдаю... Сейчас вы увидите оленей.

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мы шли лесом. Я спрашивал. Буч отвечал, и для меня умирали мифы. Великолепные мифы об Индии.

Буч сказал, что, кроме предгорий, в ней не осталось места для лесов и вообще для дикой природы. Всё заняли поля и селения.

— Нас шестьсот пятьдесят миллионов, — говорил он. — Это океан, под волнами которого исчезли джунгли и пустыни. А ведь мы ещё не промышленная страна, наши реки ещё не отравлены, а земля не заражена. Нельзя сказать, что мы не любим и не ценим живое. Наоборот. Вы могли видеть на дорогах людей, рты которых закрыты повязками из марли. Это джайны — они верят, что ничто живое не должно быть убито. Они закрывают рты, чтобы не вдохнуть мошку или комара. Мы всегда гордились своими дрессированными слонами, а тигров убивали лишь тогда, когда они становились людоедами. Но теперь нас слишком много...

— Зато звери и сейчас платят добром за добро народу Индии. Только в вашей стране

есть до сих пор случаи, когда звери воспитывают детей.

Мистер Буч рассмеялся.

— Редиард Киплинг великий писатель, — сказал он. — Мои дети любят его. Но Маугли не существовал никогда. Я почтовый работник, но всю жизнь посвятил изучению птиц и зверей. Все заблудившиеся в джунглях были съедены. Никогда волки не вскормили ни одного потерянного матерью оленёнка или детёныша обезьяны. Что говорить о человеке? Маугли — это прекрасная сказка.

— Но я видел в газете фотографии...

— Я видел их тоже. Мало того, видел, как журналист сфотографировал в деревне мальчика. Мальчик не умел говорить и ходил на четвереньках. В наших деревнях раньше рождалось много больных детей. Для Индии время перемен только наступило.

— Значит, Маугли нет... — Новая мысль неожиданно пришла мне в голову. Я вспомнил Бомбей. — А укротители змей? И это миф?

— И это... — Мой собеседник говорил почти печально. — Индия полна чудес, но факиры к ним не относятся. У змей,

которых вы видите на улицах, вырваны ядовитые зубы. И даже сражение, которое факиры показывают, не настоящее. Это не битва мангусты с коброй.

— Вот это вы уже напрасно! Я видел такое сражение сам.

— Да, но в суматохе вы не рассмотрели хорошенько вторую змею. Её выпустили из другой корзины?

— Да...

— Во второй корзинке обычно сидит рат-снейк, крысиная змея. Она меньше кобры, хотя похожа на неё по цвету. Только она не ядовита, и у неё нет капюшона. Крысиных змей много, и они дешёвы. Впрочем, за хорошие деньги мангусте дадут расправиться и с коброй. Особенно если змея стара и её уже пора менять. Это очень эффектное зрелище. Ведь мангуста не знает, что кобра без зубов, и поэтому дерётся очень осторожно, по всем правилам.

— Не знаю, что и сказать... Вы меня ошеломили.

— Что делать?..

Мы стояли на плоском невысоком холме. Осторожно раздвинув кусты, Буч знаком пригласил меня посмотреть вниз. В неглубоком распадке,

около запруды, разлился ручей. У коричневой лужи стояли на скользкой глине два хрупких оленя и, опустив головы, жадно пили. Время от времени то один, то другой пугливо осматривались.

— Не спугните. Олени боятся людей. Они не боятся автомашин.

Послышалось лёгкое урчание мотора. В распадок по грунтовой дороге въехала наша машина. Шофёр осторожно провёл её мимо лужи, олени внимательно посмотрели на неё, но от воды не ушли.

— Мне пора ехать. Ведь я всего лишь почтовый чиновник! Извините,— сказал мистер Буч. — Довезите, пожалуйста, меня до конторы.

РАТ-СНЕЙК

В тридцати милях южнее Мадраса, на берегу океана, в местечке Махалибапурам стоят вырубленные из целого камня низкие, тёмные, почерневшие храмы. Причудливые каменные фигуры слонов и многорукие боги украшают их стены. Внутри храмов полумрак, курятся тусклые свечи, едва слышно шелестят шаги. Бого-

мольцы, молитвенно сложив руки, что-то шепчут, обращаясь к каменным изваяниям.

В храмах прохладно и, когда выходишь наружу, раскалённый, стекающий с обожжённых полуденным солнцем крыш воздух обрушивается на тебя как кипяток.

Я торопился к машине, как вдруг увидел в тени около храмовой стены две знакомые плоские корзины.

Укротитель с дудкой сидел рядом. Поодаль отдыхал, прилягиваясь спиной к каменной стене, мальчишка со зверьком на потёртом пеньковом шнурке.

Словно кто-то перенёс и корзины, и мужчину с дудкой, и мальчика с мангустой сюда, за тысячи километров от Бомбея, и вновь поставил их на моём пути.

Первым заметил меня мальчик, он крикнул что-то отцу, тот наклонился к корзине и, делая широкие жесты, пригласил подойти поближе.

— Драка мангусты с коброй! — нараспев объявил он.

Я подошёл. Палящее солнце делало всё окружающее неправдоподобным: слишком яркие краски, слишком чёрные тени. Слепительный песок, которым посыпана площадь

перед храмом. Звон крови в ушах и щёлканье пальмовых листьев над головой...

Мужчина взял у меня деньги — больше желающих смотреть представление не нашлось — и снял с первой корзины крышку. И снова оттуда поднялась и стала на хвост огромная коричневая змея. Снова раздула капюшон с очками и, покачиваясь, стала следить за движениями дудки.

Когда кобра, как решил мужчина, потанцевала вполне достаточно, он опустил дудку и, схватив змею, небрежно сунул её в корзину. Он сделал это недостаточно проворно и плохо закрыл крышку. Крышка слетела, и змея устремилась прямо ко мне. Она ползла, не замышляя ничего плохого, а я, помня о вырванных зубах, стоял на одном колене и продолжал снимать. В окошке видеоискателя то показывалась, то исчезала голова с раздутым капюшоном. Потом змея исчезла — факир, схватив кобру за хвост, вновь водворил её в корзинку. Забыв о том, что надо изображать осторожность, он просто взял её в руки и, затолкав в корзину, прижал крышкой.

Тогда вперёд вышел маль-

чик. И снова была сброшена крышка со второй корзины, снова оттуда пулей вылетела серо-коричневая змея. Мангуста бросилась на неё. Я подошёл слишком близко, они покатались мне под ноги. Мангуста с первого же удара прокусила змее затылок, и всё было кончено.

Мальчик поднял змею и протянул её мне. Это действительно была не кобра, а рат-снейк. Из рта у неё шла кровавая пена. Мангуста царапала коготками песок и рвалась к удушенной змее. Та висела плетью.

— Хорошая работа! — сказал я мальчику.

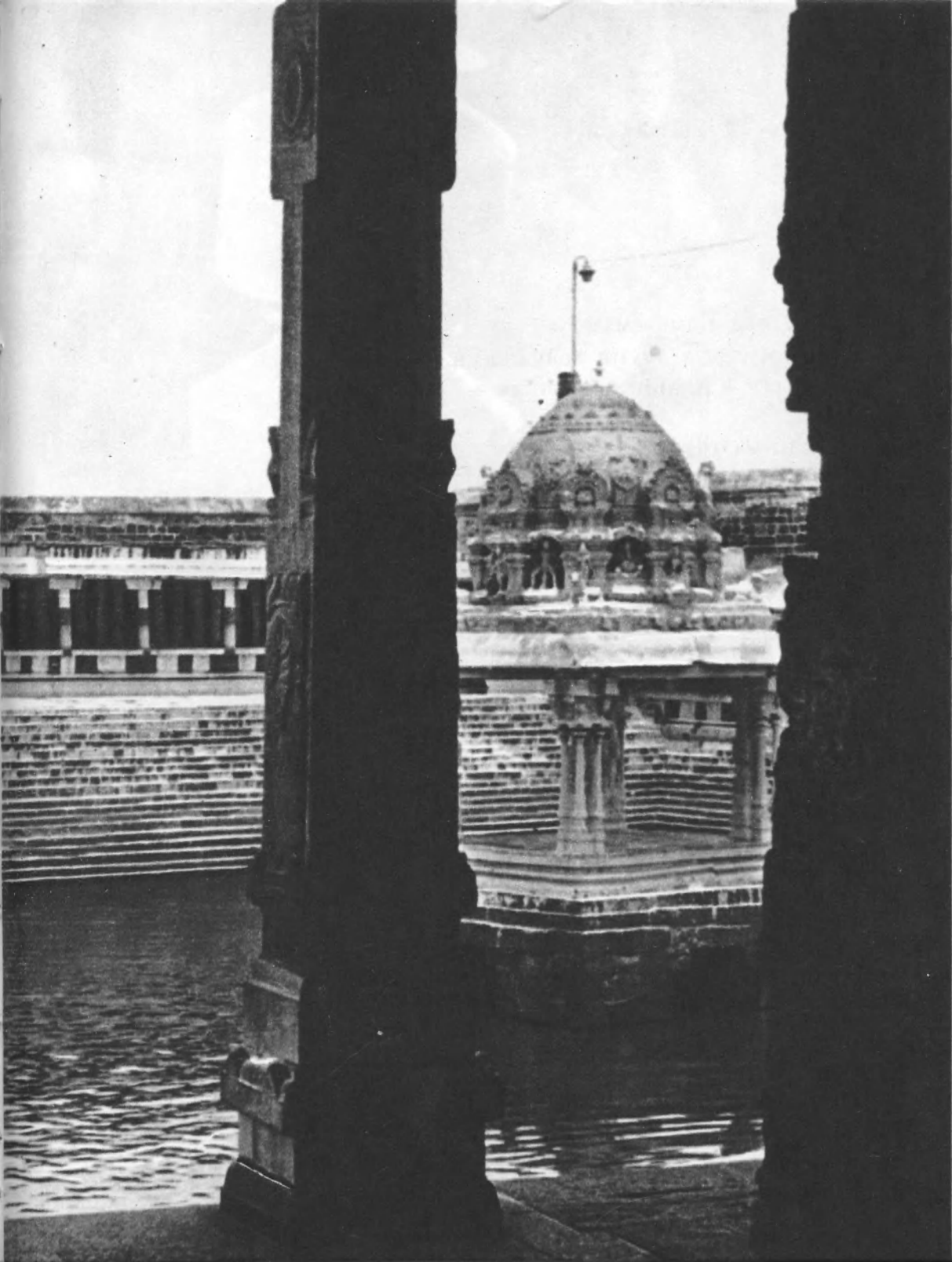
Я сказал это совершенно серьёзно. И он, и его острозубый зверёк сделали то, что нужно было сделать. Быстро и точно.

От зноя кружилась голова. Каменные божества слепыми глазами смотрели на пыльную раскалённую землю.

Я вспомнил слова Буча: «Маугли — это прекрасная сказка». «И змеи. Змеи Индии — тоже», — подумал я.

Храм в Канчипураме.
Май — время смены муссонов.
Вот-вот
должны были хлынуть дожди.
А пока солнце палило нещадно.
Раскалённые камни обжигали ногу,
ботинки пришлось оставить
при входе в храм.
Позади меня
послышался шорох.
Так шуршит сухой брезент.
В глубине храма
в чёрной тени
стоял слон.
Это был храмовый слон —
его работа ходить
во главе процессий.
Слону тоже было жарко.
Из-за колонн он видел воду,
но подойти к ней не смел:
в бассейне совершают омовения,
сюда приходит много верующих.

В лесу под Бомбеем
я столкнулся с двумя девушками.
Они были в длинных платьях —
сари
и несли на головах
кувшины с водой.
При виде фотоаппарата
одна девушка ускорила шаг
и скрылась в кустах.
Вторая обернулась.
Она стояла молча,
строго и
печально смотрела в объектив.
Было раннее утро.
Медные кувшины
на её голове блестели
как золотые.
Лес, где мы встретились, —
заповедный, в нём даже
есть львы. Их привезли
из Гирских гор.
Но люди не боятся
встречи с ними —
львов держат
за оградой.

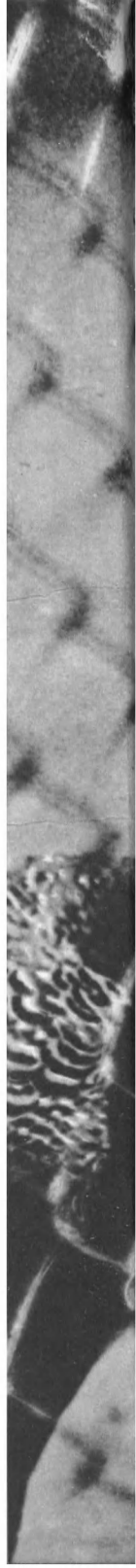
В Парке змей
на дне бетонной чаши
(я уже описал её)
было укреплено сухое дерево.
На его сучьях лежали
серые,
чёрные,
бронзовые змеи.
Среди них медленно,
как во сне,
передвигался
зелёный хамелеон.
Пока я разглядывал его,
случилось происшествие.
Одна женщина уронила на дно
бетонной чаши
дорогую серёжку.
За ней полез служитель —
высокий индеец
в белом халате и
в резиновых сапогах.
В руке у него
был тупой железный крючок.
Он ходил среди змей
и перекладывал их крючком
с места на место.
Серёжку он нашёл быстро.

Прямо на тротуаре сидел,
подвернув под себя ноги,
человек в белой чалме,
с дудкой.
Около него
стояли две плоские корзинки.
Увидев нас,
он сбросил с корзин крышки
и поднёс дудку к губам.
Из корзин стали нехотя выползать
змеи.
Их было две.
Прислушиваясь к звукам музыки,
они приподнялись.
Собственно,
приподнялась по-настоящему
только одна змея,
вторая
лениво ползала
около корзинки.
Потом, всматриваясь в фотографию,
я много раз пытался определить:
что это была за змея?
Но первая была наверняка коброй.
Она раздула капюшон,
стала на хвост
и,
следя за движениями дудки,
закачалась.

По дороге из Дели в Агру
по бокам шоссе
стоят тамариндовые деревья.
Раньше,
говорят,
на них всегда сидели павлины.
Их было много,
птицы всё время перелетали
с дерева на дерево
под самым носом машины.
Приходилось ехать медленно.
Мы
дважды проехали этой дорогой
и
никаких павлинов не встретили.
Эти два —
в клетке —
единственные,
которых мы увидели
в Индии.
Они сидели в клетке
за проволочной сеткой
прямо в лесу.
В том лесу,
куда привёз нас словоохотливый Буч.

ДЕЛЬФИНЫ И ЛЮДИ

Дельфин обнаруживает ещё и любовь к музыке: звуки музыки, особенно звуки духовых инструментов, явно доставляют ему удовольствие. Он не смотрит на человека как на существо чуждое и враждебное, которое следует бояться. Он выплывает навстречу кораблям, прыгает и резвится поблизости от них, плавает с ними наперегонки и всегда обгоняет их.

Древнегреческий ученый Плиний.

I век нашей эры

СЕЙЧАС ВЫ УВИДИТЕ ДЕЛЬФИНОВ

МЫ ИДЁМ НА САМЫЙ КРАЙ ОСТРОВА

МАЯК

МАЛЫШ, ПИРАТ И ДРУГИЕ

НЕУЖЕЛИ МОРОЖЕНАЯ РЫБА ВКУСНЕЕ?

СОБАКИ И ЗМЕИ

С ЧЁРНОЙ ТРЯПКОЙ НА ПЛАВНИКЕ

КОГДА БОЛЕЕТ МАЛЫШ

МЫ СМОТРИМ КИНО

ИЩЕТ ЛИ ДЕЛЬФИН ДРУГА СРЕДИ ЛЮДЕЙ?

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ ВЫПУСТИТЬ РУЧНОГО ДЕЛЬФИНА

ЧЁРНОЕ МОРЕ

июнь — август, 1967 год

ОСТРОВОК У КАВКАЗСКОГО БЕРЕГА

В жёлтой степной траве — цепочками белые круглые камни. Две тысячи лет назад мозолистые руки виноградарей обломками известняка разделили степь на участки.

Невдалеке от берега — островок. К нему ведёт узкая дамба. На ней дорога. Узкая, липкая, чёрная полоса асфальта. В зелёной, пахнущей водорослями воде качается отражение шлагбаума.

Одуревший от жары сторож охраняет въезд.

На островке — несколько домиков из белого камня, похожее на ангар здание лаборатории, в маленькой бухте — загородки-вольеры.

Я приехал сюда к дельфинам. О них тогда очень много писали. На столе у меня в Ленинграде лежала книга американского учёного Джона Лили. На её обложке человек и дельфин пытливо всматривались друг другу в глаза.

— Сейчас вы увидите дельфинов, — сказала мне Ольга, сотрудница дельфинария.

По узким деревянным мосткам мы шли к вольеру.

Там кто-то дышал.

— Где же дельфины? — спросил я.

Ольга не ответила.

На поверхности воды показался островок — тёмная блестящая кожа. В одном месте кожа провалилась, получилась дыра. Из неё вырвалась струя брызг и пара.

«Пх-х!»

Дырка захлопнулась, и животное погрузилось в воду.

— Постучите по воде ладонью.

Я присел на корточки. Под водой что-то мелькнуло. Тёмное пятно описало полукруг, приблизилось. Прямо на меня из-под воды смотрела удлинённая птичья морда. У дельфина были широко поставленные глаза. На меня он смотрел с любопытством.

Ольга присела рядом. Дельфин открыл пасть. Женщина вложила в неё ладонь, а потом погладила зверя по челюсти. Дельфин в восторге откинулся и с шумом, окатив нас фонтаном брызг, ушёл под воду. Теперь он мчался вдоль сети, чёрный треугольник-плавник рассекал воду, как нож.

— Приходите сюда каждое

утро, — сказала Ольга. — Если будете наблюдательны и терпеливы, увидите много интересного.

МЫ НЕ МОЖЕМ ЖИТЬ НА ПЛАНЕТЕ ОДНИ

Но моим настоящим другом и спутником стал Валерий — дельфиний доктор, с которым меня познакомили на следующий день. Дельфины болели редко, работы у него было немного.

Мы приходили рано утром, садились на дощатый помост, опускали в воду босые ноги и молча наблюдали.

Малиновое солнце поднималось из-за гор. Вода по обе стороны дамбы розовела. Силуэты людей, идущих на работу, отражались в воде.

Рабочий приносил ведро оттаявшей мороженой рыбы.

Взяв кефальку за хвост, он швырял её в вольер. Показывалась голова дельфина. Оп! — рыба исчезала в пасти животного.

Затем приходили научные сотрудники. Они опускали в вольер сеть и, отловив очередного зверя, уносили его на

носилках в лабораторию. Там стояли узкие длинные ящики из прозрачной пластмассы. Дельфины лежали, упираясь носами в стенки. Блестящие чёрные спины с высокими плавниками торчали из воды. На спины были прилеплены приборы. Чуткие стрелки дрожали в такт дыханию.

Как бьётся у морского зверя сердце? Сколько нужно ему кислорода? Что за электрические сигналы излучает дельфиний мозг?

У каждого учёного были к дельфину свои вопросы. Люди толпились около ящиков, нетерпеливо записывая показания приборов.

Мы с Валерием осторожно выходили из лаборатории. Нас не интересовали приборы, нас интересовали сами животные. Мы возвращались в вольер и снова сидели, молча уставясь в зелёную воду.

К полудню, когда жара становилась нестерпимой, мы шли на наветренный берег. Здесь стоял маяк. Его высокая башня была раскрашена красными и белыми полосами, стеклянный балкон горел, как прожектор.

Мы ложились в тени маяка. Обманутые тишиной, из

ломкой травы выползали желтобрюхие полозы. На чёрных камнях у воды сновали крабы.

Солнце двигалось по небу. Тень маяка отступала. Она двигалась, как часовая стрелка. Вместе с тенью двигались и мы. Переползая с места на место, мы лениво переговаривались.

Валерий со студенческих лет тоже был захвачен тревожной мыслью о том, что, если не принять срочных мер, человек останется на планете один.

— Мы не сможем тогда жить, — говорил он. — Всё живое миллионы лет сплеталось в одну сеть. А мы до сих пор видели лишь узелки: вот — я, вот — слон, вот — медведь...

Он был убеждён: дельфины помогут нам понять жизнь морских глубин, изучив их, мы в корне изменим своё отношение к жителям океана.

В воздухе возникал мелодичный звон. Он долетал до нас со стороны дельфинария: били в рельс — звали на ужин.

Мы возвращались, чтобы через час снова сойтись у вольера и продолжить прерванный разговор.

МАЛЫШ, ПИРАТ И ДРУГИЕ

Как-то Валерий сказал, что у дельфинов есть свой дом — пронизанный солнечным светом верхний слой воды. Граница моря и воздуха. Здесь они живут, то погружаясь в прохладный полумрак, то поднимаясь к поверхности.

— Малыш... Макс... Шустрый... Русалка... Пират... — называл он мне дельфинов по именам.

— Как вы их различаете?

— То есть как? Они же разные. Малыш — дельфинёнок, он меньше всех. Русалка — его мать, они плавают вместе. У Макса на спине белое пятно. Шустрый — с зазубриной на плавнике. У Пирата на голове три царапины — его весной укусил Макс.

Я хотел было спросить, за что Пирата называли Пиратом, но решил — успею.

Принесли мороженую рыбу. Высунув из воды головы, дельфины ждали. У самых их хвостов бродили стайки зеленоватых кефалек. Дельфины не обращали на них никакого внимания. Они ждали, когда сторож бросит в воду оттаявших в ведре, дряблых рыбин.

«А ещё считаются — хищные звери!» — подумал я.

ТРЯПОЧКА

Я приходил каждый день в вольер, садился на мостки и наблюдал за дельфинами.

Оказалось, что они очень любят играть. У каждого была своя любимая игрушка. Макс больше всего любил плавать с красным мячом. Шустрый — таскать в зубах обруч. У Пирата главная забава была — тряпочка.

Кто уронил её в вольер, неизвестно. Простая чёрная тряпочка. Она лежала на дне. Пират подплывал, поддевал её носом и мчался по вольеру. Он мчался, а чёрный лоскут лежал у него поперёк морды. На глазу, совсем как повязка у разбойника. Ясное дело — Пират.

Надоест Пирату лоскут на морде таскать, сбросит его и сейчас же — оп! — поддел плавником. Развевается тряпочка на плавнике.

Плывёт Пират, плывёт, сбросит тряпочку — оп! — подцепил хвостом. На ходу, не оглядываясь.

Надоело ему носиться, круто

хвостом воду загрёб, затормозил, как матросы вёслами оставливают шлюпку, застыл на месте. Тряпочка слетела с хвоста, медленно пошла на дно.

Там ей и лежать.

ДЕЛЬФИНЫ И СОБАКИ

Я сидел на мостках, свесив ноги, и смотрел, как играют Шустрый и Макс.

Вдруг в вольере появились собаки — дворняжка, овчарка и большой чёрный пудель. Они пришли через дамбу. Гуськом обходя вольер, собаки сели рядом со мной.

«Прогнать их надо», — подумал я. Собак в вольер не пускали — калитка у входа была всегда закрыта на крючок.

Заметив собак, к нам подплыла Русалка. Подплыла и устоялась из-под воды внимательным взглядом. Подплыли ещё дельфины.

Я взял из ящика, где лежали игрушки, палку-поноску и, широко размахнувшись, швырнул в воду. Шустрый и Макс кинулись за ней.

Они мчались, выскакивая из воды. Первым подлетел к палке Шустрый. Он схватил

её в зубы и повернул назад. Около моих ног остановился и, не выпуская палки из зубов, высунулся из воды.

Он возвращал поноску.

Овчарка и пудель заворчали. Шерсть на их загривках поднялась дыбом. Собаки вскочили и, упираясь лапами в дощатый настил, свирепо залаяли.

Из домиков на берегу высыпали люди. Они бежали к вольеру.

Первой заметила их дворняжка. Она призывно тявкнула и опрометью бросилась на берег к дамбе. За ней, оглядываясь и огрызаясь, потрусили овчарка и пудель.

— Кто не закрыл за собой калитку? Почему не прогнали собак?

Начальник дельфинария спрашивал, свирепо поводя глазами. На меня он не смотрел.

«Может прогнать с острова, — подумал я. — Что ему стоит?»

Но начальник уже улыбался.

— До чего любопытно! — сказал он. — Только собаки веками таскали человеку поноску, были его верными друзьями. И вдруг — морские звери!.. Конечно, собаки обиделись.

ДЕЛЬФИНЫ И ЗМЕИ

Вольер часто заплывали змеи — чёрно-красные ужи. Сначала дельфины им удивлялись. Однажды Пират подплыл к ужу и толкнул его кончиком носа. Он решил, что это новая тряпочка.

Уж как зашипит! Завертелся, завился — и в сеть. Вплёлся в стальные кольца и повис, как вопросительный знак. Висит над водой, раскачивается. Головой, как молоточком, взад-вперёд, взад-вперёд.

Пират долго вертелся около него. Всё пытался понять: можно с этой тряпочкой играть или нет?

А уж опять: ш-шш-шшш!

На том дело и кончилось. Теперь звери и дельфины плавают, друг другу не мешают, не в свои дела не вмешиваются.

ИДИТЕ ВСЕ СЮДА

Вы ещё ни разу не плавали с дельфинами? — спросил меня Валерий. — Немедленно полезайте в воду.

Я надел маску, сунул в рот загубник и боком, как краб,

полез с мостика в воду. Лез, лез и сорвался. С плеском, в облаке пузырей ушёл на глубину. За стеклом маски вспыхнуло голубое сияние.

И вдруг мне послышалось комариное: «Пи-пи! Пи-пи!»

Может, это шумит в ушах кровь?

Нет, звуки повторились. Тоненькие-претоненькие.словно иголки в ушах. Комары не унимались, они подлетали ко мне с разных сторон.

«Пи-пи!» — сзади.

«Пи-пи!» — спереди.

«Пи-пи! Пи-пи!»

Я повернулся направо, откуда доносился самый громкий писк. Из голубого сияния ко мне приближался Пират. Он приближался очень медленно, с плотно закрытым ртом. Но я сразу понял — пищит он. Больше пищать было некому.

Пират издал длинный звук: «Пиинии-ии!..» И появились ещё дельфины. Они появлялись внезапно, словно выныривая из-под зеленоватого занавеса. Бело-голубые, сияющие отражённым светом дельфины стремительно приближались и, когда казалось, что вот-вот столкнутся со мной, лёгким

движением хвоста изменяли направление и проносились мимо.

Поплавав с дельфинами, я выбрался на мостки.

— Что они там делают? — спросил про дельфинов Валерий.

— Пищат.

— Вот так: пи-ии-пии?.. Вы знаете, что это значит?

— Наверное, что-нибудь вроде: «Здесь какой-то чужак!» Да?

— Правильно. Это значит: «Идите все сюда!»

МАЛЕНЬКИЙ НАЕЗДНИК

Малыш появился в вольере за месяц до моего приезда. Он родился под водой. Поддев слабое тельце мордой, мать вытолкнула новорождённого на поверхность. Дельфинёнок сделал первый вдох и, дёрнув хвостом, неуверенно поплыл.

— Вы обратили внимание, как он плавает? — спросила Ольга.

Я стал наблюдать за дельфинёнком.

Малыш не отставал от матери. Он то преследовал её по пятам, то вертелся перед самым носом. Но когда уставал,

то всегда подплывал сверху, пристраивался около её спинного плавника и, почти не работая хвостом, нёсся вместе с Русалкой, словно привязанный к ней верёвочкой.

«Ишь уселся!»

Малыш мчался, будто в седле. Он летел, увлекаемый движением матери, держась на невидимых глазу струях воды.

КАК ЛЕЧАТ ДЕЛЬФИНОВ

Однажды Малыш заболел.

То ли он простудился, то ли съел что-то не то, но он захандрил: стал вялый, по коже пошли белые язвенные пятна.

И тогда я увидел, как лечат дельфинов.

— Помогите, — попросил меня Валерий. — Нужен четвёртый — нести носилки.

Двое рабочих притащили сеть. Они опустили её в вольтер и повели, сгоняя дельфинов в угол. Они вели её, как рыбки невод. Встревоженные звери отступали.

Валерий в маске и ластах полез в воду.

Дельфины сгрудились около сетки. Валерий улучил мо-

мент и бросился в кучу дельфинов. Он ухватил Малыша за плавник, перевернул его на спину, обхватил руками и, работая изо всех сил ластами, поплыл к мосткам.

— Носилки! — крикнул он.

Мы развернули носилки и плеснули на них водой.

Малыша положили на брезент. Вчетвером мы подняли носилки и зашагали к домику, где была дельфинья больница.

Здесь Малыша переложили на стол, покрытый поролоновым матрасом. Пристегнули ремни.

Он лежал, печально кося глазами по сторонам. Валерий взял шприц, пузырёк с лекарствами, сделал Малышу укол. Потом второй. Измерил пульс и температуру.

Моя рука лежала около самой морды дельфинёнка. Если бы Малыш захотел, он мог бы укусить её. Всякий другой зверь на его месте так бы, наверное, и сделал. Да что там зверь! Если бы меня какие-нибудь морские существа затащили под воду и, привязав к столу, начали колоть, честное слово, я бы не выдержал. Я бы кусался и колотил ногами по матрасу.

А Малыш лежал спокойно.

Только когда делали второй укол — дёрнулся, и в пустой комнате послышалось комариное: «Пи-ии-пи!..»

Мы отнесли Малыша назад в вольер и осторожно опустили в воду. Дельфинёнок кинулся к матери, пристроился около её плавника, и они начали свой обычный бег.

В этот день Малыш и Русалка ни разу не приблизились к мосткам и не остановились, чтобы взять из рук у людей рыбу.

Через несколько дней белые пятна на коже у Малыша стали исчезать. Дельфинёнок повеселел.

У дельфинов-афалин красная голубая кожа — блестящая и упругая, как резина.

ИНТЕРЕСНОЕ КИНО

Вольер было не узнать. Со всех сторон его задрапировали. Голубые полотнища хлопали на ветру. В воде змеились синие блики. В четырёх углах установили прожекторы, от них на берег тянулись провода.

Какие-то люди с зелёными козырьками на головах сутились около воды.

На помосте стоял человек с киноаппаратом на плече и мрачно смотрел вниз. У его ног кружили Русалка с Малышом.

— Начали! — закричал человек с киноаппаратом и захлопал в ладоши.

В воду в гидрокостюме полез Валерий. Ему, видно, очень не хотелось лезть — в костюме было жарко. Но он был очень красив в воде — чёрный на голубом, — и человек с киноаппаратом тут же начал его снимать. Валерий поиграл с Малышом, а потом сел верхом на Пирата и прокатился по кругу.

Затем вылез на мостки, снял гидрокостюм и стал кормить животных.

Для чего-то его заставили кормить их, держа рыбу во рту. Валерий стоял на коленях и держал зубами за кончик хвоста кефальку. Он виновато поглядывал в нашу сторону. Дельфины подплывали, удивлённо останавливались, но рыбу брали.

— Для чего вы это делаете? — спросил я его в перерыве между съёмками.

— Говорят, что надо. Кино должно быть интересным, — вздохнув, ответил он.

... Через полгода в одном

из ленинградских кинотеатров я увидел этот фильм. Валерий кормил дельфина, давая ему кефаль изо рта. Затем ленту пустили задом наперёд — голубой дельфин выплыл из глубины с рыбёшкой в зубах и, подскочив, вложил кефаль в рот человеку.

Это должно было означать — дельфин разумен, он всё умеет. Вот какое интересное кино.

Мне стало неловко, я встал и, наступая на ноги соседям, начал пробираться к выходу...

ДЕЛЬФИН ИЩЕТ ДРУГА

В столовой дельфинария былолюдно и шумно. Синий табачный дым кольцами плавал под потолком.

На столе лежала рукопись. Жёлтые листы бумаги были разбросаны, к ним то и дело тянулись руки спорящих. Маленький полный человек сидел в центре и растерянно слушал, что говорят.

Обсуждали написанную им книгу.

— Это наш сотрудник. Он собирает свидетельства очевидцев — все случаи, когда дель-

фины искали (он верит в это) дружбы людей.

— Факты настоящие?

— Из газет.

ВОТ ЭТИ СЛУЧАИ...

Из брошюры, изданной в 1975 году Батумским дельфинарием:

«1966 год. Отдыхавший во время своего отпуска в доме отдыха «Кастель» в Крыму П. Е. Лысенко однажды далеко заплыл в море. Неожиданно он увидел неподалёку от себя дельфинёнка. Дельфинёнок держался на одном месте и, подпустив к себе очень близко пловца, отплыл немного в сторону.

П. Е. Лысенко постепенно приручал к себе дельфинёнка; через некоторое время дельфинёнок позволил ему гладить себя, сам подплывал и касался его рук».

«На пляже Суджукской косы у города Новороссийска летом 1973 года сотрудник историко-краеведческого музея С. К. Тюрина купалась со своими детьми. Случайно дети забросили мяч в море. Вдруг, к удивлению детей, мяч сам покатился в их сторону. Ока-

залось, что его толкнул подплывший к берегу дельфин. Дети и взрослые около сорока минут играли с ним. Поиграв, дельфин сделал несколько кругов и уплыл в море».

«В ставной невод у Анапы осенью 1972 года несколько раз подряд заплывал дельфин-афалина и досыта ел попавшую в невод рыбу. Когда к неводу подходил баркас с рыбаками, дельфин не проявлял никакого беспокойства. В первый день рыбаки, притопив в одном месте сеть, дали ему возможность уйти. На второй и на третий день они снова обнаружили в неводе того же дельфина. Тот теперь уже спокойно ждал, когда его выпустят. Кончилась эта история тем, что рыбаки отвезли животное в Большой Утриш, где в сетевом вольере учёные содержали дельфинов для исследований».

«7 августа 1973 года в 19 километрах восточнее города Скадовск к берегу подплыл раненый дельфин. На теле его была глубокая ссадина. Собрались жители ближайшего села, из аптеки принесли медикаменты. Рану присыпали стрептоцидом и покрыли густым слоем мази. Целый день

дельфин лежал на отмели. Вечером лечение повторилось. Поздним вечером дельфин уплыл в море...»

НАВЕРНОЕ, РУЧНЫЕ...

Долго слушали мы споривших.
— Что вы думаете по этому поводу? — спросил я Ольгу.

Она пожала плечами.

— Случаи доброжелательного отношения к человеку известны у многих диких животных. Раненые звери часто принимали помощь: олени, лоси... Бывало такое даже с волками.

Табачный дым ходил по комнате волнами.

— Идёмте на воздух, — сказала Ольга. — А знаете, мне это нравится — никто не верит, а один человек — верит. И надо ждать — кто прав? Дельфин ищет друга!.. Мне кажется наоборот: друга в нём ищем мы. А потом... — Она перешла на шёпот: — В море сейчас всё больше ручных дельфинов. Жил в дельфинарии, выпустили или убежал.

Мы вышли из столовой. Северный ветер гнал по небу рваные зелёные облака. В облач-

ные прорехи проваливалась луна. В вольере кто-то шумно плескался и дышал.

«Наверное, это всё-таки были ручные дельфины», — подумал я.

ДЕЛЬФИН В БУХТЕ

Я уезжал в тот день, когда проводили опыт: в море выпускали дрессированного дельфина Шустрого, чтобы посмотреть — вернётся он в дельфинарий или нет?

Он жил в дельфинарии давно, привезли его, поймав у Новороссийска ещё совсем маленьким, к людям он привязался.

Около лаборатории стоял грузовик. Рабочие ехали на холодильник за мороженой рыбой.

Я влез в кузов. Заурчал мотор, и машина, переваливаясь с боку на бок, стала въезжать на дамбу.

У шлагбаума мы остановились.

Отсюда хорошо была видна бухточка с вольерами. На берегу толпились люди. Посреди бухты стояла, подняв вёсла, шлюпка. Около её борта медленно двигался, едва возвы-

шаясь над водой, чёрный зубец — плавник.

Это был Шустрый.

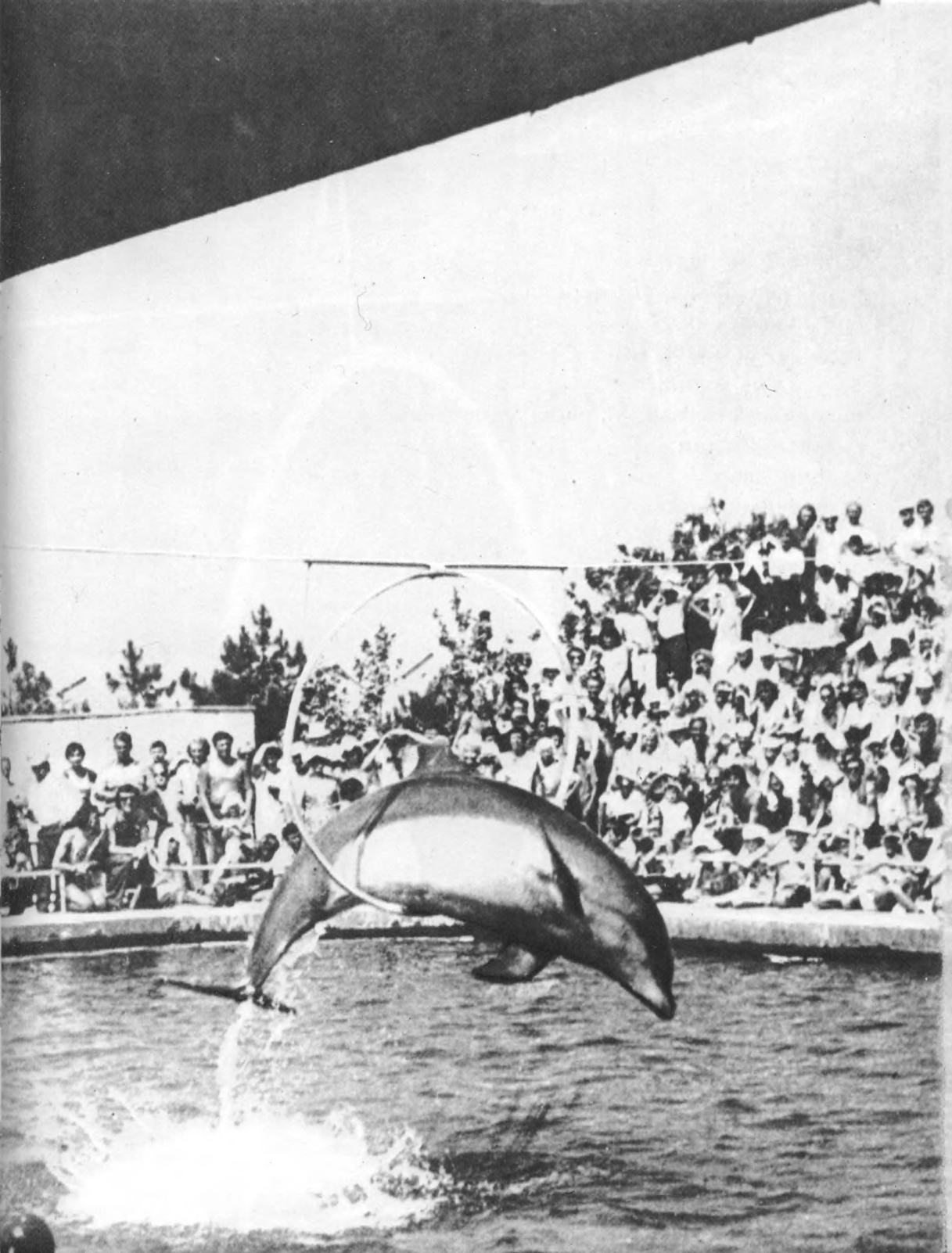
Он сделал несколько кругов и направился в сторону моря.

Время от времени зубчик исчезал, и тогда люди на берегу перебирались на склон, повыше, чтобы лучше видеть, где вынырнет дельфин.

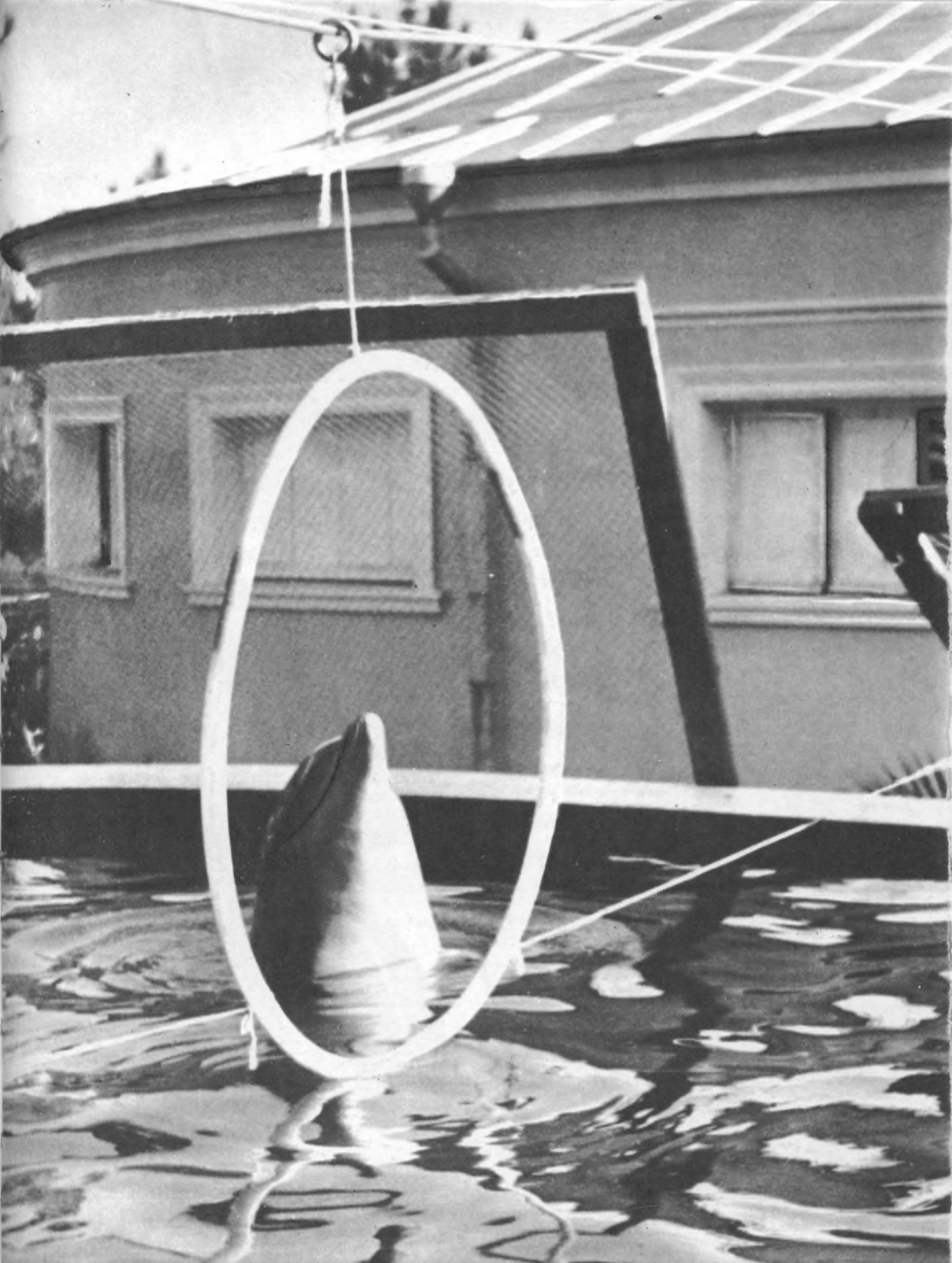
У выхода из бухты Шустрый остановился, а потом вдруг поплыл назад. Он плыл, ускоряя ход, торопился — открытое море испугало его. И тогда шлюпка, уронив вёсла на воду, поспешила ему навстречу. Они сближались: люди, сидевшие в ней, и животное, которое никогда не знало другой жизни, кроме жизни с людьми.

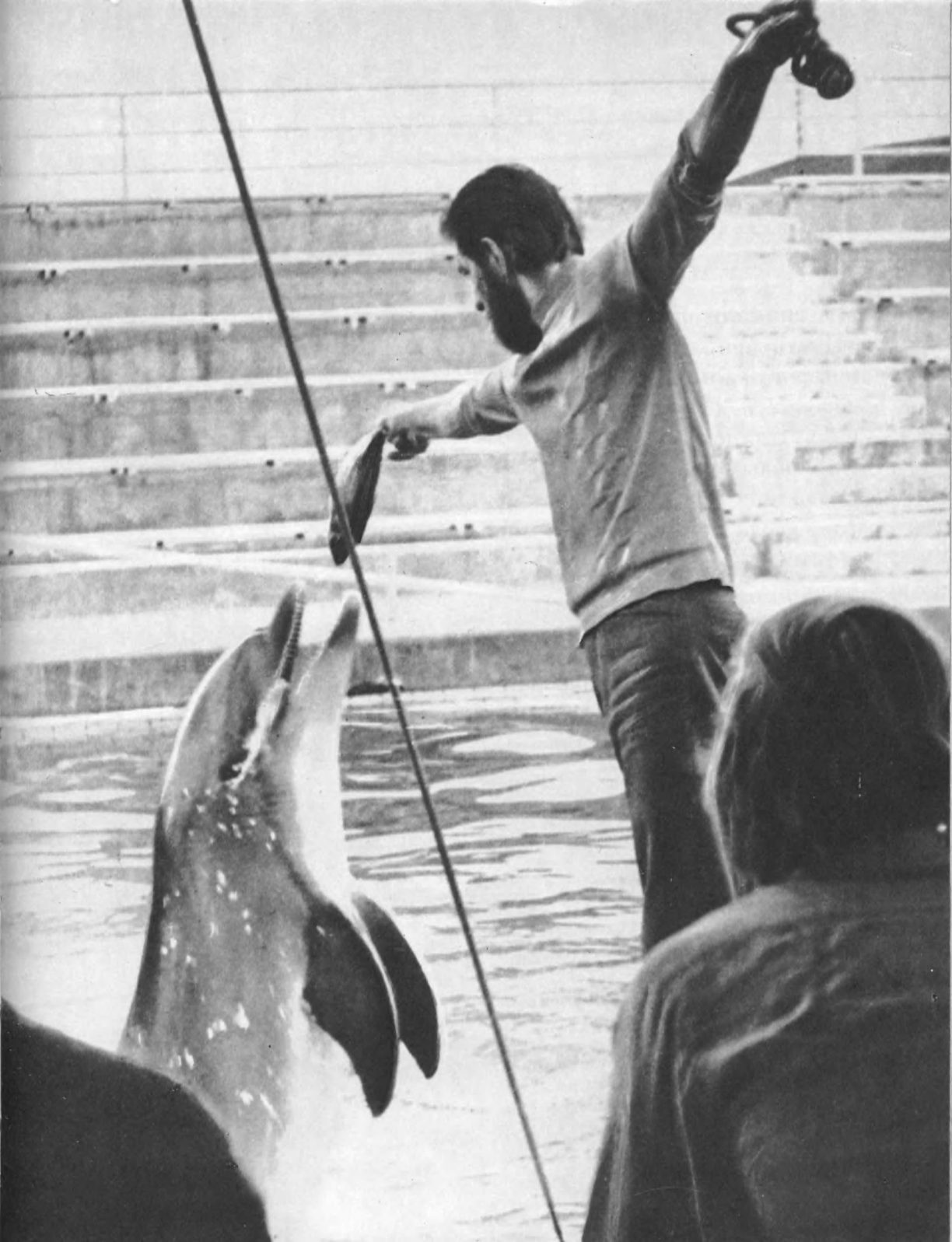
Дельфиний цирк...
Такие представления
можно
теперь видеть
во многих странах.
Животные прыгают через кольца,
играют в баскетбол
и кегли,
буксируют лодки
и позволяют кататься
на себе верхом.
Этот снимок сделан в Батуми.
Здесь для дельфинов
построили огромный дом,
похожий на корабль.
Такое сходство дому
придают круглые
медные иллюминаторы.
Через них видны стены
и дно бассейна.
В зеленоватой воде
медленно проплывают голубые,
похожие на рыб звери.
А наверху —
музыка и трибуны,
полные ревуших от восторга людей.

У дельфинария
есть своя парадная сторона —
большая арена,
музыка,
радостная толпа,
великолепные выступления животных.
А есть — будни:
задний двор,
крошечный бассейн,
в тишине час за часом,
день за днём
однообразные занятия.
Чтобы научить,
например,
дельфина прыжкам,
обруч сначала опускают под воду,
потом — приподнимают до половины,
затем — целиком.
Наконец,
подвешивают в воздухе.
Этот дельфин
уже знает, что от него
хотят.
Сейчас он отплывёт в дальний
угол бассейна,
разгонится и
совершит прыжок.

Дельфинов дрессируют,
вознаграждая лаской
или едой.
Зверь берёт рыбу из рук
или
ловит её на лету.
Простак получил свою рыбёшку
и поплыл прочь.
Хитрец будет брать рыбину
за рыбиной
и прятать их в углу рта.
Когда дельфин берёт
рыбу,
он не впивается
в неё зубами.
Зубы нужны ему
только для того,
чтобы удерживать добычу.
В море, охотясь,
он ест так:
догнал,
удержал зубами,
повернул языком
и только тогда
(с головы!) проглотил.

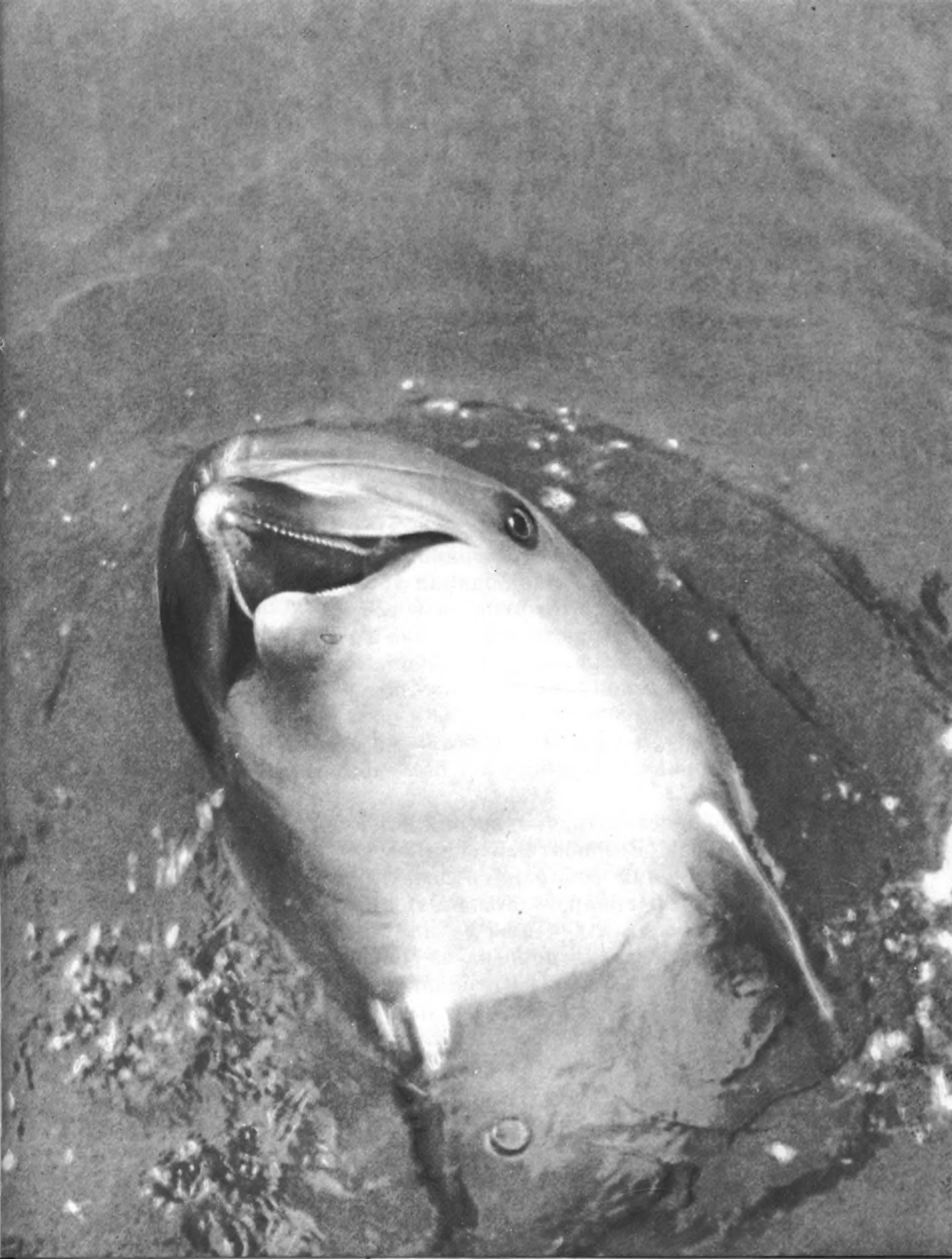

Мы снимали фильм
«Пусть приплывут дельфины»,
и герои фильма —
девочка и дельфин —
подружились.
Они целыми днями
плавали в бухте
(она была отгорожена от моря
сетями),
подолгу без слов
разговаривали друг с другом.
Потом дельфин заболел,
и его выпустили на свободу.
Вот так в море
появляются ручные животные.
Вот почему
уже встречаются дельфины,
которые не боятся людей.
Такие дельфины
бесстрашно
приближаются к пляжам,
плавают среди купальщиков,
привычно ожидая
ласки
или еды.

Дельфины любят,
когда с ними играют.
Присядешь у края бассейна,
положишь ему на морду ладонь
и делаешь вид,
будто хочешь утопить его.
А он мотает головой,
фыркает,
бережно — тоже шутя —
покусывает руку.
Кожа у дельфина
на ощупь гладкая,
но не скользкая,
как чешуя у рыб,
а сухая,
поскрипывающая,
как резина.
По ней очень
приятно провести
ладонью или пальцами.
Проведёшь — и словно бьёт ток...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это случилось в последний день нашей поездки по Южной Индии. Мы ехали по шоссе из Периара в Кочин. Машина резко затормозила. На дороге около маленькой лавки с овощами стоял слон. Он был чёрный, от ноги, вверх через спину и снова вниз под живот, шла потемневшая стальная цепь.

Верхом на слоне сидел погонщик — махут. Он сидел неподвижно и, казалось, даже не заметил вылетевшей из-за поворота машины.

Я подошёл к ним.

Слон стоял, придавив ногой большую, зелёную, сочную пальмовую ветвь и неторопливо обдирал хоботом с неё листья. Он отрывал их от ветки и отправлял в рот.

Дикие слоны посыпают себя пылью, а этот был чистый-пречистый, блестящий, как новенькое пианино.

— Что это за слон? — спросил я людей, стоявших поодаль (это были местные жители).

— Это рабочий слон. Он работал на лесопилке, подтаскивал к пиле брёвна. А теперь он без работы.

— Как это?

— Очень просто. Хозяин лесопилки купил трактор.

«Вот так раз! Безработный слон!»

— Что же с ним собираются делать?

— Он идёт в Периар, — объяснили мне. — Его оставят там. Слона некому кормить и некому платить деньги махуту.

Справа и слева от дороги, за узкой полоской низеньких каменных домиков, расстилалась зелёная, насыщенная влагой, нарезанная на аккуратные прямоугольники земля. На ней стебель к стеблю росли рис, сахарный тростник, бананы...

На каждом клочке копошились люди. Конечно, слона тут негде пасти, такой громадине тут негде жить!

Я вспомнил красных слонов Периара.

— Ему там будет хорошо, — сказал я и хотел похлопать ладонью по шершавому, чёрному, в редких жёстких волосинках слоновьему боку.

«Осторожно!» — знаком предупредил махут, а слон покосил на меня маленьким красным глазом.

Он дожевал пальмовую ветвь, махут сказал какое-то слово, огромное животное качнулось и, позвякивая цепью, двинулось вперёд.

Они удалялись по липкой чёрной дороге — слон и на нём шуплый человечек в белой одежде.

Я долго смотрел им вслед.

Пусть у него всё будет хорошо, у этого слона, который всю жизнь выуживал из реки пальмовые брёвна и подтаскивал их к визжащей, плюющей опилками машине. Пусть его примет стадо, пусть упадёт у входа в заповедник цепь, которую он так долго носил...

Периар, Микуми, Командоры... Заповедные уголки. В них собраны последние остатки могучих звериных племён, некогда населявших всю землю. Правда, и туда проник человек, но это человек добрый — он охраняет зверей.

Я верю, они выживут — львы, котики, крокодилы, антилопы, — выживут и останутся с нами. Они будут жить рядом с человеком. Только для этого они должны все стать такими же, как слоны Микуми...

«Все звери должны научиться ходить по асфальту», — подумал я.

Ленинград, 1975—1977 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
-----------	---

ЛИМОН ДЛЯ ЧУГУНКОВА	6
---------------------	---

В Якутске · На теплоходе · Выгрузка · Остров · В домике · Отлив ·
Лежбище · Лайда · Драка · Чёрненькие · Чайки · Сивуч · Калан ·
Ночь · Старый котик · Чугунков · Котики и автомобиль · Голоса ·
Утро · Человек и котик.

АРИЙ КАМЕНЬ	34
-------------	----

Снимать со скалы · Каменная стена · Зелёная палатка · Женщина
на скале · Кайры и бакланы · Топорики · «Они бесстрашные!»
Из рассказов Михтарьянц · Крабы · Ещё из рассказов Мих-
тарьянц · Чайка · Примус.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ	58
-----------------------	----

Охотники за крокодилами · Они — в Гуаме · Гуама · В болотных
протоках · Заповедник · Первое знакомство · Не те крокодилы ·
Храбрецы, трусы и лежебоки... · Драчуны · Манхуари · Яма ·
Скрюченный крокодил · Как ловят крокодилов · Крокодилята ·
Прощай, Эрнандо!

ЗВЕРИ МИКУМИ

82

Гостиница · Ночь · Джон Панталеон · Странная машина · Стада · Слоны · Саванна · Симба · Ночной гость · Так вот в чём дело... · Ещё о слонах · Разлинованный ослик · Охота · Снова папайя · Почему поднимается вода в Укереве · Гиппо · Бегемотовы лужи · Опять слоны · Слоны и бабуины · О бивнях · Какого цвета слоны? · Дожди · «Осторожно — дикие звери!»

ОЗЕРО ПЕРИАР

118

Мангуста и кобры · «Книга джунглей» · Периар · Слоны под облаками · Лесник · Джекоб · Последний тигр · Дерево · Малабарская белка.

ПТИЧИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МАДРАСА

140

Текстильный конус · Их надо искать не там · Мистер Буч · Парк змей · Хамелеоны · В лесу · Сломанная пальма · Мифы и действительность · Рат-снейк.

ДЕЛЬФИНЫ И ЛЮДИ

164

Островок у Кавказского берега · Мы не можем жить на планете одни · Малыш · Пират и другие · Тряпочка · Дельфины и собаки · Дельфины и змеи · Идите все сюда · Маленький наездник · Как лечат дельфинов · Интересное кино · Дельфин ищет друга · Вот эти случаи... · Наверное, ручные... · Дельфин в бухте.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

188

На форзаце — обезьяна чёрный лангур, снятая в момент прыжка с дерева на дерево (Индия).

*Для младшего
возраста*

**Святослав Владимирович
Сахарнов**

**СЛОНЫ
НА АСФАЛЬТЕ**

ИБ № 4413

Ответственный редактор

Л. И. Доукина.

Художественный редактор

И. Г. Найденова.

Технический редактор

Н. И. Лукова.

Корректоры

Е. Б. Кайрукшис

и В. В. Кудинова.

Сдано в набор 01.11.78.

Подписано к печати 26.04.79.

Формат 70×90^{1/16}. Бум. офс.

№ 1. Шрифт обыкновенный.

Печать офсетная. Усл. печ. л.

14,04. Уч.-изд. л. 9,61.

Тираж 100 000 экз.

Заказ № 636. Цена 75 коп.

Ордена Трудового Красного
Знамени издательство «Детская
литература». Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2

Росглавополиграфпрома

Государственного комитета

РСФСР по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли.

Ленинград, 2-я Советская, 7.

Сахарнов С. В.

С 22 Слоны на асфальте. Рассказы о животных/Художники Б. Кыштымов и Э. Беньяминсон. Фотографии автора. — М.: Дет. лит., 1979.— 192 с. ил.

В пер.: 70 к.

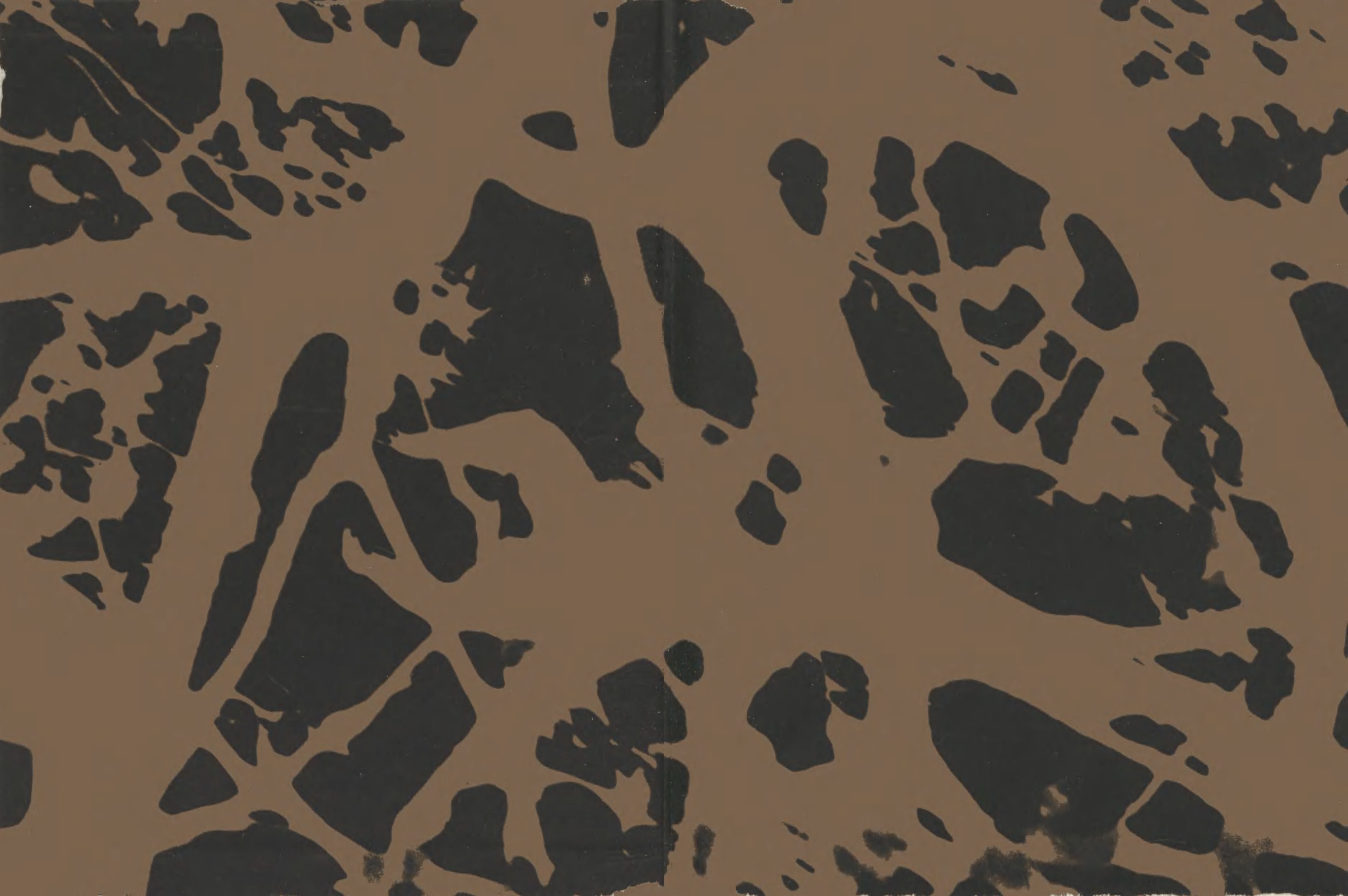
Рассказы о животных в заповедниках — котиках, крокодилах, слонах, жирафах и др.

70801—288

P2

С — — — — — Без объявл.

M101(03) 79

Сахарнов Святослав Владимирович.
Родился в 1923 году.

После окончания школы
служил на флоте, был штурманом,
командиром катера,
научным работником.

В 1958 году вышла его первая книга
для детей «Морские сказки».

С. Сахарнов много путешествует,
продолжает плавать,
увлекается подводными погружениями.

В разные годы вышли его книги:

«Разноцветное море»,

«Подводные приключения»,

«Осьминоги за стеклом», «Белые киты».

Книга «По морям вокруг Земли.

Детская морская энциклопедия»,

созданная в содружестве с художниками

Б. Кыштымowym и Э. Бенъяминсоном,
получила первый приз

на Международной книжной ярмарке
в Болонье.